

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Рэдакцыйная калегія

Галоўны рэдактар
А. М. Сендзер

Намеснік галоўнага рэдактара
С. М. Севярын

Адкажны рэдактар
Э. М. Севярын

Н. А. Антановіч (Беларусь)
С. П. Анупрыенка (Беларусь)
В. М. Ватыль (Беларусь)
М. М. Громаў (Расія)
А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
А. М. Данілаў (Беларусь)
І. А. Дзенісенка (Украіна)
С. Ц. Кавецкі (Беларусь)
В. М. Камнеў (Расія)
Ч. С. Кірвель (Беларусь)
Г. У. Клімовіч (Беларусь)
П. П. Крус (Беларусь)
Б. М. Ляпешка (Беларусь)
Я. Мірановіч (Польшча)
Д. Г. Ротман (Беларусь)
А. В. Самылаў (Расія)
Я. У. Скакун (Беларусь)
М. М. Чурылаў (Украіна)
Э. Ярмах (Польшча)
Я. С. Яскевіч (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224016, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
са снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – Установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2021

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
ад 01.04.2014 № 94 у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі Рэспублікі Беларусь ад 16.02.2021 № 36
(са змяненнямі, унесенымі загадамі ВАК ад 16.03.2021 № 65,
09.04.2021 № 105, 28.04.2021 № 121, 27.05.2021 № 147,
06.07.2021 № 204, 24.09.2021 № 237, 21.10.2021 № 263)

часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта».

Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Ростовская О. М. Материнство для женщины в контексте современной социальной реальности.....	5
Люкевіч У. П. Спартыўная этыка: генезіс Fair Play	11
Лепешко Б. М. Социальная истина и методологический плюрализм	20
Онуприенко С. П. Здоровьесберегающая среда в контексте становления эколого-творческих ориентаций современного человека.....	25
Шевцов А.В., Крусь П. П. Проблема развивающего потенциала информационных технологий в становлении личностной рефлексии и эмпатии подростков.....	34

ПАЛІТАЛОГІЯ

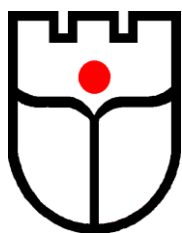
Калишук В. О. Недостоверная информация в политической коммуникации: методы и технологии противодействия	43
Ревенко В. В. Формирование имиджа спорта в условиях глобальной цифровизации	53
Северин Э. Н., Жук С. А. Права человека в социально-политической философии Ф. Фукуямы: от элемента «конца истории» к инструменту консолидации демократического общества	59
Скакун Е. В. Угрозы демографической безопасности Республики Беларусь	69
Рыжий А. С. Сравнение реформ административно-территориального устройства в зарубежных странах	77
Чжан Юйлин. Этапы формирования политического диалога между КНР и Индией.....	85

САЦЫЯЛОГІЯ

Волосников Р. А. Социальные аспекты влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь	93
Кавецкий С. Т. Аномия в постсоветском обществе и переход к стратегии устойчивого развития.....	100
Лысюк А. И., Соколовская М. Г. Образ женщины в трудах Фридриха Ницше	106
Посталовский А. В. Методика DAY AFTER RECALL в медиаизмерении радиовещания	114
Сакович А. Ю. Семейно-брачные отношения и репродуктивное поведение сельского населения Республики Беларусь	120
Семёнова А. В. Типологический подход к потребительскому поведению в социологической науке	127
Харитонов И. Н. Осведомленность сельского населения загрязненных территорий Беларуси о накоплении радионуклидов в культурных растениях	136

РЭЦЭНЗІЯ

Барановский Н. А. Коммуникативное взаимодействие государства и общества в информационной реальности	144
---	-----

Vesnik

of Brest University

Editorial Board

Editor-in-chief
A. M. Sender

Deputy editor-in-chief
S. M. Sevyaryn

Managing Editor
E. M. Sevyaryn

N. A. Antanovich (Belarus)
S. P. Anupryjenka (Belarus)
V. M. Vatyl (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
I. A. Dzenisenka (Ukraine)
S. T. Kavetski (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
H. U. Klimovich (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
B. M. Lyapeshka (Belarus)
J. Miranovich (Poland)
D. G. Rotman (Belarus)
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)
M. M. Churylau (Ukraine)
E. Yarmakch (Poland)
Ya. S. Yaskevich (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 2 / 2021

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from April 01, 2014 nr 94 as revised by the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from February 16, 2021 nr 36 (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from March 16, 2021 nr 65, April 09, 2021 nr 105, April 28, 2021 nr 121, May 27, 2021 nr 147, July 06, 2021 nr 204, September 24, 2021 nr 237, October 21, 2021 nr 263) the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical, political and social sciences

CONTENTS

PHILOSOPHY

Volha Rastouskaya. Motherhood for a Woman in the Context of Modern Social Reality	5
Uladzimir Lukievich. Sports Ethics: Genesis of Fair Play	11
Boris Lepeshko. Social Truth and Methodological Pluralism	20
Sergej Onuprienko. Health-Preserving Environment in the Context of the Formation of Ecological and Creative Orientations of Modern Person.....	25
Andrei Shevtsov, Pavel Krus. The Problem of Developing Capacity Information Technologies in the Formation of Personal Reflection and Empathy of Adolescents.....	34

POLITOLOGY

Vladislav Kalishuk. Unreliable Information in Political Communication: Methods and Technologies of Counteraction.....	43
Uladzislau Revenka. The Formation of the Image of Sports in the Conditions of Global Digitalization ...	53
Eduard Seviaryn, Sergey Zhuk. Human Rights in the Socio-Political Philosophy of F. Fukuyama: from the «End of History» Element to a Tool for Consolidating a Democratic Society.....	59
Yevgeniy Skakun. Threats to Demographic Security the Republic of Belarus	69
Aliaksandr Ryzhy. Comparison of Reforms of the Administration Territorial Structure in Foreign Countries.....	77
Zhang Yulin. Stages of the Formation of a Political Dialogue between China and India	85

SOCIOLOGY

Roman Volosnikov. The Social Aspects of the Influence of Public Opinion on the Effectiveness of the Border Service of the Republic of Belarus	93
Sviatoslav Kavetsky. Anomy in Post-Soviet Society and Transition to a Sustainable Development Strategy.....	100
Anatolij Lysiuk, Maria Sokolovskaja. The Image of Woman in Works of Friedrich Nietzsche.....	106
Aleksandr Postalovsky. DAY AFTER RECALL Method in Media Measurement of Radio Broadcasting	114
Anzhela Sakovich. Family and Marriage Relations and Reproductive Behavior of the Rural Population of the Republic of Belarus.....	120
Aliaksandra Siamionava. Typological Approach to Consumer Behavior in Sociological Science.....	127
Igor Haritonov. Awareness of Rural Population about Abilities of Agricultural and Horticultural Crops for Accumulation of Radionuclides when Managing Personal Subsidiary Plots	136

REVIEWS

Nikolai Baranovski. Communicative Interaction of the State and Society in Information Reality	144
--	-----

Ольга Михайловна Ростовская

*канд. филос. наук, доц. каф. правоведения и социально-гуманитарных дисциплин
Витебского филиала Международного университета «МИТСО»*

Volha Rastouskaya

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Law and Social-humanitarian Disciplines
at the Vitebsk branch of International University «MITSO»*

e-mail: rosolg@gmail.com

МАТЕРИНСТВО ДЛЯ ЖЕНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию феномена материнства в ракурсе, направленном на определение факторов возможности его осуществления для женщины. Выделены первичный и вторичный факторы – наличие безопасности и право свободного выбора. Реализация этих базисных факторов способствует разрешению ряда личностных, межличностных и социальных противоречий, присущих современной общественной реальности.

Ключевые слова: материнство, материнская любовь, свободный выбор, безопасность.

Motherhood for a Woman in the Context of Modern Social Reality

The article is devoted to the study of the phenomenon of motherhood. The author aims to determine the factors of the possibility of motherhood for women. The primary and secondary factors are distinguished: the availability of security and the right to free choice. The implementation of these basic factors contributes to the resolution of a number of personal, interpersonal and social contradictions of modern reality.

Key words: motherhood, motherly love, free choice, safety.

Введение

В науке с 1970–80-х гг. активно развивается направление motherhood studies, которое является междисциплинарным, объединяет специалистов в области социально-гуманитарного знания, и отражает тенденции феминистического движения. Среди значительного количества зарубежных авторов отметим Л. Иригарей, анализирующую образ женщины-матери в контексте этики половых различий [1]; Э. Бадинтер, исследующую материнские чувства в фокусе общественных запросов, констатирующую конфликт в плане «женщина и мать» [2–4]; С. Федеричи, поднимающую проблемы материнства и репродуктивного труда [5; 6]; С. М. Окин, акцентирующую внимание на гендерной структуре семьи и экономической составляющей ситуации женщины-матери [7]; Ю. Кристеву, интерпретирующую материнское в качестве одного из ярчайших примеров «отвратительного» в культуре и способ разрушения идентичности (как прокомментировала И. Жеребкина, ди-

ректор Харьковского центра гендерных исследований) [8].

Более широкий спектр современных тенденций исследования феномена материнства в зарубежной исторической и философской литературе представлен в статье Н. А. Мицюк [9].

Общий обзор ситуации гендерных исследований в Беларуси предлагает в своей статье С. Н. Булова. Как верно она заметила, белорусское академическое сообщество не проявляет активности в разработке и продвижении гендерных вопросов [10]. При этом нельзя не отметить таких значимых персон в философском освоении гендерной темы, как А. Усманова и Е. Гапова (основатель и директор Центра гендерных исследований Европейского гуманитарного университета).

Данная статья включается в общий контекст гендерного дискурса и направлена на определение факторов, обуславливающих возможность материнства для женщины. Достижение заданной цели предполагает рассмотрение вопросов о статусе женщи-

ны, социальном контенте современности, видах любви и формате взаимоотношений «женщина – социум, женщина – мужчина, женщина – ребенок».

Материнство как свободный выбор

Размышляя на тему материнства и материнской любви, о которой писали с различных точек зрения А. Аврелий, Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, С. Л. Франк, З. Фрейд, Э. Фромм, С. де Бовуар, А. Рич, Л. Абрамс, Л. Иригарей, Э. Бадинтер и многие другие представители философской мысли, необходимо начать с вопроса о женщине, ее личности, статусе и роли в обществе, возможностях и правах и рассмотреть его с учетом специфики социально-исторического развития.

Репродуктивная функция – вне права свободного выбора – тысячелетиями утверждалась за женщиной в качестве главной, а идеальный образ материнства в христианской традиции надежно закрепился в культе Девы Марии. Учитывая моральные устои, экономическое и политическое бесправие, низкий уровень развития медицины и гигиены, отсутствие надежных искусственных средств контрацепции и соответствующих знаний, большинство женщин являлось скорее жертвой материнства, чем счастливой обладательницей статуса матери. При этом было бы неверным утверждение об отсутствии любви со стороны матери как общей тенденции вплоть до эпохи Новейшей истории, как и ее повсеместности в современную эпоху благоустроенности.

В разные времена были женщины, которые выбирали путь, противоречащий стереотипам общественного сознания. Они бросали вызов социальным устоям и, соответственно, как закономерно происходит в ситуации выбора альтернативной стратегии мышления и жизнедеятельности, подвергались моральному осуждению. Самые известные и талантливые из них остались в истории и заложили основание тем условиям, которые женщины сегодня рассматривают как должное.

Здесь стоит упомянуть известных персон, чьи взгляды, активно выражаемые в первой половине XX в., отражали действительность, а их действия способствовали преодолению традиционных социальных принципов на пути к распространению но-

вого мировоззрения и иных форм гендерных взаимоотношений. Заметим, что к этому времени женщины заявили свои позиции в искусстве и науке (художницы А. Джен-тилески, А. Кауфман, М. Мозер, Б. Моризо, М. Лебрён; писательницы и поэтессы Дж. Остин, М. Шэлли, Ж. Санд, Ш. Бронте, Э. Бронте, Б. фон Зунтер; ученые М. Г. Анъези, К. Роккати, М. Кирх, А. Лавлейс, М. Скловская-Кюри и др.). Они активно воспринимали новые идеи, обучались, осознавали важность перемен. Развивалась первая массовая волна феминизма.

В первой половине XX в. взгляды и высказывания таких известных феминисток, как, например, И. Арманд (в одном из писем она писала, что у современной женщины материнство – «очень сложное, с массой самых разнообразных оттенков, чувство» [11, с. 322]), А. М. Коллонтай (она говорила о неизбежном конфликте в самой женщине, по одну сторону которого любовь и материнство, а по другую – профессия и призвание [12, с. 328]), или, позднее, С. де Бовуар, которая в книге «Второй пол», изданной в 1949 г., писала: «Сегодня независимая женщина разрывается между своими профессиональными интересами и заботами об исполнении женского долга» и по этой причине находится в состоянии постоянного напряжения [13, с. 684]. Такие воспринимались общественностью как революционные и радикальные. Так, И. Арманд отстаивала идею свободы от брака, а С. де Бовуар подписывала петицию за дискриминацию консенсуальных сексуальных отношений с несовершеннолетними.

С течением времени на протяжении XX в. идеи феминизма популяризовались, законодательно оформились (например, отпуск по уходу за ребенком), вступили в рамки общих тенденций (развод, свободное использование контрацепции), а некоторые из них (например, право на аборт) стали предметом общественной дискуссии и подверглись переоценке.

Можно констатировать, что произошли существенные изменения в статусе женщин, которые обусловили осознание ими собственной значимости и свободную (легальную) возможность выбирать, в т. ч. статус матери. И это один из факторов, обуславливающих материнство как маркер са-

моидентификации в современный период развития.

Материнство как локус безопасности

К началу XXI в. идеология равноправия стала органической составляющей европейского общественного сознания. Условия жизни совершенствуются. Гуманизация является одним из приоритетных направлений развития. Формат гендерных взаимоотношений развивается и юридически закрепляется в своем разнообразии. Тем не менее реальная ситуация относительно проблем материнства, прав детей и их родителей характеризуется противоречивостью.

Право на контрацепцию, аборт, анонимный отказ от новорожденного, т. е. право женщины на выбор – легальный и социально признанный и принятый, вступает в антагонизм с правами ребенка [14; 15]. Очевидно, что современная западная цивилизация продвинулась далеко вперед в отношении к детям, и исследования известного американского специалиста в области психологии Л. Демоса подтверждают несравнимую разницу между прошлым и настоящим в восприятии мира и человека, в частности ребенка [16]. Однако т. н. «детские ящики» до настоящего времени остаются отражением этических и правовых противоречий даже в развитых государствах Европы, а число абортов в мире (имеется в виду искусственное прерывание беременности), согласно статистическим данным, не снижается, и только развитые страны показывают положительную динамику (с 34 до 27 в расчете на 1 000 женщин) [17].

Не всякая женщина желает стать матерью (движение *childfree* набирает популярность). Это, в свою очередь, вступает в противоречие с общественно-политическими и национальными потребностями (особенно в повышении уровня рождаемости).

Материнство не синонимично с любовью. Не всякая мать любит свое дитя. Имеется в виду сознательная и деятельная любовь, которая качественно улучшает жизнь женщины и ребенка, предполагает их совместное непосредственное общение, нежное и внимательное отношение, заботу и ответственность. Материнская любовь не является безусловной, т. к. всякое переживание и действие имеет в основе причины. Однако реальные материнские чувства, ко-

торые представляют собой целый комплекс противоречивых переживаний, не соответствуют социальным ожиданиям.

Таким образом, возникает вопрос о разрешении ряда противоречий. Однако первостепенным является выявление причин, способствующих отсутствию фактора возможности материнства для женщины в качестве ее свободного проявления выбора в условиях настоящего времени.

Стоит отметить, что многие женщины воспринимают возможную перспективу материнства как опасность. Женщина, получившая права на образование, труд, участие в политической жизни и т. д., боится, что материнство перечеркнет все эти возможности, боится неизвестности и одиночества в ответственности. Под действием страха она совершает, в частности, такие поступки, как аборт или отказ от ребенка. При этом как возможность, так и невозможность осуществления соответствующих действий соотношены со страхом. И в данном случае право свободного выбора играет амбивалентную роль, поскольку совершается экзистенциальный выбор в условиях непреодолимого одиночества.

Именно страх является основной причиной отказа от материнства как акта свободного выбора, социального статуса, образа жизни и мышления. Но что лежит в основе страха? Детские комплексы, личностные амбиции (реализация себя в творчестве, карьере, самосовершенствовании, продвижении собственных взглядов и т. д.), неудовлетворенность собственной индивидуальностью и межличностными отношениями. В итоге все причины происходят из единого корня – отсутствия чувства безопасности.

Философ феминистской ориентации Л. Иригарей полагает, что материнско-женское лишено «своего» места – пространства-времени, женщине «нужно облечься собой, и, по крайней мере, дважды – как женщине и как матери» [1, с. 17]. Автор отстаивает позицию различий. Женщине предлагается стать собой. Однако одностороннее движение социальный контент не меняет. Это только шаг на пути к равновесию, который не является целеполагающим в отношении конкретного «места», он словно шаг на песке во время прилива. Л. Иригарей прежде всего очерчивает ситуацию, направляет вектор движения в сторону обретения «своего

места», но это «место» представляется непознанным локусом.

Необходим двусторонний процесс развития – диалог между:

1) женщиной и государством, которое, корректируя законодательство в отношении не только прав, но и обязанностей, способно изменить устоявшиеся принципы, порождающие страх;

2) женщиной и социумом, в котором важно постоянно совершенствовать качественный подход к формированию сознания и жизнедеятельности не только потенциальной и реальной матери, но и отца, а также благоприятные и равноправные условия и возможности для их самореализации;

3) между женщиной и мужчиной и каждого из них с самим собой на основаниях сознательной и деятельной любви – той, о которой писал Э. Фромм в работе «Искусство любить» [18, с. 37].

Последний тезис в значительной степени определяет возможность развития материнской любви. Она исходит из двух источников: из любви к себе и любви эротической. Любовь к себе, в отличие от себялюбия, не тяготеет миром «вне себя», а развивает личность в контексте внешнего мира в диалоге со своим экзистенциальным одиночеством, достигая осознанного консенсуса.

Эротическая любовь, предполагающая отношения, в результате которых может возникнуть новая жизнь, предусматривает двоих – женщину и мужчину. Следовательно, оба одинаково ответственны за совместное действие. И весь последующий процесс развития зарождающей жизни (и аборт, и отказ от ребенка) – это не личное дело и ответственность матери, а совместное, общее решение. Только осознание и принятие этого факта способно избавить общество от проблем абортов, отказов и разводов.

Родительская любовь – та форма любви, о которой на современном этапе развития нашей цивилизации необходимо акцентировать внимание. Безусловно, она может выражаться в виде материнской и отцовской любви, но в своих гендерных и индивидуальных проявлениях является эволюционирующей, изменяющейся в контексте общественной жизни.

В настоящее время патриархальные устои еще не изжиты, женское сознание находится в конфликте между семьей и желаемой самореализацией вне семьи, а мужчина часто в конкретных условиях социальной действительности тяготеет к принятию новых условий, где он так же, как и женщина, корректирует круг своих обязанностей; родительство еще делится по функциям и степени влияния на ребенка, в общественном сознании преобладает роль материнства. Но перспектива принадлежит равноценности в обязательствах, что следует обозначить как равнонаправленное родительство.

Становится очевидным, что фактором, определяющим возможность материнства для женщины, является наличие безопасности как отсутствия страха, что достигается во взаимодействии, в консенсуальности на личностном, межличностном, социальном и политико-правовом уровнях.

Заключение

В контексте современности, где формат социальных взаимоотношений и развитие общественного сознания все больше определяется влиянием технического прогресса и информатизации, тенденций демократизации и гуманизации, расширенного выбора и возможностей, тема материнства, как и тема детства, остается значимой. В настоящее время в социальной реальности присутствуют противоречия, разрешение которых видится необходимой задачей на пути продвижения вышеназванных тенденций.

В статье выделены факторы, обуславливающие возможность материнства для женщины в нынешних социально-исторических условиях.

Первичным фактором является наличие безопасности как базисного условия возможности материнства.

Вторичным фактором, определяемым предыдущим, выступает свободный выбор в отношении материнского статуса и общей стратегии жизни. Обобщая, их можно обозначить как универсальные принципы, осознание и реализация которых являются ведущими задачами, решаемыми посредством диалогического взаимодействия.

Результаты статьи могут найти применение в дальнейшей разработке гендер-

ной проблематики и исследовании разных аспектов материнства и семейных взаимоотношений, в учебно-воспитательной работе и формировании мировоззренческих ори-

ентиров, применяемых в непосредственной жизнедеятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иригарей, Л. Этика полового различия / Л. Иригарей. – М. : Худож. журн., 2004. – 182 с.
2. Badinter, E. The Myth of Motherhood. The Historical View of the Maternal Instinct / E. Badinter. – London, 1981. – 360 p.
3. Badinter, E. Mother love: myth and reality / E. Badinter. – New York : Macmillan, 1981. – 241 p.
4. Badinter, E. The Conflict: How Modern Motherhood Undermines the Status of Women / E. Badinter. – Metropolitan Books, 2012. – 224 p.
5. Федеричи, С. Прекарный труд: феминистская точка зрения [Электронный ресурс] / С. Федеричи. – Режим доступа: <https://www.nihilist.li/2013/10/22/prekarny-j-trud-feministskaya-tochka-zreniya/>. – Дата доступа: 15.08.2020.
6. Федеричи, С. Калибан и ведьма [Электронный ресурс] / С. Федеричи. – Режим доступа: <http://maxima-library.org/mob/b/456599/>. – Дата доступа: 15.08.2020.
7. Okin, S. Justice, gender, and the family / S. Okin. – New York : Basic Books, 1989. – 216 p.
8. Кристева, Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении [Электронный ресурс] / Ю. Кристева. – Режим доступа: http://loveread.me/read_book.php?id=13877&p=7#gl_2. – Дата доступа: 17.08.2020.
9. Митюк, Н. А. Проблема материнства в современных зарубежных исторических исследованиях / Н. А. Митюк // Вестн. ТвГУ. Сер. «История». – 2015. – № 2. – С. 124–134.
10. Бурова, С. Н. Гендерные исследования в Беларуси: история, социальный контекст, персоны / С. Н. Бурова // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2018. – № 1. – С. 161–168.
11. Арманд, И. Из письма Арманд к дочери, И. А. Арманд, осень 1916 г. / И. Арманд // Философия любви. Антология любви : в 2 ч. / сост. А. А. Ивин. – М. : Политиздат, 1990. – Ч. 2. – С. 319–323.
12. Коллонтай, А. М. Любовь и новая мораль / А. М. Коллонтай // Философия любви. Антология любви : в 2 ч. / сост. А. А. Ивин. – М. : Политиздат, 1990. – Ч. 2. – С. 323–334.
13. Бовуар, С. де. Второй пол : в 2 т. / С. де Бовуар ; пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой. – СПб. : Азбука, 2019. – Т. 2 : Жизнь женщины. – 736 с.
14. Декларация прав ребенка [Электронный ресурс] // Декларации, Конвенции и другие документы ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/-childdec.shtml. – Дата доступа: 17.08.2020.
15. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] // Декларации, Конвенции и другие документы ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/-childcon.shtml. – Дата доступа: 17.08.2020.
16. DeMause, L. The History of Childhood / L. DeMause. – Northvale : Jason Aronson, 1995. – 450 p.
17. Сакевич, В. И. Аборты в мире: неравномерная динамика и неравный доступ [Электронный ресурс] / В. И. Сакевич // Демоскоп Weekly. – 2018. – № 773–774. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2018/0773/barom01.php>. – Дата доступа: 18.08.2020.
18. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – М. : АСТ : Астрель, 2012. – 223 с.

REFERENCES

1. Irigaray, L. Etika polovogo razlichija / L. Irigaray. – M. : Khudozh. zhurn., 2004. – 182 s.
2. Badinter, E. The Myth of Motherhood. The Historical View of the Maternal Instinct / E. Badinter. – London, 1981. – 360 p.
3. Badinter, E. Mother love: myth and reality / E. Badinter. – New York : Macmillan, 1981. – 241 p.
4. Badinter, E. The Conflict: How Modern Motherhood Undermines the Status of Women / E. Badinter. – Metropolitan Books, 2012. – 224 p.

5. Federici, S. Priekarnyj trud: fieministskaja tochka zrienija [Elektronnyj riesurs] / S. Federici. – Riezhim dostupa: <https://www.nihilist.li/2013/10/22/prekarny-j-trud-feministskaya-tochka-zreniya/>. – Data dostupa: 15.08.2020.
6. Federici, S. Kaliban i vied'ma [Elektronnyj riesurs] / S. Federici. – Riezhim dostupa: <http://maxima-library.org/mob/b/456599/>. – Data dostupa: 15.08.2020.
7. Okin, S. Justice, gender, and the family / S. Okin. – New York : Basic Books, 1989. – 216 p.
8. Kristieva, Yu. Sily uzhasa: esse ob otvrashchii [Elektronnyj resurs] / Yu. Kristieva. – Riezhim dostupa: http://loveread.me/read_book.php?id=13877&p=7#gl_2. – Data dostupa: 17.08.2020.
9. Mitiuk, N. A. Problema matierinstva v sovriemiennykh zarubiezhnykh istorichieskikh issliedovaniiah / N. A. Mitiuk // Viestn. TvGU. Sier. «Istorija». – 2015. – № 2. – S. 124–134.
10. Burova, S. N. Giendernyje issliedovaniya v Bielarusi: istoriya, social'nyj kontiekt, piernsony / S. N. Burova // Zhurn. Bielarus. gos. un-ta. Sociologija. – 2018. – № 1. – S. 161–168.
11. Armand, I. Iz pis'ma Armand k dochieri, I. A. Armand, osien' 1916 g. / I. Armand // Filosofija liubvi. Anthologija liubvi : v 2 ch. / sost. A. A. Ivin. – M. : Politizdat, 1990. – Ch. 2. – S. 319–323.
12. Kollontaj, A. M. Liubov' i novaja moral' / A. Kollontaj // Filosofija liubvi. Anthologija liubvi : v 2 ch. / sost. A. A. Ivin. – M. : Politizdat, 1990. – Ch. 2. – S. 323–334.
13. Bovuar, S. de. Vtoroj pol : v 2 t. / S. de Bovuar ; pier. s fr. I. Malakhovoj, Ye. Orlovoj. – SPb., 2019. – T. 2 : Zhizn' zhenshchiny. – 736 s.
14. Dieklaracija prav riebronka [Elektronnyj riesurs] // Dieklaracii, konviencii i drugije dokumenty OON. – Riezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/-childdec.shtml. – Data dostupa: 17.08.2020.
15. Konviencija o pravakh riebronka [Elektronnyj riesurs] // Dieklaracii, konviencii i drugije dokumenty OON. – Riezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/-childcon.shtml. – Data dostupa: 17.08.2020.
16. DeMause, L. The History of Childhood / L. DeMause. – Northvale : Jason Aronson, 1995. – 450 p.
17. Sakievich, V. I. Aborty v mirie: neravnomiernaja dinamika i nieravnyj dostup [Elektronnyj riesurs] / V. I. Sakievich // Diemoskop Weekly. – 2018. – № 773–774. – Riezhim dostupa: <http://diemoscope.ru/weekly/2018/0773/barom01.php>. – Data dostupa: 18.08.2020.
18. Fromm, E. Iskusstvo liubit' / E. Fromm. – M. : AST : Astrel', 2012. – 223 s.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 24.09.2020

УДК 796.011.5

Уладзімір Паўлавіч Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін і методык іх выкладання
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Uladzimir Lukievich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines and Methods of their Teaching
at the Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: lucul@brsu.brest.by

СПАРТЫЎНАЯ ЭТЫКА: ГЕНЕЗІС FAIR PLAY

Паняцце Fair play у сучасным спорце з'яўляецца важнейшым маральным рэгулятарам, які вызначае сумленны і высакародныя паводзіны ў працэсе трэніровак і спаборніцтваў і характарызуецца доўгагэмінавай гісторыяй свайго развіцця. У цэлым спорт з канца XIX ст. да 20-х гг. XXI ст. істотна змяніў сваю ўнутраную сутнасць. Калі на працягу першых этапаў свайго станаўлення ён кіраваўся дэвізам «Галоўнае не перамога, а ўдзел», то затым па меры яго распаўсюджвання ўсталяваўся дэвіз «Citius. Altius. Fortius» (Хутчэй. Вышэй. Мацней). Аднак тэндэнцыі прафесіяналізацыі і камерцыялізацыі спорту прывялі да таго, што стала пераважаць ідэя «Перамога любой цаной». Такім чынам пачынаюць павялічвацца праблемы, звязаныя з махлярствам, прадузятым судзействам, допінгавым злоўжываннем і інш. Шматлікія парушэнні правіл спаборніцтваў з боку асобаў, якія так ці інакш уплываюць на канчатковы вынік змаганняў, прымусілі міжнароднае спартыўнае кіраўніцтва звярнуць самую пільную ўвагу на этычны кампанент гэтага віду дзейнасці.

Ключавыя словы: Fair play, спорт, этыка, генэзіс, алімпізм, каштоўнасці, глабалізацыя.

Sports Ethics: Genesis of Fair Play

Fair play in modern sports is the most important moral regulator that denotes honest and noble behavior in the process of training and competition, and is characterized by a long history of its development. In general, sport from the end of the 19th century to the twenties of the 21st century has significantly changed its inner essence. During the first stages of its formation it was guided by the motto «The main thing is not victory, but participation». Then as it spread, the slogan «Citius. Altius. Fortius» began more important. However further, the tendencies of professionalization and commercialization of sports have led to the fact that the idea of «Victory at any cost» has become the dominant one. From here, at an alarming rate, problems begin to increase, which are associated with deception, biased refereeing, doping etc. Numerous violations of the rules of the competition by persons who in one way or another affect the final result of the struggle, forced the top management in international sports to pay close attention to the ethical component of this type of activity.

Key words: Fair play, sports, ethics, genesis, Olympism, values, globalization.

Уводзіны

Гуманістычныя ідэі, якія складалі аснову алімпійскага руху, уяўляліся найважнейшым фактарам развіцця спорту на мяжы XIX–XX ст. На думку П. дэ Кубертэна, яны павінны былі прыўнесці разуменне «чыстага» спаборніцтва, бескарыслінасці, імкнення атлета да фарміравання гарманічнай асобы, непадзельнага адзінства спорту, культуры і адукацыі, а таксама стварэнне такога ладу жыцця, які базіруецца на рада-сці ад намаганняў, на каштоўнасцях добрых прыкладаў у выхаванні, павазе да ўсеагульных этычных прынцыпаў.

Дэталізацыя гэтага падыходу знайшла сваё адлюстраванне ў Алімпійскай харты. У прыватнасці, яе фундаментальныя прын-

цыпы вызначаюць алімпізм як філасофію жыцця, дзе спалучаюцца якасці цела, волі і розуму і паважаюцца агульначалавечыя этычныя прынцыпы, а галоўнай мэтай з'яўляецца садзейнічанне спорту ў фарміраванні гарманічнага развіцця чалавецтва і захаванне чалавечай годнасці. Заняткі спортам трактуюцца як неад'емнае права чалавека: без усялякай дыскрымінацыі, у духу сяброўства, салідарнасці і Fair play, на аснове палітычнага нейтралітэту. Асабліва падкрэсліваецца, што не павінна быць ніякага прыгнёту з прычыны расы, колеру скуры, гендарных адрозненняў, сексуальнай арыентацыі, мовы, нацыянальнага ці сацыяльнага паходжання, веравызнання, маёмаснага паказальніка, нараджэння і інш. [13, с. 11–12].

Этычны кодэкс, які таксама падрыхтаваны Міжнародным алімпійскім камітэтам, удакладняе некаторыя этычныя палажэнні, якія датычацца наступных аспектаў:

1) павага да чалавечай годнасці;

2) адмова ад усіх форм дамаганняў і злоўжыванняў, як фізічных, прафесійных, так і сексуальных, а таксама іншых фізічных ці псіхічных траўмаў;

3) забеспячэнне ўмоў бяспекі, добрабыту і медыцынскага абслугоўвання ўдзельнікаў спаборніцтваў, што спрыяе іх фізічнай і псіхічнай раўнавазе [7, с. 13].

Аднак практыка спартыўнай дзейнасці на працягу XX–XXI ст. неаднаразова дэманстравала шматлікія выпадкі махлярства і непрыстойных паводзін з боку ўдзельнікаў спаборніцтваў. Каб неяк супрацьстаяць такому становішчу, была ўведзена алімпійская клятва спартсменаў, якая ўпершыню прагучала ў 1920 г. падчас Алімпіяды ў бельгійскім Антвэрпене (Antwerpen). Тым не менш з сярэдзіны мінулага стагоддзя і па сённяшні дзень працягваецца ўпарта барацьба за захаванне ў спорце духу сумленных і высакародных спаборніцтваў, без падману, без прадузятасці ў судзействе, без допінгавага ўмяшальніцтва.

Адным з найбольш вядомых сродкаў захавання ў спорце «чысціні» барацьбы на спаборніцтвах з’яўляецца Fair play, альбо ў найбольш шырокім разуменні – паняцце сумленнай і высакароднай гульні. Яго прынцыпы вызначаюць арыентацыю спартсменаў на такія паводзіны, якія не даюць сумненняў у метадах, што выкарыстоўваюцца для атрымання перамогі ці дасягнення адпаведнага выніку ў сістэме спартыўнай дзейнасці. Fair play займае належнае месца ў спартыўнай этыцы і абазначае нешта большае, чым толькі гульня паводле вызначаных правіл. Прынцыпы Fair play распаўсюджваюцца таксама на трэнераў, арбітраў, лекараў, а ўвогуле – на ўсіх тых асоб, якія так ці інакш маюць адносіны да спорту.

Каб спрыяць развіццю і распаўсюджванню прынцыпаў Fair play, у 1964 г. пад эгідай Міжнароднай рады па спартыўнай навучы і фізічнай адукацыі быў створаны Міжнародны камітэт Fair play, а пазней у 1994 г. паўстаў еўрапейскі рух Fair play. Дзейнасць названых арганізацый накіравана на прапаганду ідэй сумленнай гульні. Акрамя таго, штогадова адбываецца прысу-

джэнне ўзнагарод для тых спартсменаў, якія вызначыліся высакародствам, выявілі сапраўдны спартыўны алімпійскі дух, захавалі адданасць прынцыпам сумленнай барацьбы. Практычна ўсе буйныя нацыянальныя Алімпійскія камітэты і найбольш уплывовыя сусветныя федэрацыі па відах спорту, напрыклад Міжнародная федэрацыя футбольных асацыяцый, Еўрапейскі саюз футбольных асацыяцый, Міжнародная федэрацыя валейбола, Міжнародная федэрацыя баскетбола, Міжнародная асацыяцыя легкаатлетычных федэрацый у сваёй дзейнасці, маюць адпаведныя структуры, якія спрыяюць распаўсюджванню прынцыпаў Fair play.

Калі падсумаваць галоўныя задачы ўсіх створаных камітэтаў і падраздзяленняў, то яны зводзяцца да наступных:

1) прапагандаваць ідэй і прынцыпы сумленнай гульні, асабліва ў асяроддзі дзіцячага і юнацкага спорту;

2) узнагароджваць спартсменаў, трэнераў, спартыўныя каманды, а таксама іншых удзельнікаў спартыўнай дзейнасці, якія мелі дачыненне да высакародных учынкаў падчас спаборніцтваў, ганаровымі адзнакамі, прызамі і прэміямі.

Мэтай працы з’яўляецца звяртанне ўвагі на актуальныя праблемы сучаснага спорту, якія датычацца этычнага кампаненту гэтага віду сацыяльнай актыўнасці. На аснове аналізу фарміравання прынцыпаў сумленнай і высакароднай гульні як у іх гістарычнай рэтраспектыве, так і ў іх функцыянаванні ў сучасных умовах, вызначаюцца не толькі тэндэнцыі гуманістычнага складніка спорту, але таксама элементы дэгуманізацыі гэтага грамадскага феномена. Узнікненне, фарміраванне, станаўленне, функцыянаванне, развіццё і распаўсюджванне прынцыпаў Fair play дэманструюць гуманістычную сутнасць спорту, але ў цяперашні час паўстае ў якасці надзённай задачы трывалае замацаванне іх у свядомасці шырокіх сацыяльных колаў.

Метады даследавання. Падчас напісання артыкула выкарыстоўваліся такія метады даследавання, як назіранне, апісанне, параўнанне, аналіз навуковых і дакументальных друкаваных крыніц, а таксама вывучэнне адкрытай у доступе інтэрнэт-інфармацыі.

Вынікі і абмеркаванне

Фарміраванне прынцыпаў Fair play, як і ўсё тое, што звязана з узнікненнем і функцыянаваннем спорту, даволі складанае для сістэматызаванага выкладу. Варта звярнуцца да гісторыі ідэі Fair play.

Што да пытання паходжання Fair play, то на гэты конт існуюць тры наступныя канцэпцыі. Паводле першай, Fair play бярэ свой пачатак у антычнай Грэцыі, дзе яго тэрміналагічным адпаведнікам было шырока зразумелае паняцце, якое абазначала «дасягненне прыстойнасці, добра і дабрадзейнасці», ці «arête». Даследчыкі, якія прытрымліваюцца другой канцэпцыі, звяртаюць увагу на станаўленне формулы шляхетных паводзінаў, у тым ліку і падчас спаборніцтваў, у фарміраванні якой вялікае значэнне мела хрысціянства, асабліва ў Сярэднявеччы, і рыцарская культура з яе духам чыстага, без падману, з роўнасцю шанцаў паядынку. Трэцяя група спецыялістаў, якая вывучала гэтае пытанне, мяркуе, што прынцыпы Fair play спачатку ўзніклі ў спорце, а затым ужо пачалі распаўсюджвацца на іншыя сферы жыцця. Гэта звязана з дзейнасцю англійскіх джэнтльменаў, якія займаліся спортам на працягу XIX ст. [10, с. 61]. Неабходна таксама ўлічваць той факт, што істотным у спартыўным спаборніцтве з'яўляецца наяўнасць рэлігійнага пачатку, які паўстае як пэўная прывабнасць, пэўны ідэал. Шмат стагоддзяў перамога не была каштоўнасцю самой па сабе. Перамога трактавалася як ушанаванне багоў. Гэта было нешта большае, чым толькі вымяральны спартыўны эфект. Тут дэманстравалася сіла, прыгажосць, шляхетнасць і дабрадзейнасць [1, с. 35].

Як даводзіць Войцех Ліпоньскі, ідэя Fair play з'яўляецца яшчэ ў антычнай Грэцыі, хоць ніколі там яна не мела сённяшняй сваёй назвы. Значна пазней у часы Рымскай імперыі ствараюцца ўмовы для ўзнікнення будучай рыцарскай этыкі. Яе несвядомым аўтарам стаў у III ст. н. э. цар Галіен. Ён заснаваў конныя аддзелы, што складаліся з сыноў багатых рымскіх патрыцыяў, якія мелі высокую развітое пачуццё маральнай перавагі над астатнімі жаўнерамі. Адбывалася гэта ў адпаведнасці з развіццём пэўных маральных прынцыпаў, сістэма якіх атрымала назву eques cataphractarius, і менавіта яны сталіся пачаткам стварэння рыцарскай эты-

кі з яе прынцыпамі шляхетнай барацьбы без падману. Прынцыпы шляхетнай барацьбы без падману вядомыя былі яшчэ і як cothrom на Feinne – гонар феніянаў. Менавіта ваяўнічыя феніяне, найверагодней, на пераломе II і III ст. н. э. першымі назвалі так прынцып, які забараняў атакаваць праціўніка з боку, з тылу, а таксама дабіваць параненых, здзекавацца са слабейшых, асабліва з жанчын, дзяцей і старых. Можна меркаваць, што ў тыя часы з'яўляецца паняцце fir fer, якое пазней прымае вядомую зараз форму Fair play. Вялікая колькасць сыноў багатых рымскіх патрыцыяў знаходзілася на тэрыторыі Брытаніі, якая ў I ст. н. э. была акупавана Рымам. Калі рымляне ў пачатку V ст. н. э. былі змушаны адтуль зысці, традыцыя eques cataphractarius ужо даволі моцна распаўсюдзілася сярод кельтаў, асабліва сярод эліты. Уласна кажучы, менавіта кельтам належыць прыпісаць самыя старыя, даевангеліцкія падставы індывідуальнай этыкі шляхетнасці (таму што іх няма ў шмат якіх іншых праявах і старажытных помніках дахрысціянскага пісьменства: там, наадварот, дамінуе прынцып «вока за вока, зуб за зуб»). Кельты дадалі да гэтай традыцыі шмат арыгінальных рысаў, напрыклад такіх, як «шляхетны рамантызм», што часта сустракаецца ў сярэднявечнай рыцарскай паэзіі [10, с. 63–64].

У V ст. н. э. на Брытанію напалі германскія плямёны англаў і саксы. Кельцкія народы пачалі драматычную барацьбу дзеля ўратавання сваёй Айчыны. Тады ж была складзена легенда пра абаронцу Брытаніі каралём Артурам і яго рыцарамі. Легенда стала адбіткам гістарычнай рэчаіснасці, дзе сярод кельцкага рыцарства пашыраліся прынцыпы шляхетнай барацьбы. Гэтыя ідэалы сталі шанавацца асабліва высока падчас барацьбы кельтаў супраць англасаксонскіх захопнікаў у VI і VII ст. Некаторыя з брытанскіх кельцкіх народаў былі вымушаны пакінуць выспу і перасяліцца на кантынент у Брэтань. Так рамана-кельцкая рыцарская традыцыя распаўсюдзілася па ўсёй Еўропе.

Генезіс прынцыпаў Fair play можна прасачыць яшчэ па двух іншых помніках дахрысціянскай старажытнаірландскай літаратуры – шляхецім «Ольстэрскім цыкле» і плебейскім «Фэньяньскім цыкле». Менавіта

ў іх згадваецца паняцце *fer fig*, якое пазней трансфармуецца ў *Fair play*. У дахрысціянскай Ірландыі пачалі выпрацоўвацца катэгорыі таго, што праз некалькі стагоддзяў атрымае назву рыцарства [10, с. 64–72].

Аднак англійскае *Fair play* як моўны выраз і адначасова як адпаведная маральная якасць, што функцыянуе ў жыцці дадзенага грамадства ці сацыяльнага слоя, з'яўляецца толькі ў XVI ст. Як тэрмін *Fair play* першы раз ужывае Вільям Шэкспір у сваім славытым творы «Жыццё і смерць караля Джона», і з таго часу *Fair play* трывала замацоўваецца ў англійскай мове. Дарэчы, В. Шэкспір нарадзіўся і жыў на кельцка-англасакскім памежжы ў XVI ст. Ён не быў ангельцам на ўсе сто адсоткаў: па лініі яго бабулі-валійкі цякла ў ім кельцкая кроў. Вялікая частка яго творчай спадчыны прысвечана менавіта кельцкай тэматыцы, напрыклад знакаміты «Кароль Лір». У іншых, «чыста англійскіх» творах – меншы, але таксама важны ўплыў культуры кельтаў. Адным з іх – кельцкае *fig fer*. В. Шэкспір быў першым, хто зрабіў пераклад гэтага паняцця на англійскую мову як *Fair play*. У згаданай п'есе пра караля Джона яно гучыць два разы. Праўда, трэба адзначыць, там не было спартыўнага кантэксту [10, с. 72].

Такім чынам, як падсумоўвае далей Войцех Ліпоньскі, можна меркаваць, што менавіта кельцкая традыцыя стварыла падставы канцэпцыі сумленнай гульні і надала ёй адпаведную лінгвістычную форму *fig fer*, якая каля паўтары тысячы гадоў ужывалася ў гэльскай і валійскай культуры і суіснавала там з іншымі падобнымі выразамі (*cothrom na Féinne*). Потым у выніку распаўсюджвання і развіцця этычных нормаў гэтае паняцце замацоўваецца ў сістэме рыцарскай культуры, а ягоная англамоўная форма прымае сучасны выгляд пасля таго, як на змену даўнім рыцарскім турнірам прыйшоў англійскі спорт [10, с. 73].

Прынцыпы *Fair play*, як вядома, сваю сучасную форму пачалі набываць у віктарыянскай Англіі. У той час спорт пераважна выглядаў як баўленне вольнага часу для сярэдняга і вышэйшага сацыяльнага класа. Іншымі словамі, гэта была забава, якая не прыносіла матэрыяльнага прыбытку, таму займацца спортам маглі дазволіць сабе толькі тыя асобы, якія не мелі матэрыяльных клопатаў. Вынік адыходзіў на другі

план, галоўнае, на чым палягала сама гульня, – гэта яе працэс. Менавіта там былі сістэматызаваны палажэнні аматарскага кодэкса гонару:

а) гульня мае сваё заканчэнне, яна дае радасць і задавальненне ад самога ўдзелу ў ёй, а адносіны, якія накіраваныя на перамогу за ўсялякі кошт, адпаведна, грэбуюцца;

б) неабходны самакантроль, і перш за ўсё кантроль над эмоцыямі кожнага і адносінамі кожнага да перамогі ці да паражэння;

в) ідэя *Fair play*, г. зн. роўныя шанцы для кожнага з бакоў, ствараюць усеагульную павагу да правілаў гульні і рыцарскіх адносінаў «сяброўскага спарторніцтва» паміж сапернікамі [5, с. 36].

Трэба падкрэсліць, што характэрныя каштоўнасці, нормы справядлівасці і сумленнасці, напрыклад, у футболе былі істотнымі для англійскага сярэдняга і вышэйшага класа, якія сфарміраваліся ў віктарыянскай Англіі. Кароткі пералік уключае такія найбольш важныя складнікі, як роўныя магчымасці, добраахвотнае прыняцце законаў гульні, павага да сапернікаў. А сама сутнасць *Fair play* можа быць падсумавана наступнымі выказваннямі:

1) сумленны ігрок прымае законы гульні;

2) ігрок робіць усё магчымае, каб перамагчы ў межах законаў гульні;

3) ігрок, які выяўляе свае асабістыя найлепшыя якасці, дае выдатную магчымасць для саперніка прадэманстраваць таму найлепшыя якасці.

Ёсць інфармацыя пра тое, як ужо ў фінальным матчы Кубка Англійскай футбольнай асацыяцыі ў 1875 г. ідэалы *Fair play* былі рэалізаваныя на практыцы. У гульні паміж камандамі *Royal Engineers* і *Old Etonians* футбаліст з клуба *Old Etonians* атрымаў пашкоджанне і быў вымушаны пакінуць поле. Тады капітан *Royal Engineers* па сваёй волі сышоў з поля, каб у каманды была колькасная раўнавага [5, с. 39].

Варта зазначыць, што ў канцы XIX – на пачатку XX ст. было вельмі важна стварыць маральны арыенцір на падставе паняцця «сумленнай гульні». Справа ў тым, што ў гэты час ішоў інтэнсіўны працэс адкрыцця адукацыйных, аздараўленчых і забаўляльных спартыўных інстытутаў на фоне разнастайных тэхнічных распрацовак адпаведнага абсталявання на прамысловым

узроўні для патрэбаў павялічанай колькасці клубаў і асацыяцый як для лакальнай, так і для міжнароднай сістэмы спаборніцтваў. Менавіта ў гэты перыяд адбываецца фарміраванне саюзаў і федэрацый па відах спорту на ўсіх кантынентах [8].

Хоць прынцыпы Fair play як квінтэсэнцыя еўрапейскай маральнасці шырока вядомыя, іх рэалізацыя бывае даволі разнастайнай. Можна прыводзіць шмат прыкладаў паводзінаў не-Fair сярод гандляроў і палітыкаў, якія ахвотна выкарыстоўваюць магчымасці mass media ў сваіх рэкламных мэтах і перадвыбарчых прамовах. Згаданая сітуацыя як мага лепш ілюструе распаўсюджванне ўласна спартыўных маральных прынцыпаў на больш шырокія колы сацыяльнага асяроддзя.

Fair play звязваецца з пазітыўнай спартыўнай спадчынай і традыцыяй брытанскага маральнага шляхецкага выхавання і развіцця. Ён цесна пераплятаецца з узорами этычна-маральных нормаў штодзённага жыцця, якія не ўваходзяць у сферы палітыкі. Аднак ужо ў такім станаўленні Fair play да брытанскай рэчаіснасці палітыка падаецца як іманентная рыса так званага адрознення англійскага джэнтльмена ў паводзінах у дачыненні да іншых людзей і да самога сябе.

У 1924 г. Брытанскі алімпійскі камітэт распрацаваў для сваёй каманды на гульні VIII Алімпіяды ў Парыжы «Указанні і кодэкс спартыўных паводзінаў», якія па сутнасці ўяўлялі сабой адзін з варыянтаў Fair play. «Указанні...» падзяляліся на дзве часткі. Да першай адносіліся ўказанні для спартсмена, да другой – кодэкс спартыўных паводзінаў.

Указанні для спартсмена ўключалі наступныя сентэнцыі: займайся спортам дзеля спорту; гуляй з думкаю пра каманду, а не толькі пра сябе; навучыся перамагаць і прымаць паразы: будзь сціплы пры перамозе і прымай паражэнні з годнасцю; прымай усе рашэнні адпаведным чынам; будзь рыцарам у адносінах да пераможанага; будзь бескарыслівы і гатовы прыйсці на дапамогу іншым; будзь аб'ектыўным сведкам для абодвух бакоў; ніколі не спрачайся з суддзямі наконт іх рашэнняў.

Кодэкс спартыўных паводзінаў уключаў наступнае: паважай правілы; будзь сумленным у адносінах да свайго калегі; трымай нервы пад кантролем; падтрымлівай

добраю фізічную форму; захоўвай «выраз твару» на выпадак паразы; не выказвай пагарды ў выніку перамогі; прытрымлівайся прынцыпу «ў здаровым целе – здаровы дух»; трактуй спорт як забаву.

Такім чынам, сутнасць і змест прынцыпаў Fair play фарміраваліся ў Брытаніі. У выніку свайго развіцця ў першай чвэрці XX ст. яны набываюць рысы, даволі блізкія да сучаснай інтэрпрэтацыі гэтага тэрміна [12, с. 120–123].

Усё вышэйзгаданае з'яўляецца сведчаннем таго, што ў Англіі спорт развіваўся значна хутчэй, чым на кантыненте, і таму паняцце Fair play ўвайшло ў побытавыя зносіны і стала неад'емнай часткай свядомасці джэнтльмена. У канцы XIX ст. П'ер дэ Кубэртэн стварае падставы для алімпійскай інтэрпрэтацыі Fair play, якая абапіралася на грэчаскія і брытанскія традыцыі.

Пасля з'яўлення паняцця Fair play з цягам часу ўзнікае яго дыялектычны суадносна супрацьлеглы адпаведнік Foul play (анг. брудная гульня), які абазначае такую гульню ў спорце і такія паводзіны, якія могуць быць ахарактарызаваныя як брутальныя, без захавання шляхецкасці і высакародства. Fair play усталяваўся ў англійскай мове і разам з павышэннем яе міжнароднага статусу становіцца спачатку набыткам еўрапейскай, а потым і сусветнай культуры. Дадатковым носьбітам гэтага паняцця быў, вядома, спорт, які ў сучасным сваім выглядзе мае таксама англійскае паходжанне.

Варта падкрэсліць, што сэнсавае ўтварэнне fair play увогуле з'яўляецца адным з найважнейшых англійскіх этнаспецыфічных сацыяльна-рэгуляцыйных канцэптаў. На думку іспанскага даследчыка Сальвадора дэ Мадарыягі, акрамя fair play ў такую адмысловую групу трэба было б залічыць таксама self-consciousness, shy, snobbery і шэраг іншых. У выпадку fair play адбываецца рэгуляцыя адносінаў гульца як да сваіх партнёраў па камандзе, так і да сапернікаў; мяркуецца, што індывід уключае сябе ў паняцці «каманда» і застаецца ў гэтай якасці ў працэсе гульні. Хоць, з іншага боку, такое ўвасабленне зусім не абазначае адсутнасці свайго асабістага «я», а толькі стварае больш спрыяльныя ўмовы для як мага лепшага ўзаемадзеяння з партнёрамі. На падобным інтуітыўным і бесперапынным пачуцці балансу паміж індывідуаль-

ным і групавым вызначаецца сапраўдная сутнасць fair play [4, с. 50].

Калі ўзяць пад увагу яшчэ і той факт, што ў XIX ст. у англійскім грамадстве пачынае пераважаць сярэдні клас, паняцце fair play паўстае ў якасці найважнейшага маральнага прынцыпу, які фарміруецца падчас навучання ў публічных школах і ўвасабляецца ў крытэрыі прыстойнасці. У працэсе сацыялізацыі асобы гэта акалічнасць набывае рысы нацыянальнага характару. Fair play успрымаецца як гульня па правілах, і гэта не толькі датычыцца сістэмы спартыўнай дзейнасці, але таксама распаўсюджваецца на іншыя галіны функцыянавання грамадства. Культурогенны патэнцыял гэтага кантэнтнага ў англійскай лінгвакультуры выяўляецца ў тым, што гульня па правілах падкрэслівае ролю спорту ў жыцці джэнтльмена, для якога важна захоўваць прынцыпы спартыўнай этыкі, дэманстраваць непахіснасць са свайго боку ў выпадку вуснага пагаднення, ці «трымаць слова». Такое стаўленне на падставе спартыўнай этыкі дазволіла замацаваць у грамадскай свядомасці яшчэ і такія паняцці, як камандны дух, устойлівасць у выпадку паразы, станоўчыя адносіны да партнёраў і сапернікаў [4, с. 51].

Паняцце fair play, як падкрэслівае Л. А. Гуніна, з'яўляецца адным з ключавых у англійскай нацыянальнай ментальнасці. «Гульня па правілах» не абмяжоўваецца толькі памерамі спартыўнай пляцоўкі – гэта паняцце трактуецца значна шырэй. Сама дэфініцыя «джэнтльмен» спалучае ў сабе добрае выхаванне і адукацыю, прывабны знешні выгляд, прыстойныя манеры, захаванне раўнавагі і адказнасць моцнага за слабага, дабрачыннасць [4, с. 55].

Катажына Смотэр слухна заўважае, што паняцце fair play варта разглядаць у розных этычных, эстэтычных, культурных, сацыяльных катэгорыях, якія затым інтэрпрэтуюцца ў шматлікіх варыяцыях. Менавіта таму так неабходна садзейнічаць іх далейшаму распаўсюджванню па ўсім свеце, каб не дайшло да іх заняпаду. У гэтым працэсе надзвычай важная роля належыць сродкам масавай інфармацыі, дзякуючы якім за самымі буйнымі спартыўнымі імпрэзамі назіраюць мільёны людзей [14, с. 186].

Кадыфікацыя прынцыпаў справядлівай барацьбы як джэнтльменскай этыкі, на думку Збігнева Краўчыка, увасабляецца ў наступных нормах:

- 1) выкананне правілаў гульні без атрымання карысці для ўдзельнікаў;
- 2) павага да праціўніка;
- 3) спрыянне рэалізацыі роўных шанцаў у працэсе спаборніцтваў;
- 4) адмова ад выкарыстання выпадковай перавагі;
- 5) адмова ад атрымання практычнай карысці ў выпадку перамогі;
- 6) максімальнае памяншэнне пакуты саперніка [9, с. 24].

Спробы ўзмацніць гуманістычную сутнасць спорту працягваюцца і ў цяперашні час. Так, ідэолагі алімпізму спрабуюць максімальна наблізіць яго асноўныя палажэнні да сучасных сацыяльных рэаліяў. Напрыклад, арганізатары Юнацкіх Алімпійскіх гульняў прапанавалі дэвіз «Excellence. Friendship. Respect» («Дасканаласць. Сяброўства. Павага»). Але, як заўважаюць Майк Мак-Нэмі і Джым Пэры, незразумела, адкуль бярэцца гэты неалагізм і ці мае ён сувязь з больш раннімі фармулёўкамі і іншымі акцэнтамі, тым больш што фундаментальныя прынцыпы Алімпійскай хартыі яскрава падкрэсліваюць менавіта прыярытэты сумленнай гульні, спасылка на якія ў дадзенай версіі адсутнічае [11, с. 103].

Разам з тым нельга не адзначыць, што алімпійскі рух характарызуецца пэўнай мабільнасцю і ўлічвае культурныя, эканамічныя, палітычныя, навуковыя і тэхнічныя змяненні ў грамадстве, што мае працяг у філасофскім і этычным асэнсаванні. Так, 20 ліпеня 2021 г. на сесіі МАК у Токіа было ўхвалена змяненне алімпійскага дэвізу: «Citius, Altius, Fortius – Communiter» («Хутчэй, вышэй, мацней – разам»). Дадатак да традыцыйнага выразу «Citius. Altius. Fortius» 1894 г. патлумачылі тым, што захаванне місіі паляпшэння свету з дапамогай спорту можа адбывацца толькі на падставе салідарнасці.

Жан Д'Армесан, французскі акадэмік, філосаф, сябра Міжнароднага камітэта па справядлівай гульні, адносна маральнага складніка ў сістэме спартыўнай дзейнасці выказаўся наступным чынам: «Мараль працягваецца больш шчыра падчас гульні... Сумленная гульня дазваляе нам заявіць,

што спорт не павінен стаць праявай жорсткасці. Сумленая гульня дапамагае спорту стаць складнікам цывілізацыі. Спорт – гэта не забойства, прыніжэнне і зламання саперніка, гэта гульня з праціўнікам, у якой маюць магчымасць разгарнуцца ўсе чалавечыя навывкі» [Цыт. па: 8].

Сацыяльная напружанасць, сусветныя войны, крызісы, дыктатуры, сутыкненне эканамічных і палітычных інтарэсаў, шавінізм, нацыяналізм і тэрарызм – выпрабаванні сумленнай гульні як непасрэдна на спартыўных аб'ектах, так і па-за іх межамі. У сучасным спорце прынцып «перамога за ўсялякі кошт» працягвае дамінаваць, а гэта вядзе да празмернай жорсткасці, агрэсіўнасці, допінгу і г. д.

Fair play (а ў англійскай мове выкарыстоўваецца яшчэ таксама такое паняцце, як sportsmanship) агульна трактуецца як збор этычных і маральных законаў на падставе ўнутраных уяўленняў індывіда пра высакародства і справядлівасць у сістэме спартыўнай дзейнасці. Fair play у найбольш шырокім разуменні ўключае ў сябе:

- 1) павагу да саперніка;
- 2) павагу да правілаў і рашэнняў арбітраў;
- 3) адмову ад ужывання допінгу і іншых стымулятараў;
- 4) роўныя шанцы;
- 5) умненне стрымліваць эмоцыі незалежна ад выніку спаборніцтваў.

Названыя палажэнні вызначаюць сістэму паводзінаў спартсменаў і адмаўляюць імкненню да перамогі «за ўсялякі кошт».

Заклучэнне

Такім чынам, ідэя і прынцыпы Fair play у будучыні могуць быць арыентаваны на каштоўнасці не толькі ў спорце, але і ў іншых галінах чалавечай дзейнасці. Самае складанае ў гэтым працэсе – зрабіць так, каб знешняя сістэма кантролю і пакаранняў за парушэнні акрэсленых правіл саступіла месца самакантролю [6]. Заўвага Ханса Ленка на гэты конт удала закранае характэрныя моманты рэалізацыі спартыўнай дзейнасці, калі звярнуцца да маральнай інтэрпрэтацыі правіл гульні, напрыклад, у камандных гульнях. Тактычныя фолы даўно сталі штодзённай з'явай, да іх склалася адпаведнае стаўленне, якое нельга назваць негатыўным. Хутчэй, наадварот, пад крытыку

трапляюць тыя ігракі, якія ў адпаведны момант свядома не парушылі правілы, таму што ў іншым выпадку камандзе магла пагражаць страта перавагі, гол ці нават паражэнне. У прыватнасці, у футболе існуе паняцце «фол апошняй надзеі», калі адбываецца наўмыснае парушэнне правіл, каб пазбавіць саперніка яўнай магчымасці забіць гол. У выніку можа атрымацца трохразовае пакаранне для парушальніка: жоўтая (чырвоная) картка, выдаленне з поля, пенальці.

Як заўважае Ханс Гумбрэхт, з упэўненасцю можна сцвярджаць, што ў сучаснай культуры няма іншай з'явы, акрамя спорту, якая б прыносіла столькім людзям радасць прыгажосці, і калі нельга гэта прызнаць, то толькі таму, што празмерна цяжка размежаваць асалоду прыгажосцю і рытуалы «высокай культуры» [3]. Сучасны спорт характарызуецца такімі выразнымі прыкметамі, як міжнароднасць і ўніверсальнасць, якія адраіваюць яго ад папярэдніх фарматаў у выглядзе лакальных і рэгіянальных традыцый фізічных практыкаванняў і гульніў. Ён разглядаецца не толькі як частка працэсаў мадэрнізацыі, але і як фактар працэсу глабалізацыі і ўніверсальнасці. Яго пашырэнне суадносіцца таксама з развіццём сучасных сродкаў масавай інфармацыі, тэхналогіямі транспартных зносін і камунікацый. Спорт сімвалізуе шэраг элементарных і ўніверсальных патрэбаў. Па-першае, радасць, задавальненне, гульня; па-другое, эмацыйнае ўзрушэнне, імкненне да барацьбы праз нагрузку, гульню і спаборніцтва; па-трэцяе, актыўна спрыяе добраму самаадчуванню і здароўю праз фізічныя практыкаванні і гульні [2, с. 38–39].

Маральныя аспекты спартыўнай дзейнасці набываюць усё большую актуальнасць у сучасным спорце. Такое становішча тлумачыцца тым, што сам спорт як сацыяльны феномен мае ўніверсальны асаблівасці татальнага спалучэння з іншымі грамадскімі з'явамі, што на фоне глабалізацыйных змяненняў у свеце ператварае яго ў дамінанту многіх працэсаў. З улікам нарастання рацыяналістычнага (прагматычнага) стаўлення людзей да навакольнага асяроддзя стала бачным, як губляецца гуманістычны складнік чалавечай жыццёвай дзейнасці. На прыкладзе спорту гэта выяўляецца найбольш кантрасна, а калі ўзяць пад увагу тое, што ён з'яўляецца адлюстраваннем усяго

соцыуму, то становіцца зразумелай трывога за захаванне прынцыпаў «чыстай гульні», альбо, іншымі словамі, за захаванне чыстых чалавечых адносінаў. Экстрапаляцыя Fair play на іншыя галіны функцыя-навання

грамадства мае сэнс у кантэксце стварэння адмысловых праграмаў у сістэме выхавання і адукацыі з тым, каб палепшыць іх станоўчы эффект і дадаць пэўную пазітыўнасць у практычнай рэалізацыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Люкевіч, У. Fair Play: тэорыя і практыка / У. Люкевіч. – Берасье : Выд-ва С. Лаўрова, 1998. – 188 с.
2. Люкевіч, У. Спартыўная этыка : навуч. дапам. для студэнтаў фак. фіз. выхавання / У. Люкевіч. – Брэст, 2007. – 120 с.
3. Гумбрехт, Х. Форма насілія. Похвальное слово красоте спорта [Электронный ресурс] / Х. Гумбрехт // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/3/forma-nasiliya-pohvalnoe-slovo-krasote-sporta.html>. – Дата доступа: 11.08.2021.
4. Гунина, Л. А. Социально-регулятивный концепт «Fair play» – «честная игра» в английской лингвокультуре / Л. А. Гунина // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 50–56.
5. Егоров, А. Г. Фэйр Плэй в современном спорте : учеб. пособие / А. Г. Егоров, М. А. Захаров. – Смоленск : СГАФКСТ : СмолГУ, 2006. – 188 с.
6. Ленк, Х. Этика спорта как культура честной игры. Честное соревнование и структурная дилемма [Электронный ресурс] / Х. Ленк // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 3. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/3/etika-sporta-kak-kultura-chestnoj-igry.html>. – Дата доступа: 11.08.2021.
7. Ethics / International Olympic Committee / IOC Ethics Commission. – Lausanne / Switzerland : International Olympic Committee, 2020. – 117 p.
8. History of Fair Play [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.fairplayinternational.org/history-of-fair-play->. – Date of access: 03.08.2021.
9. Krawczyk, Z. Kategorie etyki sportu / Z. Krawczyk // Fair play – sport – edukacja / Red. Z. Żukowska. – Warszawa : Estrella, 1996. – Vol. 4. – S. 23–27.
10. Lipoński, W. Celtycka geneza brytyjskiego fair play / W. Lipoński // Fair play – sport – edukacja / Red. Z. Żukowska. – Warszawa : Estrella, 1996. – Vol. 4. – S. 61–75.
11. McNamee, M. Olympic ethics and philosophy: old wine in new bottles / M. McNamee, J. Parry // Sport, Ethics and Philosophy. – 2012. – Vol. 6, nr 2. – P. 103–107.
12. Młodzikowski, G. Memento fair play / G. Młodzikowski // Fair play – sport – edukacja / Red. Z. Żukowska. – Warszawa : Estrella, 1996. – Vol. 4. – S. 120–123.
13. Olympic Charter (in force as from 17 June 2020) / International Olympic Committee. – Lausanne / Switzerland : International Olympic Committee, 2020. – 106 p.
14. Smoter, K. Fair play gdzie teraz jesteś? / K. Smoter // Journal of Health Sciences. – 2014. – № 4 (14). – S. 182–189.

REFERENCES

1. Liukievich, U. Fair Play: teoriya i praktyka / U. Liukievich. – Bieraście : Vyd-va S. Laurova, 1998. – 188 s.
2. Liukievich, U. Spartyunaja etyka : navuch. dapam. dlia studentau fak. fizich. vychavannia / U. Liukievich. – Brest : [B. v.], 2007. – 120 s.
3. Gumbrecht, H. Forma nasilija. Pochval'noje slovo krasotie sporta [Elektronnyj riesurs] / H. Gumbrecht // Nieprikosnoviennyj zapas. – 2004. – № 3. – Riezhim dostupa: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/3/forma-nasiliya-pohvalnoe-slovo-krasote-sporta.html>. – Data dostupa: 11.08.2021.
4. Gunina, L. A. Social'no-rieguliativnyj koncept «Fair play» – «chiestnaja igra» v anglijskoj lingvokul'turie / L. A. Gunina // Viestn. RUDN. – Sier.: Lingvistika. – 2009. – № 2. – S. 50–56.

5. Yegorov , A. G. Fair Play v sovriemiennom sportie : uchieb. posobije / A. G. Yegorov, M. A. Zakharov. – Smolensk : SGAFKST : SmolGU, 2006. – 188 s.
6. Lenk, H. Etika sporta kak kul'tura chiestnoj igry. Chiestnoje sorievnovanije i strukturnaja diliemma [Elektronnyj riesurs] / X. Ленк // Nieprikosnoviennyj zapas. – 2004. – № 3. – Riezhim dostupa: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/3/etika-sporta-kak-kultura-chestnoj-igry.html>. – Data dostupa: 11.08.2021.
7. Ethics / International Olympic Committee / IOC Ethics Commission. – Lausanne / Switzerland : International Olympic Committee, 2020. – 117 p.
8. History of Fair Play [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.fairplayinternational.org/history-of-fair-play->. – Date of access: 03.08.2021.
9. Krawczyk, Z. Kategorie etyki sportu / Z. Krawczyk // Fair play – sport – edukacja / Red. Z. Żukowska. – Warszawa : Estrella, 1996. – Vol. 4. – S. 23–27.
10. Lipoński, W. Celtycka geneza brytyjskiego fair play / W. Lipoński // Fair play – sport – edukacja / Red. Z. Żukowska. – Warszawa : Estrella, 1996. – Vol. 4. – S. 61–75.
11. McNamee, M. Olympic ethics and philosophy: old wine in new bottles / M. McNamee, J. Parry // Sport, Ethics and Philosophy. – 2012. – Vol. 6, nr 2. – P. 103–107.
12. Młodzikowski, G. Memento fair play / G. Młodzikowski // Fair play – sport – edukacja / Red. Z. Żukowska. – Warszawa : Estrella, 1996. – Vol. 4. – S. 120–123.
13. Olympic Charter (in force as from 17 June 2020) / International Olympic Committee. – Lausanne / Switzerland : International Olympic Committee, 2020. – 106 p.
14. Smoter, K. Fair play gdzie teraz jesteś? / K. Smoter // Journal of Health Sciences. – 2014. – № 4 (14). – S. 182–189.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.09.2021

УДК 141

Борис Михайлович Лепешко*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Boris Lepeshko***Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Economics
at the Brest State A. S. Pushkin University**e-mail: borys lepieszko@tut.by***СОЦИАЛЬНАЯ ИСТИНА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ**

Обосновывается тезис, согласно которому развитие методологического знания вовсе не является гарантией эффективности социальных исследований. Доказывается, что прямая связь между выбором той или иной теоретической доктрины и практикой научного поиска опосредована конкретной работой самого учёного, а также системой формально-логических доказательств. Обосновывается мысль о важности конвенциональных практик в процессе научного поиска. Рассматривается категория «наука», анализируются некоторые эпистемологические идеи П. Фейерабенда и К. Свасьяна.

Ключевые слова: методология, социальные исследования, формальная логика, эпистемология.

Social Truth and Methodological Pluralism

The thesis is substantiated, according to which the development of methodological knowledge is not at all a guarantee of the effectiveness of social research. It is proved that the direct connection between the choice of a particular theoretical doctrine and the practice of scientific research is mediated by the specific work of the scientist himself, as well as by the system of formal logical proofs. The idea of the importance of conventional practices in the process of scientific research is substantiated. The category «science» is considered, some epistemological ideas of P. Feyerabend and K. Svasyan are analyzed.

Key words: methodology, social studies, formal logic, epistemology.

Нынче много толкуют о методологическом плюрализме. Дескать, времена марксистской определенности канули в Лету, люди не удовлетворены тем, что истина одна и всегда конкретна, привычная схема об истинах объективной, абсолютной и относительной устарела. Истин много, и эта неопределенность есть символ времени. Примеры многообразны и общеизвестны: оценка революций, разного рода перестроек, реформ и др. Но здесь возникает ряд вопросов, на которые хотелось бы отыскать варианты ответов. Первоначально такой: если методологий много (а эта констатация сомнений не вызывает), то как быть с истиной? То есть различные методологии постулируют одни и те же истины? Но если так, то закономерен вопрос такого порядка: а зачем тогда некий спектр методологий, зачем говорить о позитивизме, экзистенциальных предчувствиях, разного рода постмодернистских ухищрениях? Какой во всем этом смысл? Если же методологии дают различные ответы на один и тот же социальный вопрос, по-разному освещают одну и ту же проблему, то как определить, где правда, а где ложь, и вообще возникает вопрос о пра-

вомерности такой постановки проблемы. То есть возникает вопрос о принципиальной возможности самой истины.

Желание получить определенный и ясный ответ понятно, но вряд ли осуществимо. Любые оценочные суждения могут подвергнуться остракизму и зачастую сложно определить, где начинается «чистая» эпистемология и где она заканчивается и начинается политика, идеология и т. д. Критическое отношение к идеям таких титанов мысли, как К. Маркс и Ф. Энгельс тому прямое подтверждение. Та же констатация может быть применена к социальной футурологии, другим направлениям общественной мысли. Апелляция к избранной методологии мало что дает, кроме пиетета перед личной убежденностью. Как убедить оппонента в том, что избранная тобою теоретическая схема является единственно верной? Или одной из нескольких верных теорий? При помощи фактов? Но любой факт сам по себе должен быть доказан, и вполне возможна ситуация, когда на прямой факт выдвигается прямой или косвенный контрфакт или же система доводов, логически непротиворечивая и имеющая подтверждения в

практической деятельности. И вообще апелляция к практике вызывает обоснованные сомнения в связи с различной системой интерпретационного своеволия.

В связи с этим получается, что в условиях методологического плюрализма единственно верный выход – признание возможной верности любых выдвинутых постулатов, и все зависит от сугубо субъективных факторов: личного мироощущения, мировоззренческого выбора, политического заказа, идеологической ангажированности и т. д. Другими словами, можно выбрать любую методологию, и весь вопрос может быть сведен к системе аргументов.

Но такой вывод нас мало удовлетворит. Перед нами все то же безбрежное поле возможностей, и марксистская определенность остается недостижимой мечтой. Для некоторых исследователей это и есть реализация главной цели: убежденности в том, что истина всегда многоаспектна и это нормальный ход научной мысли. Но многие и возражают против такого подхода. Выход видится в конвенциональном варианте: мы «просто» договариваемся, что есть истина на основе движения социума, собранных доказательств и логической достоверности (непротиворечивости). Более того, в ряде случаев даже логическая противоречивость есть фактор позитивный – как понимание источника движения мысли. Величие, например, К. Маркса не только в том, что он выстроил непротиворечивую логическую и естественнонаучную схему, но и в том, что он обратил внимание на противоречия общественного развития как доминанту социального развития. При этом число и качественный состав участников конвенции определяется профессиональным сообществом.

В этой ситуации любые события в общественно-политической жизни стран постсоветского лагеря (к примеру) могут по-разному интерпретироваться в зависимости от господствующего политического тренда. И истина есть следствие не столько выверенных теоретических конструкций, сколько идеолого-политических приоритетов. Этому нет смысла сопротивляться в теоретическом ключе, это может и должно быть принято, поскольку подобного рода констатации неслучайны, они есть следствие сложившейся системы отношений и

господствующих в данный момент общественных настроений.

Скажут: здесь мало науки, но много политики. Да, это так. Но в условиях дискредитации самого понятия социальной науки и господствующего разнобоя мнений иной вариант трактовки происходящего просто невозможен. Надо просто называть вещи своими именами. Можно по-разному оценивать, например, первые итоги президентства В. Зеленского, но факт остается фактом: он возглавляет рейтинг политических лидеров страны (лето 2021), и его перспективы дальнейшего укрепления доверия вполне могут быть оптимистичными. При помощи какой методологии мы можем относительно адекватно оценить перспективы его руководства? При помощи различного рода психологических теорий? Тогда возможны отсылки к особенностям национального менталитета и специфике исторической памяти. Обращаясь к истории повседневности? Тогда посчитаем довольных и недовольных его политической линией и приведем соответствующий цифровой материал. Но любая методология «разобьется» о цифры рейтинга, свидетельствующего о популярности того или иного политика. И разговор не о «сиюминутности», а о том, что иных объективных критериев мы просто не обнаружим, точнее, их можно постулировать, но они мало что дают. Скажем, решения о подъеме тарифов могут вызывать общественное недовольство, но здесь все относительно. Хорошо памятные футурологические прогнозы ряда ученых о неизбежности экономического краха Украины, однако практика демонстрирует возможности выживания страны даже в условиях принятия непопулярных и недальновидных решений.

Можно констатировать, что любые попытки выстроить некую иерархию методологических предпочтений могут иметь смысл в очень узких пределах. Постулирование различных методологических новаций возможно и необходимо, но очевидна необходимость четкого определения критериев такого решения и определения их целей и смысла. Для классиков марксизма такой целью и смыслом выступала не теория сама по себе, а реализация вполне конкретной цели, связанной с развитием коммунистического движения и его перспективами.

Интересно, какие цели и перспективы сегодня преследуют, скажем, адепты различных течений постмодернистского толка? Дегуманизация человека? Апофеоз сексуальности, поиски смыслов и словесная эквилибристика? И чего можно достичь в результате социальных экспериментов на основе именно такой методологии? Революция чего? Принципиальное неприятие революции? Тогда что вместо нее? Вопросы такого рода можно множить, но суть от этого не меняется: чаще всего цель и смысл принятия методологических клише сводится либо к поклонению тому или иному популярному сегодня теоретическому «богу», либо к применению того или иного положения ради самого этого положения.

К сожалению, надо привыкать к мысли, что социальная истина почти всегда условна и редко достижима (в абсолютном смысле). Речь должна идти не столько о применении той или иной методологии, сколько о добросовестной и педантичной работе фактологического и формально-логического характера. Методологический плюрализм вовсе не гарантирует социальной истины. Он может быть предпосылкой истины, но может и не быть. И увлечение методологическим плюрализмом не должно быть самоцелью. Учить молодых исследователей надо формально-логическому инструментарию (во всех мыслимых формах), анализу лучших образцов различных методологических концептов, в том числе и спорных, различным способам верификации как собственных идей, так и идей предшественников.

Послушаем, например, Пола Фейерабенда – известного методолога и сторонника критического взгляда на возможности человеческого разума. В работе «Прощай, разум» он дезавуирует не просто понятие истины, а возможность человека в принципе добиться объективного знания. С его точки зрения, «культурное многообразие не может быть охвачено формальным понятием объективной истины, ибо содержит в себе множество таких понятий. Тот же, кто настаивает на конкретном формальном понятии, сталкивается с теми же проблемами, с которыми сталкиваются защитники какой-то конкретной концепции мира» [1, с. 16]. Если мы обратимся к конкретным проблемам социальных наук, то легко заметим, что

подтверждений этой мысли в практике общественной жизни можно найти достаточно много. Вот 30 лет прошло после известных событий в Москве, связанных с деятельностью ГКЧП. Тридцать лет прошло, а установить объективную истину невозможно. Множатся воспоминания, свидетельства очевидцев, но многие истины остаются тайной за семью печатями. Сколько погибло людей во время августовских событий, какова была логика противоборствующих сторон, есть ли некий метафизический контекст в противоборстве и т. д., так до сих пор и неясно. Несложно предположить, что эта неясность надолго, если не навсегда. И какой бы методологический контекст мы ни избрали, объективная истина угадывается с трудом, точнее, она фактически невозможна. И дело тут вовсе не в том, что «фактов недостаточно». Фактов как раз может быть и в избытке; дело в ином – в принципиальной невозможности, как утверждал Фейерабенд, свести массу формальных понятий к некому общему знаменателю. Вот что означает поражение ГКЧП? Торжество демократии или гибель великого государства, движение по пути цивилизованных народов или утрату родовых признаков, традиционных ценностей? Любой непредвзятый исследователь скажет: ответа нет.

Так какой же вывод напрашивается, например, с точки зрения Фейерабенда? Нельзя отрицать, что есть методологические концепции, теории, следование которым способствовало существенному приращению человеческого знания, и дело здесь не только в иррациональных изысках. Надо признать, что эти выводы исследователя также могут быть оспорены. Допустим, он объявляет «безукоризненным философом» Эрнста Маха, который предвосхитил важнейшие особенности квантовой механики. Мало того, методология Маха может быть востребована и представителями социальных наук, поскольку он обращался к истории, а не к абстрактным моделям [1, с. 6]. Но общеизвестно и критическое отношение этого мыслителя к эмпирическим позитивистским построениям. Иными словами, попытки выстроить собственную альтернативу методологическому плюрализму путем выдвижения на первый план неких «идеальных» концепций также вызывает

споры. И это тот замкнутый круг, который непреодолим.

Мы не так давно пережили кризис марксистского обществознания и «успешно» справились со многими постулатами соответствующей теории. Что в итоге это дало? Крен в сторону привычных позитивистских клише, реанимация формулы «факт и его интерпретация», верификация и заимствование опыта естественных наук. Существуют, правда, известные феноменологические теории, начиная с трудов Гуссерля. Здесь многое спорно и не до конца апробировано. Вот как пишет, например, Карен Свасьян: «Что есть познание? Очевидно, что единого и универсального ответа на этот вопрос история мысли дать нам не может, налицо ряд многообразных решений, зачастую альтернативных, так что, говоря о «теории познания» (в единственном смысле), мы в историческом смысле попросту имеем дело с чистейшей рассудочной химерой» [2, с. 47]. Мало того, все разговоры о «научности» бессмысленны, поскольку «та научность, с которой мы имеем дело, представляет вполне определенный и, следовательно, ограниченный исторический продукт, настолько эффективный, что возведенный нами до степени исключительности и общеобязательности, как если бы мы только и владели единственной значимым научным методом» [2, с. 49]. Но это признание имплицитно содержит ту истину, что единственно научного метода нет и быть не может, что все наши упования на то, что «метод спасет истину» также бессодержательны. Метод, конечно, многое может, но он не может привести к общему знаменателю наши разнородные знания об обществе (в частности). На один метод всегда может быть найден иной с альтернативным смысловым итогом. И феноменология здесь не исключение. Кстати, здесь наблюдается движение по двум смысловым осям. Во-первых, речь идет о единстве всех известных методологических теорий и выработке на этой основе единого подхода. В качестве примера можно обратиться к идеям талантливого санкт-петербургского автора А. Полякова с его коммуникативным методом [3]. Второй путь более традиционный и апеллирует к поиску все того же эйдоса права, истории, филологии и др. в зависимости от профессиональных интересов.

Признаем, что идеальные конструкции о важности и будущности, например, феноменологии, звучат интересно и убедительно. Вот как это описывает упоминавшийся Карен Свасьян: «Феноменология – последовательная цепь актов беспредпосылочного познания мира в его изначальной, чистой, безусловной самоданности и самоочевидности. Ее цель – радикальное очищение опыта от всяческих субъективистских и объективистских примесей и наслоений и возвращение к самим вещам» [2, с. 55]. Звучит заманчиво, только неясен сам механизм применения подобного методологического инструментария. Поэтому назвать практические работы, где бы данная методология (актуальная сегодня) активно применялась, затруднительно. Разве что работы самого А. Полякова [4].

Какие выводы следуют из сказанного? Их несколько.

Во-первых, общеизвестное: мы переживаем период, когда единая методологическая теория и, естественно, понимание объективности истины остается недостижимой мечтой. Можно уточнить: это не исключает достижение локальных успехов на том или ином научном поприще, успешной деятельности многих ученых. Здесь позитивную роль могут сыграть междисциплинарный подход, заимствование методологий, продемонстрировавших свою эффективность в рамках иных (не социальных) наук, привлечение новых идей (например, феноменологии).

Во-вторых, применение той или иной методологической теории вовсе не является автоматической гарантией успеха. Любые данные должны быть верифицированы в добром старом позитивистском ключе. Исследователь должен привыкнуть к мысли об относительности истины, ее возможной (и даже обязательной) критике, выдвижении альтернативных точек зрения.

Текущее знание, и прежде всего знание социального, есть непреложный факт, и хорошо априори, до погружения в ту или иную проблему, свыкнуться с этой мыслью. Допустим, распространены упреки исторического знания в том, что «история не наука», на основании того, что данные исследований постоянно переписываются. Но это неверный подход. По большому счету такой упрек можно высказать представи-

телям любой из общественных наук. К тому же высказываются обоснованные сомнения

в понимании единого смысла самого понятия «наука».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фейерабенд, П. Прощай, разум / П. Фейерабенд. – М. : Астрель, 2010. – 479 с.
2. Свасьян, К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика / К. Свасьян. – М. : Акад. проект, 2010. – 206 с.
3. Лепешко, А. Б. Коммуникативный подход к совершенствованию национального законодательства / А. Б. Лепешко. – Брест : Альтернатива, 2016. – 183 с.
4. Поляков, А. В. Общая теория права : учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – СПб. : Изд. дом С.-Петербур. ун-та, 2005. – 472 с.

REFERENCES

1. Fejerabend, P. Proshchaj, razum // P. Fejerabend. – M. : Astrel', 2010. – 479 s.
2. Svas'jan, K. Fienomienologichieskoje poznanije. Propiedevtika i kritika / K. Svas'jan. – M. : Akad. projekt, 2010. – 206 s.
3. Liepieshko, A. B. Kommunikativnyj podkhod k soviershenstvovaniju nacional'nogo zakonodatiel'stva / A. B. Liepieshko. – Briest : Al'ternativa, 2016. – 183 s.
4. Poliakov, A. V. Obshchaja teorija prava : uchiebnik / A. V. Poliakov, Ye. V. Timoshina. – SPb. : Izd. dom S.-Pietierb. un-ta, 2005. – 472 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 16.09.2021

УДК 165+159.922.6

Сергей Петрович Онуприенко

*д-р филос. наук, ведущий науч. сотрудник Института философии
Национальной академии наук Беларуси*

Sergej Onuprienko

*Doctor of Philosophical Science, Leading Researcher of the Institute of Philosophy
of the National Academy of Sciences of Belarus*

e-mail: centr.evrissl@yandex.by

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ СРЕДА В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЭКОЛОГО-ТВОРЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Проанализированы две важнейшие категории факторов здоровьесбережения современных людей – медико-биологические и психолого-интеллектуальные – в контексте становления их позитивных эколого-творческих ориентаций. Это позволяет осуществить системно-целостное рассмотрение содержания здоровьесберегающей среды в русле философско-методологического обоснования данного феномена.

Ключевые слова: *здоровьесберегающая среда, эколого-творческие ориентации, философско-методологический подход, современное общество.*

Health-Preserving Environment in the Context of the Formation of Ecological and Creative Orientations of Modern Person

The presented article briefly analyzes the two most important categories of factors of health preservation of modern people in the context of the formation of their positive ecological and creative orientations. Traditionally, they are subdivided into medico-biological and psycho-logical-intellectual, which allows for a systemic and holistic consideration of the content of the health-preserving environment in line with the philosophical and methodological substantiation of this phenomenon.

Key words: *healthy environment, eco-creative orientations, philosophical and methodological approach, modern society.*

Введение

В современном мире невероятное множество различных форм, видов человеческой деятельности, в которых в той или иной степени присутствуют элементы творчества. Охватить этот многомерный процесс практически невозможно, учитывая безграничные возможности человеческого разума. Тем не менее в представленной статье предпринята реальная попытка системного рассмотрения одной из таких фундаментальных областей, в основе которой имеет место неразрывная связь экологии и творческих устремлений человека.

Целесообразно уделить внимание по меньшей мере некоторым факторам, вне которых нет смысла в достаточной степени вести речь как о творчестве, так и о тенденциях социально-экологических отношений.

Среди многообразия путей решения социально-экологических вопросов современного общества имеют место инновационные, учитывающие в своем содержании как традиционно-исторические, так и принципиально нестандартные решения выше-

отмеченных проблем. Эти процессы современного мира закономерно обусловлены рядом причин, конструктивные ответы на которые сфокусированы в границах единого термина – **здоровьесберегающая среда**.

Создание здоровьесберегающей среды [1; 2] рассматривается в данном изыскании в качестве факторов восполнения каждым из нас поставленных жизненных целей и задач, нашего совершенствования, что закономерно приближает к оптимальному уровню психолого-физиологического развития наших соотечественников.

Основная часть

В феномене здоровьесберегающей среды заключены три генеральных фактора устойчивого, эколого-творческого развития человека:

1) совокупность динамично функционирующих психофизиологических структурных элементов в системе организм (здоровье);

2) здоровьесберегающая среда как условие, препятствующее чрезмерному расхо-

дованию сил организма, обеспечивающих нормальное функционирование комплекса способов общеоздоровительного потенциала умственного и физического развития, в том числе как энергосберегающая система;

3) здоровьесберегающая среда в системе создания оптимальных возможностей функционирования природной органической и неорганической среды проживания людей, включающая благоприятные условия для обитания и произрастания представителей животного и растительного миров.

Здесь необходимо отметить одну закономерность: создание любого вида, формы, типа здоровьесберегающей среды и ее элементов как на методолого-теоретическом, так и на методико-практическом уровнях обречено на провал вне непосредственного чувственного контактирования человека и природного окружения. Всякого рода телевизионные, компьютерные, мобильно-сенсорные технологические системы способны лишь усугубить неадекватность восприятия мира, тем самым способствуя возникновению деструктивных психосимптомов. К сожалению, в средствах массовой информации крайне редко можно встретить объективные материалы относительно характера и примеров подобной тревожной зависимости. Тем не менее российские социологи отмечают [3, с. 54], что примерно 58,7 % респондентов, по роду деятельности связанных с вышеотмеченными технологиями, испытывают частый стресс и психическое недомогание. О какой же реальной пользе для здоровья человека здесь может идти речь? Что же касается природного влияния, то оно неопределимо!

Данные белорусских социоэкологов отчетливо свидетельствуют: 85,1 % анкетированных полагают, что общение с природой помогает укрепить их психику; 75,4 % – улучшает общее физическое состояние; 50,3 % – придает уверенность и спокойствие; 16 % – побуждает к занятиям физкультурой и спортом и т. д. Кроме того, 75,4 % ответивших полагают, что именно контакт с природным окружением повышает их жизненный тонус, 61,7 % – поднимает настроение, придает уверенность в собственных силах, 9,1 % – помогает укреплять волю, 8,6 % – улучшает память [1, с. 143–144].

Как видим, непосредственное общение с природой в контексте экологических

оздоровительных ориентаций – действенное средство акмесовершенствования самих себя и эйкоса.

Реализация столь благородных целей осуществляется с помощью самых разнообразных методов и подходов. Социологический анализ свидетельствует: 20,6 % опрошенных предпочитают укреплять здоровье через физические упражнения и массаж, 33,1 % составляют ответы тех, кто предпочитает различные методики рационального питания, в том числе диеты, разгрузочные дни, голодание и др.

Большинство же (41,7 %) придерживается традиционных на Руси водных оздоровительных процедур: баня, сауна, купание в водоеме. Необходимо добавить, что 22,9 % обязательно спрашивают при покупке продуктов сертификат на содержание радионуклидов, 56,0 % регулярно (на свой страх и риск!) интересуются страной происхождения привезенных овощей, фруктов и даже производителями мясо-молочных изделий.

Казалось бы, соотечественники достаточно активно ориентируют себя на меры по сохранению собственного здоровья, тем самым вносят существенный вклад в дело социально-экологического развития белорусского общества. На самом деле реальность более прозаична, ведь большинство наших граждан, как правило, применяют не более двух-трех вышеотмеченных способов защиты здоровья, не уделяя серьезного внимания другим методам. Кроме того, вопросы познания и охраны окружающей среды, прежде всего биосферного разнообразия флоры и фауны, редко становятся первостепенными заботами белорусов по сравнению с аналогичной тематикой собственного оздоровления [1, с. 129].

Таким образом, создание здоровьесберегающей среды в широком смысле означает, с одной стороны, создание и последовательное укрепление нормальных природно-климатических и эколого-оздоровительных условий проживания населения. С другой стороны, данный феномен означает закономерную необходимость осмысления, проектирования и реализации оптимально активизирующих психолого-физиологических основ жизнедеятельности каждого человека. На наш взгляд, существенным подспорьем в деле конструктивного

решения вышеотмеченных проблем является процесс деятельного переустройства всей социально-экономической системы современного белорусского общества, включая действенные подходы в области жилищной политики, реальной государственной помощи в деле защиты материнства и детства, разработки четких и научно обоснованных психолого-медицинских, экономических, гражданско-правовых, нравственно-этических и др. нормативов физических, психических, интеллектуальных нагрузок на здоровье человека и иных действенных мер экологической безопасности современного общества.

Среди вышеотмеченных подходов попытаемся выделить наиболее важные, фокусирующие в своем содержании конструктивные действенные меры здравосбережения разных категорий населения страны.

На наш взгляд, в первую группу целесообразно отнести ряд эколого-стабилизирующих методов оздоровления, основу которых составляют способы профилактики заболеваний и биологического старения. Этот естественный процесс физиологии организма человека связан с множеством далеко не всегда выясненных причин, приводящих к деструктивно-летальным процессам не только физической структуры тела, но и психологического выгорания, психическим расстройствам, рецидивам девиантного поведения и т. д.

Феномен психофизиоутомления человека тесно увязывается с проблемами старения нашего организма. Ученые считают, что традиционное старение определяется естественным физиологическим процессом, однако вопрос о скорости старения (или кинетике) имеет принципиальное значение, т. к. естественное старение наблюдается только у 6 % людей, а в остальных случаях это ускоренный процесс, обусловленный социогенными факторами [4, с. 64].

Естественно, старение, в отличие от тысяч имеющихся заболеваний человека, последовательно и неуклонно приближает нас к смертельному исходу, деморализуя в сознании общепринятые нормы, принципы, критерии мировой и отечественной культуры. Несмотря на относительно короткую по продолжительности человеческую жизнь, люди успевают освоить значительный объем знаний и находить приемлемые решения

задач, особенно важных в данный исторический этап развития общества. Именно по этим причинам кризисы, периодически возникавшие в хронологии цивилизационных трансформаций, носили временный, преходящий характер, прежде всего по причине невозможности решения жизненных вопросов бытия из-за недостатка необходимых знаний в технике, медицине, психологии.

Глобальный кризис, возникший на рубеже XX и XXI столетий в корне отличается от многочисленных предыдущих, т. к. обусловлен не столько недостатком, сколько чрезмерным перенакоплением разнообразной информацией, которую человечество не в состоянии системно, целостно осмыслить, а тем более извлечь практическую пользу для всех нас. Достаточно напомнить, что только сфера интернет-пространства, ежесекундно расширяющаяся, представляет уже в наше время практически нерегулируемые серьезные проблемы анализа, обобщения, достоверности, аргументации, рекомендательности всего того, что «проглотил ненасытный информационный монстр».

Современный человек вынужден ежедневно потреблять все большее количество информации, одновременно ощущая ограниченность своих интеллектуально воспринимающих, усваивающих, а тем более передающих возможностей структур мозга. Это, первое, что необходимо учитывать, особенно при инфоперегрузке наших детей. Во-вторых, деловая, творческая активность во все времена имела и ныне натывается на незримый, но весьма четко осмысливаемый каждым временной барьер – конечность жизни. Исходя из этого мы часто задаемся риторическим вопросом: сумели бы люди изменить в позитивном направлении свою жизнь, если бы... отодвинуть дальше смертельный исход? По мнению многих известных литераторов, драматургов, ученых, главным тормозом развития мировой культуры, науки, образования является ограниченность жизненных потенциалов, что препятствует завершению гениальных произведений, изобретений, тем самым сковывая человеческий разум. Вспомним: обещанные, но неосуществленные испытания изобретений Л. да Винчи, ненаписанные продолжения поэмы «Мертвые души» Н. В. Гоголя, романа «Поднятая целина» М. А. Шолохова, новый вариант «Тео-

рии относительности» А. Эйнштейна и бесчисленное количество всего того, что могло бы быть, если бы...

Среди доминирующих факторов цивилизационного развития, начиная с Homo Sapiens и вплоть до дней нынешних, конструктивные способы выживания, точнее, основополагающие принципы здоровьесберегающей среды, были и остаются главными в истории рода человеческого. Здесь, как ни в какой другой сфере жизнедеятельности, проявляются творческие подходы. Создаваемая разумными существами среда вынуждена была постоянно испытывать разрушающие удары природно-климатического, социально-техногенного и иного характера. В наше время глобальных социальных трансформаций очевиден процесс обратного действия: сама здоровьесберегающая среда, прежде всего богатейший опыт врачевания, профилактика человеческих недугов становятся ведущими звеньями в системе познания человеческой сущности и окружающего бытия. С вершины XXI столетия ученые подводят своеобразные итоги достижений жизненно важных результатов в области здоровьесберегающих методик и технологий, наполняя эти термины социокультурным содержанием.

На наш взгляд, среди множества подходов, методов укрепления здоровья целесообразно выделить две категории фундаментальных, определяющих методологию сознания жизнедеятельности современников, уровни их интеллектуально-творческого потенциала, нравственно-духовных и общекультурных ценностей.

Медико-биологические факторы здоровьесбережения, определяющие экологотворческие тенденции развития современного человека.

Актуальность этих вопросов определяется не только характером общесоциальных закономерностей, но и конкретизацией медико-биологических проблем, которые представляются наиболее важными, поскольку именно их решение может оказаться подходом к другим проблемам современности. Речь идет, во-первых, о познании механизмов природы человеческого сознания и практическом освоении методов его развития; во-вторых, о постижении причин биологического старения, болезней и создания технологий радикального укрепления и

продления жизни человека. Эти задачи наряду с созданием искусственного интеллекта, по мнению известного белорусского ученого-биолога О. В. Квитко, во многом совпадают с основными целями трансгуманизма – мировоззрения, к основоположникам которого причисляют таких выдающихся личностей, как Данте Алигьери и религиозный философ Николай Федоров – автор соответственно «Божественной комедии» и «Философии общего дела», произведений, объединенных идеей преодоления смерти [5, с. 11].

К сожалению, создатель «Божественной комедии», научно-технические средства и биоэтические аргументы современной медицины нацелены главным образом на борьбу с болезнями, вызываемыми старением, а не на вмешательство в сам процесс старения и выработку творчески ориентированных методов его продуктивного замедления. Тем не менее даже фантастические успехи в замедлении процесса старения вплоть до полного устранения смертности, связанной с имеющимися и потенциально возможными болезнями, могут продлить среднюю продолжительность жизни лишь в относительно небольших пределах, серьезно деградируя социально-психологический потенциал личности [6, р. 267–269]. Отсюда следует, что относительно реальные в наше время возможности увеличения максимальных временных параметров долголетия (условно до 120–140 лет) могут привести к закономерному длительному старению организма, т. е. фактически к длительному процессу негативных трансформаций психики, сознания, нежелательных для окружающих ценностно ориентационных установок.

Как видим, вне основательного изучения и осмысления механизма и последствий старения, а также поиска действенных средств радикального продления жизни все усилия в области медико-биологических инноваций могут оказаться малоэффективными и даже бессмысленными.

Клеточная трансплантология на основе стволовых клеток, безусловно, внесет свой вклад в лечение ряда заболеваний, отмечает известный российский ученый А. В. Берсенев, но данный подход вряд ли позволит преодолеть видовой предел продолжительности жизни человека. При ста-

рени, подчеркивает он, нарушаются функции различных элементов организма, что автоматически заставляет трансплантологов осуществлять замену практически всех структурно-функциональных систем нашего тела, мозга. Добавим к сказанному, что пересадка и переналадка означает создание нового человека, по сути – некую форму андроида [7, с. 49–56]. Кроме того, системная трансплантация не может быть одноразовой, т. к. вживляемые органы, пусть даже состоящие из молодых клеток, снова неизбежно будут стареть. Так стоит ли «овчинка выделки»?

В свою очередь, биолог О. В. Квитко предполагает творческо-развитийную теорию омоложения, суть которой в том, что процесс постепенного завершения развития и роста организма как раз является основной причиной старения. По его мнению, пока биообменные системы функционируют нормально, происходит развитие и рост костно-мышечных структур, особые морфогенетические (сигнальные белки), управляющие данным процессом, включают программу омоложения клеток, что, по сути, означает создание здоровьесберегающих основ интеллектуально-физиологического потенциала [8, с. 73–77]. Механизм молекулярного омоложения объясняет причины возрастания продолжительности жизни многих видов живых существ, например, потенциально бессмертных представителей видообразия рыб и моллюсков, у которых не прекращается рост, и смерть их, по мнению ученых, обусловлена обычно случайными причинами и чрезмерными размерами тела. Исходя из вышесказанного, следует предположить, что в геноме различных организмов животного и растительного мира, а значит, и у человека, имеет место программа долговременного и, вполне возможно, бессмертного существования, которая действительна исключительно в период развития и роста клеток организма. Задача в том, каким образом сделать работу данного механизма клеточного омоложения в теле взрослого человека постоянной, равномерно распределяя энергозатраты?

Вышеназванная творческо-развитийная теория омоложения О. Квитко по содержательным концептам является продолжением учения о доминанте, разработанного еще в 20-х гг. прошлого века всемирно известным

российским и советским физиологом, академиком АН СССР А. А. Ухтомским, занимавшимся изучением центральной нервной системы. Доминанта означает временное господство одних нервных центров над другими, что сопровождается т. н. сопряженным торможением. Суть в следующем: естественно (а позднее стало возможным и искусственно) вызванное нервное возбуждение центров активизации созидательной, регенерационной ориентации вызывают процесс затормаживания (притормаживания) функциональной деятельности тех центров, которые выполняют свойственные им генетически обусловленные физиопрограммы витальных процессов в обычных (стабильных) временных режимах работы (т. е. тех антропо-физиологических механизмов нашего организма, которые последовательно приближают его к неизбежному старению). По мнению О. В. Квитко, в состоянии развитийной доминанты мозг генерирует омолаживающие нервные импульсы, которые по принципу сопряженного торможения блокируют процессы старения, препятствующие реализации главной задачи – продолжению интеллектуального, духовного развития [5, с. 12].

Подводя мини-итог размышлениям о долговечном здоровье наших современников, было бы неверным полагать, что своеобразная панацея бессмертия исключительно заключена в программах биолого-медицинских изысканий.

Во многом подобное состояние характеризуется несбалансированным питанием, потому что у наших соотечественников в последние годы остро стоит проблема дефицита микронутриентов. Например, дефицит витамина С наблюдается у 80–90 % жителей Беларуси, витаминов В1, В2, В6, фолиевой кислоты – у 40–80 %, более 40 % имеет недостаток минеральных веществ (железа, йода, селена, кальция, фтора и др.) [4, с. 64]. Именно по этим причинам необходимо сбалансированное, разнообразное питание с использованием отмеченных выше элементов, т. к. их отсутствие серьезно вредит нашему здоровью и является одной из основных причин развития иммунных нарушений и спровоцированных психонапряжением (стрессом) хронических заболеваний, в т. ч. синдрома хронической усталости.

В последнее десятилетие на повестку дня современной биомедицины, прогностической экологии поставлена проблема активного использования функционального питания, позволяющего конструктивно решать вопросы поддержания стабильности биообменных процессов организма и, одновременно, увеличения продолжительности жизни человека. Перечень активизирующих веществ достаточно широк, но следует обратить внимание на ключевые три группы:

1) антиоксиданты регулируют обмен веществ в клетках, снижая уровень окисленности ДНК, белков и особенно липидов, являющихся основой мембран клеток крови;

2) адаптогены повышают сопротивляемость организма к различным деструктивным факторам внешней и внутренней среды (особое место занимает селен);

3) биостимуляторы активизируют обменные процессы в организме, оказывают стабилизирующее воздействие на функции центральной нервной, сердечно-сосудистой, эндокринной и других систем.

Среди десятков смесей комплексных обогатительных (СКО) белорусские ученые выделяют «Даўгалецце-19», в состав которого входят порошки из моркови, свеклы, яблок, томата, имбиря, корицы, овса, кардамона, корня пастернака, чеснока, корня солодки голой. Результаты экспериментов с данным препаратом, проводимых на мышах и крысах, засвидетельствовали динамику роста физических возможностей организма в диапазоне от 13 до 27 %, что позволяет использовать данные СКО и для человека, эффективно повышать его адаптационные показатели, физическую работоспособность, долголетие.

Как показывают результаты научных изысканий в области нейрофизиологии, психотерапии и др., потенциал увеличения жизненной активности человека, благодаря интеллектуально-духовным установкам (в отличие от телесно-физических), не ограничен кодами генетических программ. По этой причине инновационные методы психофизиодиагностики, реабилитации позволяют не абсолютизировать действенность стволовых клеток и генетически небезопасные манипуляции с ними, а подумать об активизирующе-творческих вариантах формирования в мозге особых доминантных состояний, обеспечивающих сопряженное с разви-

тием духовно-культурной сферы торможение процессов старения не только в центральной нервной системе, но и всей системе биообменных процессов организма в целом.

Во вторую категорию в системе здоровьесберегающей среды по праву можно отнести **психолого-интеллектуальные методы оптимизации** процессов внутри нее.

Видные советские ученые Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, А. Н. Леонтьев и др. еще на заре становления психологических наук в СССР отмечали огромный потенциал психолого-экспериментальных изысканий в области укрепления здоровьеслабости стимулирующих тенденций, как составной части единого процесса социального развития человека. На рубеже XX и XXI столетий все чаще научные издания сообщают о возможности психологической стимуляции механизмов омоложения клеток. Здесь прослеживается четкая линия взаимосвязи молекулярных генетиков и психологов, среди которых лауреат Нобелевской премии 2009 г. Э. Блекбурн, изучающая наряду с иным эффективностью влияния медитации на длину теломера в хромосоме. Она полагает, что *mindfulness meditation* (медитация текущего момента) снижает психологический стресс, активизирует теломеразу. Суть в том, что соответствующая медитация возбуждает и одновременно стабилизирует состояние сознания с учетом индивидуальных экологофизиологических параметров конкретного человека, которое управляет операцией омоложения путем снижения уровня инсулина и гормона стресса – кортизола. Медитация позволяет тренировать работу мозговых центров, тем самым разгружая и распределяя информационное давление на отдельные области коры полушарий, стимулируя физическую восстановительную деятельность клеточных веществ.

Таким образом, медитационные методики как составной элемент единой программы социокультурной стабилизации здоровья человека способны предложить и реализовать не менее эффективные методы реанимационно-нормализующего характера.

Во-первых, имеют место светские и религиозные варианты применения методик медитационной концентрации внимания, включая «медитацию текущего момента», отмеченную выше. Характер их действия

основан на достижении состояний сознания благодаря сосредоточенности на некоторых мыслях, например, на «состоянии блаженства и вечности», «мысли о здоровье и отсутствии любых болезней», «способности перебороть все недуги и несчастья» и др. Подобная методика, о чем свидетельствуют многочисленные результаты отечественных и зарубежных исследований [9, с. 34–53], нацелена на выработку устойчивого позитивного стереотипа спокойного, уверенного в себе, здорового состояния и неограниченных внутренних возможностей своего организма в преодолении всевозможных болезней (причем на любых стадиях), гнетущих состояний, неуверенности. Она позволяет осуществлять системную профилактику вероятности инфекционного и другого заражения, стабилизировать внутри кровяное давление и даже изменить химический состав крови, не говоря уже о положительных эмоциях.

Медитация, пожалуй, один из величайших творческих психо-интеллектуальных способов тренинга нашего сознания, созданного цивилизационным процессом непосредственно для укрепления здоровья человека. Творческое содержание ее методов, на наш взгляд, заключается прежде всего в персональной приемлемости поставленных целей врачевания, оздоровления и психоактивизации особенностям функциональных характеристик мозговых структур индивида.

Медитационный тренинг, считают специалисты, желательно проводить 1–2 раза в сутки продолжительностью до 20 мин., детям до 12 лет время уменьшены вдвое.

Во-вторых, предлагаемая О. В. Квитко развитийная медитация, напротив, не ограничивает, а расширяет фокус сознания, что способствует задействованию большей части мозговых центров. Эту психотехнику можно называть так: «думай обо всем сразу» (*think of everything simultaneously*) [10, р. 30–33]. Данный подход избавляет сознание от навязчивых мыслей, расширяет поля интеллектуальных манипуляций, не позволяет закливать внимание на отдельных фактах жизненного бытия, уравнивая биоэнергобаланс организма и системно распределяя поступающую извне информацию. Аналогичные творческо-конструктивные свойства психики от природы свойственны людям, условно относящимся по признакам

темперамента к сангвиникам. Они долго не задерживают внимание (интерес) на одном-двух объектах восприятия, что позволяет избежать энергоперегрузки мозговых структур, а следовательно, они позволяют практически минимизировать рецидивы психодеструктивных состояний, что подтверждается наблюдениями З. Фрейда и авторскими исследованиями темпераментальных свойств интеллекта людей [11; 2].

Учет темпераментальных особенностей психики людей в сочетании с медитационно-разгрузочными методами оздоровления – одно из творческих приоритетных направлений современной науки и образования, подчеркивает американский психотерапевт Д. Николь. В его работе «Буддизм и психоанализ» проанализированы специфические воздействия гипноза, молитвы, медитационного сеанса и др. на сознание и здоровье человека, включая их сильные и слабые стороны. Особое внимание уделено глубинному воздействию на интеллект и поведение восточных медитационных техник. Проводится мысль единения разных психоподходов (чему уделял внимание З. Фрейд), преимуществ психолого-ориентационного эскапизма (ухода от действительности) в практике клинических исследований. Здесь же имеет место анализ процесса религиозной молитвы, благотворно влияющей на пациентов, успокаивающей эмоциональную нестабильность, настраивающей на здоровый образ жизни и духовно-нравственную гражданскую позицию личности [12, р. 157–172].

Заключение

Творческо-развитийная доминанта, включающая медитационные процессы психостабилизации психического и духовного состояния человека, имеет все более востребованное значение в практике биолого-медицинской и социокультурной стабилизации жизненных процессов, по содержанию напоминает эколога-природные механизмы сензитивной периодизации в жизни каждого из нас. Вместе с тем на стадии формирования психофизиологической структуры организма (в возрасте от 7 до 12–14 лет) полезнее использовать менее активизирующие методы здоровьесберегающего назначения. Примером может служить разработка и реализация *универсальной программы*

экологического образования «Экология и жизнь» в объединении по интересам средней школы № 126 г. Минска (руководитель – С. П. Онуприенко). Экология человека, экология окружающей среды, социальная экология, темпераментальные осо-

бенности характера человека и другие темы – таковы методологические и методические аспекты учебно-воспитательного процесса, реализуемого в этом объединении в творческом сочетании с психолого-оздоровительными мероприятиями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Онуприенко, С. П. Стратегия экологической безопасности XXI века: теоретико-методологический и методический анализ проблем населения Беларуси / С. П. Онуприенко. – Минск : Тесей, 2009. – 304 с.
2. Онуприенко, С. П. Интеллект. Темперамент. Как организовать свою жизнь / С. П. Онуприенко. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 384 с.
3. Максименко, С. Д. Источники и движущие силы жизненной энергии (нужды) личности / С. Д. Максименко // Мир психологии. – 2013. – № 4. – С. 213–224.
4. Мадзиевская, Т. Фотокомпозиции для активного долголетия / Т. Мадзиевская // Наука и инновации. – 2011. – № 3. – С. 64.
5. Квитко, О. В. Сознание и геном: на пороге «Золотого века» / О. В. Квитко // Наука и инновации. – 2012. – № 12. – С. 11.
6. Hayblick, L. The future of ageing / L. Hayblick // Nature. – 2000. – Vol. 408, nr 6809. – P. 267–269.
7. Берсенев, А. В. Клеточная трансплантология – история, современное состояние и перспективы / А. В. Берсенев // Клеточ. трансплантология и тканевая инженерия. – 2005. – № 1. – С. 49–56.
8. Квитко, О. В. Развительная доминанта как механизм антистарения / О. В. Квитко // Альм. геронтологии и гериатрии. – 2005. – Вып. 4. – С. 73–77.
9. Квитко, О. Сознание и геном: на пороге «золотого века» [Электронный ресурс] / О. Квитко // Наука и инновации. – 2012. – № 12 (118). – С. 11–13. – Режим доступа: <http://innosfera.by/files/2012/12.pdf>.
10. Kvitko, O. Signalling pathways and rejuvenation: risks and opportunities / O. Kvitko // Materials of the 11th Scientific Symposium of LVMH Recherche. – London, 2011. – P. 30–33.
11. Онуприенко, С. П. Путь в тайны памяти / С. П. Онуприенко. – Минск : Информпрогресс, 1994. – 52 с.
12. Nicol, D. Buddhism and psychoanalysis a personal reflection / D. Nicol // Am. J. Psychoanal. – 2006. – Vol. 66. – P. 157–172.

REFERENCES

1. Onuprijenko, S. P. Strategija ekologichieskoj biezopasnosti XXI vieka: teoretiko-mietodologichieskij i mietodichieskij analiz problem nasielienija Bielarusi / S. P. Onuprijenko. – Minsk : Tesej, 2009. – 304 s.
2. Onuprijenko, S. P. Intielliekt. Tiempieramient. Kak organizovat' svoju zhizn' / S. P. Onuprijenko. – Minsk : TetraSistems, 2011. – 384 s.
3. Maksimienko, S. D. Istochniki i dvizhushchije sily zhizniennoj energii (nuzhdy) lichnosti / S. D. Maksimienko // Mir psikhologii. – 2013. – № 4. – S. 213–224.
4. Madzijevskaia, T. Fotokompozicii dlia aktivnogo dolgoletija / T. Madzijevskaia // Nauka i innovacii. – 2011. – № 3. – S. 64.
5. Kvitko, O. V. Soznaniye i gienom: na porogie «Zolotogo vieka» / O. V. Kvitko // Nauka i innovacii. – 2012. – № 12. – S. 11.
6. Hayblick, L. The future of ageing / L. Hayblick // Nature. – 2000. – Vol. 408, nr 6809. – P. 267–269.

7. Biersieniev, A. V. Klietchnaja transplantologija – istorija, sovriemiennoje sostojanije i pier-spiektivny / A. V. Biersieniev // Klietoch. transplantologija i tkanievaja inzhenierij. – 2005. – № 1. – С. 49–56.
8. Kvitko, O. V. Razvitijnaja dominanta kak miekhanizm antistarierenija / O. V. Kvitko // Al'm. gierontologii i gieriatrii. – 2005. – Vyp. 4. – S. 73–77.
9. Kvitko, O. Soznaniye i gienom: na porogie «zolotogo vieka» [Eliektronnyj riesurs] / O. Kvitko // Nauka i innovacii. – 2012. – № 12 (118). – С. 11–13. – Riezhim dostupa: <http://innosfera.by/files/2012/12.pdf>.
10. Kvitko, O. Signalling pathways and rejuvenation: risks and opportunities / O. Kvitko // Materials of the 11th Scientific Symposium of LVMH Recherche. – London, 2011. – P. 30–33.
11. Onuprijenko, S. P. Put' v tajny pamiaty / S. P. Onuprijenko. – Minsk : Informprogress. – 1994. – 52 s.
12. Nicol, D. Buddhism and psychoanalysis a personal reflection / D. Nicol // Am. J. Psychoanal. – 2006. – Vol. 66. – P. 157–172.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 15.06.2021

УДК 159.922.2

Андрей Владимирович Шевцов¹, Павел Павлович Крусь²¹магистр психологии, аспирант 2-го года обучения каф. психологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии и экономики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Andrei Shevtsov¹, Pavel Krus²**¹Master of Psychology, Graduate Student of the Department Psychology
at the Brest State A. S. Pushkin University²PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Philosophy and Economics
at the Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹naykaandrew@mail.ru; ²kruspp@tut.by**ПРОБЛЕМА РАЗВИВАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТНОЙ РЕФЛЕКСИИ И ЭМПАТИИ ПОДРОСТКОВ**

Представлены различные целесообразные способы применения педагогами информационных технологий на примере зарубежных исследований для формирования личностной рефлексии и эмпатии у молодых людей в условиях возрастающей роли цифровизации современного подрастающего поколения.

Ключевые слова: информационные технологии, подростковый возраст, личностная рефлексия, эмпатия, применение информационных технологий, зарубежные исследования, цифровизация.

***The Problem of Developing Capacity Information Technologies
in the Formation of Personal Reflection and Empathy of Adolescents***

The article presents various expedient ways of using information technologies by teachers on the example of foreign studies for the formation of personal reflection and empathy in young people in the context of the increasingly growing role of digitalization in the modern younger generation.

Key words: information technology, adolescence, personal reflection, empathy, the use of information technology, foreign research, digitalization.

Введение

В условиях современного мира в становлении индивида все большую роль играют различные типы информационных технологий. И наиболее сильно подвержены воздействию данных технологий молодые люди в силу своих индивидуально-психологических особенностей подросткового возраста. Личностная рефлексия и эмпатия имеют большое значение для гармоничного развития и формирования их личности. Они способствуют осознанному выбору действий и несению ответственности за него. Во многих исследованиях подчеркивается негативный эффект влияния информационных технологий на развитие личности субъекта. И в данном случае встает вопрос о нахождении обходного пути для их конструктивного использования педагогами в условиях образовательного процесса.

В настоящее время педагоги отмечают рост жестокости среди лиц подросткового возраста из-за вовремя не сформирован-

ной личностной рефлексии и эмпатии. В данном случае необходимо отметить, что система ценностей наиболее интенсивно формируется в период подросткового возраста. У молодых людей определяется различный круг интересов, формируются пути достижения целей. В период пубертата у подростков возникает много противоречий и изменений в жизни. Молодые люди становятся конфликтны и импульсивны, они нечасто обращают внимание на обстоятельства из-за своего подросткового эгоизма, а также они противоречивы и легко возбуждаются. В этот период они приобретают навыки управления своими эмоциями, т. к. основное занятие подростков – это общение со сверстниками. Именно общение формирует у них коммуникативные навыки выстраивания межличностных отношений.

И здесь педагогам очень важно контролировать процессы личностной рефлексии и эмпатии у подростков, чтобы должным образом способствовать развитию их

нравственных ценностей для успешного взаимодействия с окружающими, а также формирования саморазвития субъекта как творческой и активной личности.

С развитием цифровых технологий и расширением роли социальных сетей в различных сферах жизнедеятельности молодых людей огромное значение имеет способность распознавания чувств, мыслей другого человека и эмоциональных тонкостей без негативных оценок и осуждения. Способность к сопереживанию и чуткость к проблемам другого человека являются одними из важнейших условий развития межличностных отношений.

Актуальность. В основе саморазвития подростков лежат процессы рефлексии, которые направлены не только на самого себя, но и на окружающих [1]. Подростки начинают лучше понимать других людей, а также логику их поведения. В процессе формирования личностной рефлексии у них идет признание внутреннего мира как такового – как части жизни и части сознания. Проявляется интерес к чужому внутреннему миру. Формируются идеалы, предпочтения согласно собственным требованиям. Новые познавательные процессы приводят к развитию рефлексии в целом. Подросток начинает активнее рефлексировать в семье, школе и обществе. Изменяется определенным образом их шкала ценностей, интересов и предпочтений [2].

Современные информационные технологии в образовательном процессе могут потенциально играть положительную роль в развитии не только интеллектуальной рефлексии, но и в личностной (эмпатии в частности). Подрастающее поколение становится все более осведомлено в отношении других людей и окружающего мира в целом. Всемирная сеть Интернет позволяет увидеть большое разнообразие характеров, внешних данных и вполне успешных личностей. По сути, с развитием рефлексии как возрастного психического новообразования в подростковом возрасте формируется личность, которая начинает примерять на себя ответственность за свои действия, поступки и даже слова (обещания); формируется чувство долга; расширяются горизонты познания себя и окружающего мира в целом; дается адекватная оценка происходящим событиям [3]. Подросток более осознанно де-

лает выбор и формирует собственное мнение. Он также видит проявление признаков рефлексии различных пользователей сети Интернет своего поколения и выбирает то, что ему ближе всего, исходя из его собственных рефлексивных процессов. Он также решает, кому подражать или представить себя на месте другого. В то же время у субъекта в период подросткового возраста отмечается определенная наивность и имеется понимание того, что абсолютной истины нет, однако к ней стоит стремиться для успешной реализации себя и конструктивного взаимодействия и общения с другими людьми.

Проблема. Формирование психики у подростков в условиях современных информационных технологий происходит быстрее, но не всегда равномерно. Формируется мыслительная деятельность, анализ событий и причинно-следственных связей. Меняются когнитивные аспекты подростка, а также эмоциональная жизнь у подрастающего поколения. И в данном случае подростки начинают относиться более осознанно к понятиям добра, зла, обмана и чести [4]. Однако реальные коммуникативные навыки с распознаванием реальных эмоций начинают снижаться, ведь «смайлики» различных интернет-мессенджеров никак не заменяют реальных эмоций, чувств и не отражают подлинной реальности.

В данном случае самая большая заслуга подростковой рефлексии как новообразования и ее личностного компонента в частности – это опыт. Более осознанный опыт, который позволяет быстро учиться не только на своих ошибках, но и на чужих. Проявляется меньше автоматических суждений по тем вопросам, которые еще не изучены для объективной оценки.

В условиях образовательного процесса подростку очень важно адекватно оценивать себя и своих ровесников. Рефлексивные подростки меньше вступают спор с педагогами, т. к. признают, что их знания и опыт основаны на профессионализме и мотивации. Они также меньше поддаются негативному влиянию, т. к. имеют свое понятие о ценностях, свое мнение, отражающие их внутренний облик и способность нести личностную ответственность за собственные действия и поступки в различных ситуациях [5].

Эмпатія – это качество личности человека, которое помогает ему наиболее эффективно взаимодействовать в обществе, понимать окружающих людей в процессе общения и познавать мир. Во многих психологических исследованиях отмечается, что за последние десять лет у современных молодых людей (по сравнению с предыдущими поколениями) уровень эмпатии начал постепенно понижаться. В данном случае предполагается, что это связано с различными видами информационных технологий и сети Интернет. Если раньше у детей и подростков были коллективные игры во дворе, то сейчас они все чаще играют в компьютерные игры не выходя из дома [6]. В связи с этим особенно актуальным становится изучение как самой эмпатии, так и ее механизмов для определения факторов, способствующих ее гармоничному и полному развитию.

Таким образом, *целью* данной статьи является определение положительного потенциала информационных технологий для развития личностной рефлексии и эмпатии в период подросткового возраста в условиях образовательного процесса.

Результаты исследований

В современных педагогических условиях рефлексивность подростков играет очень важную роль в образовательном процессе. Исследователь J. Mezigo отмечает, что рефлексия проявляется в определенных обстоятельствах жизнедеятельности, когда человек затрудняется в принятии решений. Другой ученый J. Dewey также идентифицировал это положение, но описал его в терминах ответа индивидуума. Он заявил, что рефлексивная мысль вовлекает в состояние сомнения, колебания, недоумения или умственного затруднения.

Аналогичные подтверждения находим в работах таких исследователей, как Н. И. Семенова, С. Ю. Степанова, которые указывают на то, что личностная рефлексия связана с продолжением конфликтности ситуации поиска, а интеллектуальная рефлексия – с разрешением проблемной задачи.

L. Voud и другие использовали несколько иной подход в описании рефлексии как «формы реакции обучаемого в эксперименте» [7; 8].

Исследования ученых K. Seibert и M. Daudelin, проведенные в 1999 г., определили условия, влияющие на рефлексивность. Их результаты показали, что для развития рефлексии у подростка нужна благоприятная положительная окружающая среда. Она включает самостоятельность, а также обратную связь и возможность коммуникации и взаимодействия с другими людьми посредством современных информационных технологий – с применением сети Интернет и различных интернет-мессенджеров. Социальные сети и новые системы связи способствуют формированию подростковой рефлексии в школах и в домашних условиях. На основе полученных результатов исследования можно предположить, что подростки в целом становятся более рефлексивными в условиях применения современных информационных технологий. Также можно говорить о том, что недостаток автономии и коммуникации ведет к торможению рефлексии у подростков. И в данном случае современные информационные технологии делают подростков более открытыми с незнакомыми людьми на фоне комментариев по интересующим их темам в системах дистанционного общения. В процессе коммуникации и постоянного диалога формируется рефлексивность в целом и личностная в частности. Подросток постепенно начинает лучше видеть себя со стороны, и ему в этом помогают собеседники из социальных сетей и других интернет-сервисов [2; 9].

Таким образом, можно сделать вывод, что личностная рефлексия у подростков развивается в диалоге, особенно между сверстниками. В личном общении развиваются дружеские отношения и доверие, раскрывающие внутренний мир молодых людей. А в подростковом возрасте это играет особую роль. Только в процессе дружбы, общения с другим ровесником подросток может сравнить качества своей личности и свой внутренний мир с качествами других людей. Так формируется осознание своей собственной личности, самого себя. В то же время современные технологии могут способствовать этому при условии, что подросток взаимодействует с другими молодыми людьми вне дома. Тем не менее Интернет для многих является исключительно важным аспектом их жизнедеятельности. И общение происходит лишь посредством мес-

сенджеров и страниц социальных сетей, что препятствует должному развитию реальных коммуникативных навыков, связанных со считыванием реальных эмоций в процессе общения. Поэтому информационные технологии не должны заменять реальное общение, а лишь дополнять его в тех случаях, когда непосредственное общение затруднено или не предоставляется возможным.

В зарубежной психологии принято различать «*empathy*» (эмпатию) и «*compassion*» (сострадание), причем именно *compassion* подразумевает возникновение у человека стремления помочь другому в случае, когда эмоции и представления о ситуации этого другого возникли на основе эмпатии [10]. Однако наиболее дискутируемым остается вопрос механизмов эмпатии. Функциональный механизм эмпатии, по определению А. П. Сопикова, – это определенный способ аналогового моделирования субъектом эмпатируемого объекта. В данном случае необходимо отметить, что к механизмам эмпатии многие исследователи относят эмоциональное заражение, проекцию и интроекцию, идентификацию, децентрацию и рефлексивность [11].

Следует отметить, что многие механизмы эмпатии выделены в результате теоретического анализа и на настоящий момент не получили достаточного эмпирического подтверждения. Так, Е. Я. Басин специфичными для эмпатии механизмами считал проекцию – интроекцию, а идентификацию рассматривал как результат данных процессов [12]. Выделяя такие механизмы эмпатии, как заражение, идентификация, проекция и интроекция, Н. И. Сарджвеладзе основными считает заражение и идентификацию, а проекцию и интроекцию рассматривает как проявления или элементы одного механизма идентификации [13]. На необходимость различения механизмов подражания и идентификации указывают зарубежные исследователи и русскоязычные ученые. Н. Ньюкомб, например, рассматривает подражание как простое копирование некоторого вида поведения, а идентификацией обозначает более тонкий механизм, посредством которого человек усваивает отдельные характеристики и общие модели поведения другого [14].

Анализ исследований, посвященных возрастным особенностям становления эм-

патии, показывает, что эмпатия развивается от простейших форм эмоционального заражения и подражания к более сложным, связанным с формированием когнитивных способностей и нравственных установок [15]. Т. П. Гаврилова и Ю. А. Менджерицкая выделяют следующие механизмы эмпатии по мере их появления в онтогенезе: эмоциональное подражание и заражение, идентификация, понимание и рефлексия [16; 17]. Децентрация также рассматривается рядом авторов как механизм эмпатии. Проанализировав вышесказанные аспекты, следует отметить, что эмпатия – это способ общения с другими людьми, который показывает, что субъект пытается понять другого, через собственную личность и жизненный опыт. Другими словами, эмпатия заключается в том, чтобы найти способ установить связь и сказать: «Я хочу понять, что это значит для вас, и дать вам понять, что вы не одиноки».

В подростковом возрасте, как известно, идет формирование личности, происходит «скачок» моральных и интеллектуальных сил. Подростки стремятся понять других людей и учатся выстраивать дружеские отношения. Эмпатия в подростковом возрасте очень важна, поскольку у подростков начинают формироваться взгляды на жизнь и отношения с другими людьми, а также формируется система ценностей. Подросток «ищет себя», ведь пока он еще мало разбирается в своих собственных качествах: активность сменяется пассивностью, эгоизм сменяется отзывчивостью [16].

В результате изучения зарубежных и русскоязычных исследований следует отметить, что эмпатия представляет собой сложный системный процесс развития, становления и формирования личности в целом. В психологии это ряд психических аспектов, таких как сочувствие, сопереживание, «вчувствование» в состояние другого [18]. В данном случае следует взять несколько основных психических явлений, посредством которых определяется понятие «эмпатия»: способность, свойство, состояние, процесс, реакция [19]. Однако в нашем случае мы будем опираться на следующее определение: эмпатия – эмоциональная отзывчивость на состояние другого, формирующаяся у человека благодаря представлению им своих аналогичных переживаний, воз-

никновение которых характерно для ситуации другого субъекта. Эмпатия включает в себя позитивный, негативный, эмоциональный, когнитивный и действенный компоненты в структуре личности.

Эмоциональная особенность эмпатии представляет собой эмоциональный ответ на переживания другого человека. Знак эмоции, на которую направлена эмпатия, позволяет выделить два ее вида: позитивную и негативную. Негативная эмоциональная эмпатия – это сострадание, «сопечаливание» отрицательным эмоциям другого; позитивная – «сорадование» положительным эмоциям другого. Когнитивный и эмоциональный компоненты выступают основой действенного компонента эмпатии, который заключается в действиях субъекта эмпатии, направленных на коррекцию состояния другого и изменение ситуации, в которой тот находится. Действенный компонент, в свою очередь, оказывает влияние на эмоциональный и когнитивный компоненты, т. к. в процессе деятельности субъект эмпатии начинает корректировать сложившееся у него представление о переживаниях другого. Однако надо заметить, что включение в состав эмпатии действенного компонента является, скорее, традицией русскоязычных ученых-психологов [15].

В данном случае необходимо отметить, что существует взаимосвязь между рефлексией и эмпатией, которая находит свое подтверждение в исследованиях Е. М. Троицкой и Г. В. Мануйлова. Так, Е. М. Троицкая описывала, что уровень системной рефлексии связан с более высоким уровнем негативной эмоциональной эмпатии, когнитивной эмпатии, действенной эмпатии и с более высоким общим уровнем эмпатии у мальчиков и юношей. Согласно Г. В. Мануйлову взаимосвязь между системной рефлексией и эмпатией, свидетельствует о том, что в становлении рефлексии очень важную роль играет умение распознавания положения и эмоционального состояния другого человека в отношении собственной личности. Способность взглянуть на себя со стороны позволяет субъекту более эффективно анализировать ситуацию, а также способствовать гармоничному развитию личности в целом.

Таким образом, развитие личностной рефлексии и эмпатии субъекта в современ-

ных реалиях усиливающейся цифровизации общества наиболее перспективно с применением различных конструктивных средств информационных технологий. В данном случае личностная рефлексия и эмпатия – это качества, которые ведут к развитию гуманистических ценностей личности, сопровождают личностный рост и становятся одним из ведущих внутренних механизмов развития.

Потенциал использования информационных технологий в развитии личностной рефлексии и эмпатии индивида на примере зарубежных исследований

Виртуальная реальность как никогда раньше может способствовать педагогам в гармоничном развитии и формировании личности современных молодых людей. И в данном случае встает вопрос: может ли виртуальная реальность, искусственный интеллект и другие появляющиеся технологии помочь сделать их более альтруистичными? В этом и заключается главная проблема конструктивного использования современных средств информационных технологий. Например, в компании «Google» теперь есть «лаборатория эмпатии», и как термин понятие «эмпатия» все более исследовалось в США в сети Интернет. Все чаще публикуются различные научные исследования по эмпатии. Исследователи S. Konrath, E. O'Brien, C. Hsing отмечают, что некоторые приматы демонстрируют примитивно выраженную эмпатию, а маленькие дети демонстрируют базовые уровни эмпатии. В данном случае они проводят исследования для того, чтобы дифференцировать переживания виртуальной реальности и измерить их влияние на отношение и поведение людей. Чтобы научить сопереживать, необходимо понять, какие именно механизмы лежат в основе данного процесса. Согласно научным работам S. Konrath, разработавшей игровое компьютерное приложение эмпатии для молодых людей «Случайное приложение доброты» (RAKi), состоящее из девяти мини-игр, призванных «отточить» навыки эмпатии у молодого человека: дать плачущему ребенку то, что ему нужно; помочь бабушке перейти дорогу; узнавать эмоции в выражениях лиц людей и др. Ее предварительное исследование показало, что подростки (возраст 10–17 лет), которые

играли с компьютерным приложением в течение двух месяцев, с большей вероятностью могли помочь человеку, оказавшемуся в трудной ситуации. И в этом аспекте приложение действительно может являться помощником для педагога в развитии личностной рефлексии и эмпатии [20].

Согласно исследованию E. Ogle, изучившей влияние иммерсивной виртуальной реальности на эмпатию в Лаборатории виртуального человеческого взаимодействия Стэнфордского университета в США, эмпатия как составляющая эмоционально-волевой сферы личности представляет собой «ощущение» того, что переживает другой человек, а когнитивная составляющая эмпатии раскрывает понимание сути, а не использование чьего-либо опыта. Согласно эксперименту, проведенному в лаборатории виртуальной реальности, она определила эмпатию как своеобразный «социальный клей», раскрывающий наиболее важные моменты жизнедеятельности индивидов [10].

Чтобы быть эффективными, информационные технологии должны соответствовать потребностям пользователей, согласно S. Godson, основателю отмеченного наградами безопасного приложения для социальных сетей, которое помогает подросткам справляться с определенными проблемами. Социальное объединение «MeeTwo» включает 7 000 обучающихся и работает на развитие эмпатии. Молодые люди сообщают о проблемах анонимно и, что особенно важно, поддерживают друг друга советами, сочувствием или пониманием. Таким образом, данное исследование показывает, что чем больше «человеческих» новых информационных технологий появляется и «звучит», тем честнее и надежнее их находят и используют [21].

Группа программистов под руководством D. Cassel смогла разработать программу искусственного интеллекта – «виртуальных детей». Так, одна более совершенная программа «Алекс» может наблюдать за поведением пользователя и реагировать на него. Это способствует формированию навыка лучшего понимания другого человека. Особо важную роль в данном случае играет мотивация при взаимодействии с персонажем виртуальной реальности, потому что растет влияние цифровой среды на

понимание не только других людей, но и собственной личности подростка.

Основатель и генеральный директор организации «Century Tech» P. Lakhani занимается разработкой технологии искусственного интеллекта в организации помощи учителям посредством когнитивной неврологии. В данном случае важная роль отводится моделированию различного рода ситуаций с учащимися и нахождение необходимой стратегии в достижении положительного результата и профилактики эмоционального выгорания педагога [22].

Личностная рефлексия и эмпатия играют очень значимую и важную роль в гармоничном развитии личности учащихся в условиях современного образовательного процесса. Информационные технологии, которые оказывают все большее влияние на подрастающее поколение, следует применять в педагогической деятельности таким образом, чтобы сформировать у учащегося потребность в личностном саморазвитии, понимании себя как субъекта этой деятельности, умения стать на место другого человека. Именно грамотно структурированная, организованная работа педагога с молодым человеком при помощи использования положительного потенциала из различных областей информационных технологий (конструктивные игровые приложения, познавательные и новостные интернет-сервисы, социальные сети, научная и дополнительная учебная литература) могут дать должный результат для эффективного развития личностной рефлексии и эмпатии.

Таким образом, современные информационные технологии педагоги могут потенциально использовать для развития личностной рефлексии и эмпатии в сочетании с активными видами деятельности, характерными для подросткового возраста. Для развития личностной рефлексии у молодых людей можно применять различные конструктивные почтовые, новостные, познавательно-образовательные, коммуникативные интернет-сервисы (mail.ru, gmail.com, rabler.com, BBS news, euronews.com, aif.ru, wikipedia.org, khanacademy.org, lektorium.tv, Viber, WhatsApp).

Обсуждение различных аспектов из данных интернет-сервисов должно происходить с учетом интересов и ценностей каждого учащегося для формирования от-

ветственного отношения, как к самому себе, так и ко всей окружающей действительности в целом, что является основой формирования личностной рефлексии. В свою очередь, обсуждение различных неоднозначных, трудных и противоречивых ситуаций из средств мультимедиа и конструктивных игровых приложений способно значительно развить эмпатию у подростков благодаря целенаправленной деятельности педагога в реалиях усиливающейся цифровизации белорусского общества.

Заключение

Проведенный теоретический анализ показывает, что проблема механизмов личностной рефлексии и эмпатии требует дальнейшего изучения в условиях возрастающей цифровизации общества. Сегодня, по научным данным исследователей в области социальных наук, среди подростков происходит постепенное снижение личностной рефлексии и эмпатии. Поэтому необходима специально разработанная педагогическая

программа для лучшего развития этих значимых качеств у современных молодых людей. В настоящее время актуальна стоит проблема недостаточного уважения со стороны современных учащихся друг к другу, а также в отношении педагогов. В то же время социальное взаимодействие в сети Интернет подразумевает обязательную вежливость и понимание другого человека, учет всех индивидуальных особенностей и свойств личности. В данном случае именно целенаправленно организованная деятельность в учреждениях образования позволит максимально использовать положительный потенциал цифровой среды для развития личностной рефлексии и эмпатии у подрастающего поколения.

Таким образом, в настоящее время имеется необходимость разработки и внедрения в образовательный процесс конструктивных цифровых и компьютерных программ, направленных на развитие личностной рефлексии и эмпатии, со стороны специалистов образовательного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – СПб. : Прайм–Еврознак, 2006. – 672 с.
2. Леонтьев, Д. А. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике / Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 110–135.
3. Карпов, А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А. В. Карпов // Психол. журн. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 45–57.
4. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2012. – 288 с.
5. Леонтьев, Д. А. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции [Электронный ресурс] / Д. А. Леонтьев, А. Ж. Аверина // Психол. исслед. – 2011. – № 2 (16). – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/463-leontiev-averina16.html>.
6. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. – М. : Когито-Центр, 2011. – 600 с.
7. Степанов, С. Ю. Психология рефлексии: проблемы и исследования / С. Ю. Степанов, И. Н. Семенов // Вопр. психологии. – 1985. – № 3. – С. 31–40.
8. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М. : Наука, 1987. – 240 с.
9. Троицкая, Е. А. Особенности разработки методики исследования структурных компонентов эмпатии / Е. А. Троицкая // Вестн. МГЛУ. – 2012. – № 7 (640). – С. 144–157.
10. Singer, T. Empathy and Compassion / T. Singer, O. M. Klimecki // Current Biology. – 2014. – № 24 (18). – P. 875–878.
11. Сопиков, А. П. Механизм эмпатии / А. П. Сопиков // Вопросы психологии познания людьми друг друга и самопознания. – Краснодар, 1977. – С. 89–95.
12. Басин, Е. Я. Творчество и эмпатия / Е. Я. Басин // Вопр. философии. – 1987. – № 2. – С. 54–66.
13. Сарджвеладзе, Н. И. О балансе проекции и интроекции в процессе эмпатического взаимодействия / Н. И. Сарджвеладзе // Бессознательное: природа, функции, методы, исследования. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – Т. 3 : Познание. Общение. Личность. – С. 485–489.

14. Ньюкомб, Н. Развитие личности ребенка / Н. Ньюкомб. – СПб. : Питер, 2002. – 639 с.
15. Троицкая, Е. А. Влияние условий раздельного обучения на развитие эмпатии у школьников подросткового и юношеского возраста : дис. ... канд. психол. наук / Е. А. Троицкая. – М., 2012. – 257 л.
16. Гаврилова, Т. П. Социальная децентрация и ее роль в развитии эмпатии / Т. П. Гаврилова // Теоретические и прикладные проблемы познания людьми друг друга. – Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1979. – С. 10–11.
17. Менджерицкая, Ю. А. Особенности эмпатии субъектов затрудненного и незатрудненного общения в ситуациях затрудненного взаимодействия : дис. ... канд. психол. наук / Ю. А. Менджерицкая. – Ростов н/Д, 1998. – 289 л.
18. Пашукова, Т. И. Механизмы и функции эмпатии / Т. И. Пашукова, Е. А. Троицкая // Вестн. МГЛУ. – 2010. – № 7 (586). – С. 197–209.
19. Троицкая, Е. А. Концепция эмпатии в зарубежной психологии конца XX – начала XXI века / Е. А. Троицкая // Вестн. МГЛУ. – 2011. – № 7 (613). – С. 52–64.
20. Konrath, S. H. Changes in dispositional empathy in American college students over time: a meta-analysis / S. H. Konrath, E. H. O'Brien, C. Hsing // Personality and Social Psychology Review. – 2011. – № 15 (2). – P. 180–198.
21. Shapiro, S. L. Effects of mindfulness-based stress reduction on medical and premedical students / S. L. Shapiro, G. E. Schwartz, G. Bonner // Journal of Behavioral Medicine. – 1998. – № 21 (6). – P. 581–599.
22. Wang, S. J. Mindfulness meditation: Its personal and professional impact on psychotherapists / S. J. Wang // Dissertation Abstracts International: Section B : Science and Engineering. – 2007. – № 67. – 412 p.

REFERENCES

1. Bol'shoj psikhologichieskij slovar' / pod ried. B. G. Mieshchieriakova, V. P. Zinchienko. – SPb. : Praim–Jevroznak, 2006. – 672 s.
2. Lieont'jev, D. A. Rieflieksija «khoroshajz» i «durnaja»: ot objasnitel'noj modeli k diffierencial'noj diagnostikie / D. A. Lieont'jev, Ye. N. Osin // Psikhologija. Zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki. – 2014. – T. 11, № 4. – S. 110–135.
3. Karpov, A. V. Rieflieksivnost' kak psikhichieskoje svojstvo i mietodika jejo diagnostiki / A. V. Karpov // Psichol. zhurn. – 2003. – T. 24, № 5. – S. 45–57.
4. Rubinshtejn, S. L. Bytije i soznanije / S. L. Rubinshtejn. – SPb. : Pitier, 2012. – 288 s.
5. Lieont'jev, D. A. Fienomien rieflieksii v kontiekstie probliemy samorieguliacii [Eliiektronnyj riesurs] / D. A. Lieont'jev, A. Zh. Avierina // Psichol. isslied. – 2011. – № 2 (16). – Riezhim dostupa: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/463-leontiev-averina16.html>.
6. Psikhologija obshchienija. Enciklopedichieskij slovar' / pod odshch. ried. A. A. Bodaliova. – M. : Kogito-Centr, 2011. – 600 s.
7. Stiepanov, S. Yu. Psikhologija rieflieksii: probliemy i issliedjvanija / S. Yu. Stiepanov, I. N. Siemionov // Vopr. psikhologija. – 1985. – № 3. – S. 31–40.
8. Tejar de Sharden, P. Fienomien chielovieka / P. Tejar de Sharden. – M. : Nauka, 1987. – 240 s.
9. Troickaja, Ye. A. Osobiennosti razrabotki mietodiki issliedovanija strukturnykh komponentov empatii / Ye. A. Troickaja // Viestn. MGLU. – 2012. – № 7 (640). – S. 144–157.
10. Singer, T. Empathy and Compassion / T. Singer, O. M. Klimecki // Current Biology. – 2014. – Nr 24 (18). – P. 875–878.
11. Sopikov, A. P. Miekhanizm empatii / A. P. Sopikov // Voprosy psikhologii poznanija liud'mi drug druga i samopoznanija. – Krasnodar, 1977. – S. 89–95.
12. Basin, Ye. Ya. Tvorchiestvo i empatija / Ye. Ya. Basin // Vopr. filosofii. – 1987. – № 2. – S. 54–66.
13. Sardzhvieladze, N. I. O balansie projekcii i introjekcii v processie empaticieskogo vzaimodiejstvija / N. I. Sardzhvieladze // Biessoznatiel'noje: priroda, funkcii, mietody, issliedovanija. – Tbilisi : Miecniжереба, 1978. – T. 3 : Poznanije. Obshchienije. Lichnost'. – S. 485–489.
14. N'jukomb, N. Razvitije lichnosti riebionka / N. N'jukomb. – SPb. : Pitier, 2002. – 639 s.

15. Troickaja, Ye. A. Vlijaniye uslovij razdiel'nogo obuchienija na razvitije empatii u shkol'nikov podrostkovogo i junosheskogo vozrasta : dis. ... kand. psikhol. nauk / Ye. A. Troickaja. – M., 2012. – 257 l.
16. Gavrilova, T. P. Social'naja decentracija i jejo rol' v razvitii empatii / T. P. Gavrilova // Tіeoriētichieskije i prikladnyje problemi poznanija liud'mi drug druga. – Krasnodar : Izd-vo Kuban. un-ta, 1979. – S. 10–11.
17. Miendzherickaja, Yu. A. Osobiennosti empatii subjektov zatrudnionnogo i niezatrudnionnogo obshchienija v situacijakh zatrudnionnogo vzaimidiejstvija : dis. ... kand. psikhol. nauk / Yu. A. Miendzherickaja. – Rostov n/D, 1998. – 289 l.
18. Pashukova, T. I. Miekhanizmy i funkcii empatii / T. I. Pashukova, Ye. A. Troickaja // Viestn. MGLU. – 2010. – № 7 (586). – S. 197–209.
19. Troickaja, Ye. A. koncepcija empatii v zarubieznoj psikhologii konca XX – nachala XXI vieka / Ye. A. Troickaja // Viestn. MGLU. – 2011. – № 7 (613). – S. 52–64.
20. Konrath, S. H. Changes in dispositional empathy in American college students over time: a meta-analysis / S. H. Konrath, E. H. O'Brien, C. Hsing // Personality and Social Psychology Review. – 2011. – № 15 (2). – P. 180–198.
21. Shapiro, S. L. Effects of mindfulness-based stress reduction on medical and premedical students / S. L. Shapiro, G. E. Schwartz, G. Bonner // Journal of Behavioral Medicine. – 1998. – № 21 (6). – P. 581–599.
22. Wang, S. J. Mindfulness meditation: Its personal and professional impact on psychotherapists / S. J. Wang // Dissertation Abstracts International: Section B : Science and Engineering. – 2007. – № 67. – 412 p.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.06.2021

ПАЛІТАЛОГІЯ

УДК 32.019.5

Владислав Олегович Калишук

аспирант 2-го года обучения каф. политологии

Белорусского государственного университета

Vladislav Kalishuk

Post-graduate the 2nd at the Department of Political Science

at the Belarusian State University

e-mail: rristar@mail.ru

НЕДОСТОВЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

На основе анализа современной научной литературы предпринята попытка комплексного анализа методов и технологий противодействия распространению дезинформации в информационном поле. Для достижения цели работы были выявлены наиболее распространенные виды недостоверной информации – фейковые новости (и их подвиды) и дипфейки. Предложена классификация конкретных способов противодействия недостоверной информации в зависимости от видовой принадлежности. Сделан вывод о том, что современные методы противодействия находятся на начальном этапе своего технологического развития, а для стимулирования их дальнейшего совершенствования требуется участие государства в форме комплексного правового регламентирования правоотношений, возникающих в результате распространения недостоверной информации, и финансирования.

Ключевые слова: *фейки, недостоверная информация, противодействие, методы, технологии.*

Unreliable Information in Political Communication: Methods and Technologies of Counteraction

In the article, based on the analysis of modern scientific literature, an attempt was made to comprehensively analyze the methods and technologies for countering the spread of disinformation in the information field. To achieve the goal of the work, the most common types of inaccurate information were identified: fake news (as well as their subtypes) and deepfakes. A classification of specific methods of counteracting inaccurate information, depending on the species, was proposed. It was concluded that modern methods of counteraction are at the initial stage of their technological development, and to stimulate their further improvement, the participation of the state is required in the form of a comprehensive legal regulation of legal relations arising from the dissemination of inaccurate information and funding.

Key words: *fakes, false information, counteraction, methods, technologies.*

Введение

Роль информационных технологий в мире продолжает расти. Они активно включаются практически во все сферы деятельности личности и общества. Так, например, по данным Internet World Stats за декабрь 2019 г., количество пользователей Интернета в мире составило 4,5 млрд человек [1], т. е. около 59 % населения всей планеты, а по информации Digital 2020 – We are social за январь 2020 г., число активных пользователей социальных медиа насчитывало 3,8 млрд человек, т. е. около 49 % населения

Земли [2]. Информационные технологии внедряются в государственное управление, что проявляется в развитии «электронного правительства» по всему миру [3] и стремлении государственных органов включаться в процесс коммуникации на базе социальных медиа.

Растет значение информации как таковой. Защищенность, скорость распространения и достоверность становятся важнейшими ее характеристиками. Изучение каждой из этих характеристик имеет огромное значение, однако, по нашему мнению, особую актуальность представляет проблема достоверности информации, т. к. с распространением Интернета и особенно социальных медиа, количество фейковой информации значительно увеличилось, как и разме-

---

Научный руководитель – О. Е. Побережная, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

ры реального и потенциального ущерба от ее распространения. Специалисты из Балтиморского университета и компании CNEQ оценивают «стоимость» фейковых новостей в 2019 г. в 78 млрд долл., а прогнозируемый ущерб, который будет причинен их распространением составит около 9 млрд долл. в области здравоохранения, 17 млрд долл. из-за финансовой дезинформации, 9 млрд долл. вследствие имиджевых потерь, 3 млрд долл. по причине трат на обеспечение безопасности и 400 млн долл. из-за распространения фейковой информации в области политики [4].

Существует масса видов и форм фейковой информации: слухи, мисинформация, дезинформация и т. д. Однако наибольшие опасения у специалистов в области информационной безопасности вызывают фейковые новости и дипфейки (более подробно их сущность будет раскрыта ниже). Опасность конкретно этих видов недостоверной информации обусловлена в первую очередь их широчайшим деструктивным потенциалом. В частности, они могут применяться для следующих целей: воздействие на избирательные кампании, разжигание ненависти между этнонациональными группами, стимулирование межгосударственных конфликтов. Вместе с тем это далеко не все варианты использования данных видов фейковой информации. Более того, эти технологии активно используются на практике. Например, во время предвыборной кампании США Дональда Трампа вирусные фейковые новости привлекали на Facebook больше внимания, чем реальные новости [5, с. 100], а в создании фейковых новостей и со стороны Д. Трампа, и со стороны Х. Клинтон принимали участие около 19 млн ботов [6].

Данная проблема актуальна и для Республики Беларусь, т. к. около 74 % населения страны являются пользователями Интернета, а около 40 % – активные пользователи социальных медиа. Страна занимает 33 место в рейтинге «электронного участия» [3]. Беларусь является активным участником глобального информационного пространства, однако при этом находится в сфере влияния информационных полей Российской Федерации. В информационном пространстве Республики транслируется

огромное количество разноплановой информации из различных источников.

В связи с этим возникает необходимость разработки методов выявления и противодействия фейковым новостям и дипфейкам. В отечественной и российской научной литературе данная проблема освещается достаточно скудно, хотя и отмечается ее актуальность. Ключевым прикладным исследованием, предлагающим конкретную методику выявления фейковых новостей, является работа специалистов из Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики А. О. Третьяковой, О. Г. Филатова, Д. В. Жука, Н. Н. Горлушкина, А. А. Пучковской «Метод определения русскоязычных фейковых новостей с использованием элементов искусственного интеллекта» [5]. В зарубежной научной литературе данная тематика значительно более проработана, однако конкретных универсальных и эффективных прикладных методик противодействия дипфейкам на сегодняшний день предложено не было. В основном ученые акцентируют внимание на разработке базовых принципов выявления фейковых новостей и дипфейков, пытаются создать некую основу для дальнейших исследований и методик.

В данной статье мы попытаемся описать, систематизировать существующий прикладной опыт. Таким образом, цель статьи – проанализировать основные методы и технологии борьбы с недостоверной информацией в политической коммуникации и предложить рекомендации по совершенствованию системы противодействия ее распространению. Объект исследования – недостоверная информация в политической коммуникации, предмет исследования – методы и технологии борьбы с недостоверной информацией.

Основная часть

Проблема распространения недостоверной информации не нова и, вероятно, существовала на протяжении практически всего развития человечества. Первые упоминания о намеренном распространении фейковых новостей относятся к XII–XIII вв. и связываются с завоеваниями Чингисахана. Дипфейки – это новейшая технология на

пике научно-технического прогресса, которая появилась только в 2017 г. [5, с. 100].

В качестве причин стремительного распространения фейковых новостей и дипфейков можно указать следующие:

1) широкое внедрение социальных медиа; они охватывают огромные аудитории по всему миру, являются одним из основных источников получения информации об окружающей действительности и позволяют без серьезных материальных затрат распространять информацию;

2) заинтересованность субъектов политического процесса и бизнеса в распространении фейковой информации, вытекающая из высокой степени окупаемости технологий распространения фейковой информации (в особенности фейковых новостей).

Вместе с тем следует отметить, что фейковые новости и дипфейки можно использовать в конструктивном ключе – для создания развлекательного контента и в медицинских целях.

Определимся с дефинициями. Трактовок термина «фейковые новости» довольно много, однако общепризнанным в Западной и отечественной литературе является понятие, предложенное Европейской комиссией и предполагающее два подхода к определению сущности «фейкньюз»: широкий (новости, охватывающие весь спектр недостоверной информации) и узкий (новости, содержащие недостоверную информацию, заложенную в них умышленно) [7, с. 3–4; 5, с. 100]. Дипфейки (deepfakes) – это технология создания медиаконтента, базирующаяся на «глубоком машинном обучении» и позволяющая синтезировать гиперреалистичные изображения, как правило, путем накладывания изображения одного человека на видео и/или фото с изображением другого человека [8, с. 1].

Теперь необходимо определить место фейковых новостей и дипфейков в структуре видов недостоверной информации. Как считают американские специалисты в области информационной безопасности Ксинь Жоу и Резы Зафарани, в зависимости от закладываемого в фейковые новости смысла можно выделить фейковые новости негативного характера и фейковые новости без ярко выраженного негативного характера [7, с. 4]. К фейковым новостям негативного характера относятся злонамеренные фейко-

вые новости и дезинформация. К фейковым новостям без ярко выраженного негативного характера относятся сатирические новости. На наш взгляд, можно дополнительно выделить фейковые новости с неизвестным характером интенции: ошибочные (ложные) новости, мисинформацию и слухи.

Таким образом, мисинформация, слухи, сатирические новости – это одновременно виды недостоверной информации и инструменты создания фейковых новостей (в зависимости от способа их применения). Например, слух может распространяться среди населения, а затем использоваться в качестве основы для создания фейковой новости или быть включен в ее структуру. По нашему мнению, дипфейки являются высокотехнологичным видом недостоверной информации и, как правило, выступают в качестве инструмента создания фейковых новостей.

Более того, в позиции К. Жоу и Р. Зафарани есть неточность: не указывается место (где, в чем?) дипфейков, столь распространившихся на сегодняшний день. Следуя логике К. Жоу и Р. Зафарани, можно выделить следующие виды фейковых новостей на базе интенции их создателя: злонамеренные фейковые новости и случайные фейковые новости, а также сатирические фейковые новости. Наибольшую угрозу представляют злонамеренные фейковые новости, однако нельзя не учитывать и случайные фейковые новости, которые не только доносят в фоновом режиме до потребителей новостей недостоверную информацию, но и могут создавать эффект «волны», тем самым усиливая негативное воздействие первого вида фейковых новостей.

В свою очередь дипфейки бывают следующих видов: фейковые видео, фейковые аудио (относительно новый вид) и фейковые изображения.

Перейдем к обзору методов выявления фейковой информации. Можно выделить три базовых подхода к выявлению *фейковых новостей* [7, с. 4; 6]:

- 1) анализ знаний (смысла текста);
- 2) анализ стиля написания текста;
- 3) анализ способов распространения.

Подход к выявлению фейковых новостей, основанный на анализе смысла текста. В основе данного подхода лежит т. н. метод проверки фактов/факт-чекинга.

Проверка фактов направлена на оценку достоверности новостей путем сравнения информации, извлеченной из подлежащего проверке новостного контента (например, утверждений или заявлений), с общеизвестными фактами (т. е. истинными знаниями) [7, с. 7; 6].

Существует два вида факт-чекинга – *ручной и автоматический*. Массовое применение ручного факт-чекинга не является эффективным, хотя и дает более качественные результаты. Стоит отметить, что ручная проверка фактов может быть включена в автоматическую. Ручной факт-чекинг можно разделить на экспертный и краудсорсинговый.

Экспертный ручной факт-чекинг опирается на экспертов (факт-чекеров), которые действуют в малых группах. В качестве плюсов применения данной методики можно отметить хорошую управляемость и точные результаты. В качестве минусов – стоимость и плохую масштабируемость (речь идет об увеличении объемов данных). Как правило, данный вид проверки фактов осуществляется на базе различных экспертных интернет-платформ: PolitiFact, The Washington Post Fact Checker, FactCheck, Snopes, TruthOrFiction, FullFact и т. д. [7, с. 7–8; 6].

Краудсорсинговый факт-чекинг нацелен на проверку данных обычными людьми, которые выступают в качестве экспертов. Основным его плюсом является широкая масштабируемость. В качестве основных минусов можно выделить низкую точность и необходимость дополнительной обработки результатов проверки (устранение противоречий в заключениях, выявление предвзятости), низкая управляемость. Данный вид ручного факт-чекинга не распространен. В качестве примера платформы, осуществляющей данный вид проверки, можно указать Fiskkit. Ключевыми проблемами данного вида факт-чекинга как технологии выявления и противодействия фейковой информации в целом и фейковым новостям в частности являются:

1) уязвимость к атакам ботов (исходя из сущности данного метода платформа должна обеспечивать свободный доступ к инструментарию широкому кругу пользователей),

2) скорость выявления фейков даже потенциально большим количеством поль-

зователей (каким, например, располагает Wikipedia) не сможет соответствовать скорости генерации фейковых новостей, например, нейросетями.

Хотя специалисты в области информационной безопасности прогнозируют дальнейшее развитие данного метода на базе крупных корпораций, таких как Google, Facebook, Twitter, применение этой технологии, по нашему мнению, возможно только на данном временном промежутке, т. к. в дальнейшем указанные нами проблемы только усугубятся и эффективное применение факт-чекинга на базе краудфайдинга станет возможным только в комплексе с другими мерами.

Автоматический факт-чекинг. Ключевым преимуществом данного метода является то, что он решает проблему масштабируемости, т. к. в гораздо меньшей степени ограничивается объемом обрабатываемой информации. Основным его недостатком выступает низкий уровень точности результатов. Автоматический факт-чекинг базируется на информационном поиске и обработке естественного языка. В рамках данного метода под «знанием» понимаются «тройки» (наборы данных о субъекте, предикате и объекте), которые извлекаются из обрабатываемой информации. Тройки представляются в виде «графа знаний», т. е. как информационный блок, содержащий заголовок, описание страницы и/или дополнительную информацию. Субъект и объект в рамках троек являются «сущностями», это значит обладают определенным состоянием и поведением, имеют определенные свойства (атрибуты), и операции над ними (методы) представлены в виде узлов. В свою очередь, предикаты представляют собой наборы ребер и представлены в виде отношений. Процесс автоматической проверки фактов может быть разделен на два этапа: извлечение фактов (построение базы знаний) и проверка фактов (сравнение знаний). В рамках первого этапа производится сбор т. н. «диких данных» (сбор необработанных данных в виде текста, табличных данных, структурированных страниц и постов реальных людей, которые содержат реляционную информацию и могут быть использованы для извлечения знаний различными экстракторами). Сбор данных может производиться из одного достоверного источника

(при этом снижается охват и полнота извлекаемых знаний) или из множества открытых источников (при этом снижается качество извлекаемых знаний, т. к. объединяются различные источники с разнородной информацией). После извлечения фактов производится их обработка путем выполнения следующих задач [7, с. 11]:

1. Дедупликация, т. е. выявление всех упоминаний, которые относятся к одному и тому же объекту в базе знаний (или в нескольких базах знаний). В основном проверка фактов связана с отношением реляционных объектов и требует дорогостоящих парных вычислений подобия. Как правило, для решения данной задачи используются методы индексации.

2. Слияние знаний с целью обработки противоречивых данных. Зачастую для решения этой задачи для фактов устанавливается система поддерживающих (опорных) ценностей-маркеров либо используются методы машинного обучения.

3. Регистрация времени с целью удаления устаревших знаний. Для этого в основном используется тип составного значения (Compound Value Type). Стоит отметить важность данной задачи, т. к. своевременность – это одна из основополагающих характеристик, определяющих эффективность метода выявления фейковых новостей, однако при этом конкретных разработок в этом направлении довольно мало.

4. Оценка достоверности. Она базируется на контролируемом обучении и статистических выводах.

5. Установление связей между извлекаемыми фактами с целью выявления новых фактов. Для решения данной задачи используются следующие методы:

1) модели скрытых признаков (предполагается, что существование троек базы знаний является условно независимым, учитываются скрытые особенности и параметры),

2) модели признаков графов (предполагается, что существование троек является условно независимым),

3) модели случайного поля (предполагается, что существующие тройки имеют локальные взаимодействия).

После выполнения перечисленных выше задач на основе полученных «очищенных» знаний формируется база знаний.

Этап сравнения фактов заключается в сравнении извлеченных из проверяемого новостного содержимого (из троек) фактов с фактами, хранящимися в построенной или существующей базе знаний или графе знаний с истинным знанием. Как правило, стратегия проверки фактов для тройки заключается в оценке возможности существования ребер с меткой «предикат» от узла с меткой «субъект» до узла, представляющего объект в графе знаний [7, с. 11].

Таким образом, автоматический факт-чекинг является довольно перспективным, хотя и обладает рядом проблем и требует усовершенствования в части повышения скорости проверки новостей. В данном случае наиболее эффективным решением видится формирование динамических баз знаний. Важна так же и проблема точности получаемых результатов. Одним из возможных вариантов повышения качества результатов автоматического факт-чекинга может выступить его комбинирование с ручным краудфандинговым факт-чекингом или с ручным экспертным факт-чекингом в особо сложных случаях, т. е. путем создания своего рода второго уровня проверки. В целом это может позволить повысить уровень точности и сохранить приемлемый уровень оперативности (хотя и недостаточный с учетом повышения скорости распространения информации в целом и недостоверной информации в частности).

Подход к выявлению фейковых новостей, основанный на стиле. Исследования на основе стиля нацелены на оценку *интенции*, заложенной в содержании новостей, а именно в определении, есть ли намерение ввести потребителей контента в заблуждение. Разработки в области обнаружения фейковых новостей на основе стиля находятся на ранней стадии своего развития.

Общая стратегия обнаружения обмана на основе стилей заключается в использовании вектора признаков, представляющего стиль содержимого данной информации в рамках машинного обучения, для прогнозирования того, является ли информация недостоверной (т. е. проблемой классификации) и насколько она недостоверна (проблема регрессии). Ключевым отличием классификации от регрессии является выполняемая ими задача: задача классификации – получение категориального ответа на

основе набора признаков, а задача регрессии – это прогноз на основе выборки объектов с различными признаками. До настоящего времени в большинстве исследований использовались методики обучения «под наблюдением»: формировался набор признаков с соответствующими метками (ложный против правдивого).

В целом данная стратегия полностью применима к выявлению фейковых новостей на основе стиля. Однако необходимо учитывать, во-первых, размытость тематики фейковых новостей (экономика, политика, образование и т. д.) порождает необходимость междоменного, межъязыкового или межпредметного анализа, а во-вторых, высокая степень латентности и необходимость разработки более тонких маркеров.

Стоит отметить и значимость дополнения контролируемого обучения полуправляемым обучением, т. к.

а) количество и размер доступных наборов данных, содержащих помеченные (поддельные и оригинальные) новостные статьи, ограничены,

б) трудно создать некий набор данных «золотого стандарта»,

в) ручная маркировка практически не масштабируется.

Можно резюмировать, что основной проблемой данного подхода к определению фейковых новостей является неуниверсальность классификаторов. В качестве основного плюса стоит указать потенциальную возможность выявления злонамеренных фейковых новостей. В целом данная методика хорошо дополняет подход, базирующийся на знаниях, и его можно использовать, например, в качестве третьего уровня проверки информации, если брать за основу автоматизированный факт-чекинг.

Более того, потенциал у данного способа гораздо выше, чем у ручного факт-чекинга, т. к. проблема масштабируемости последнего фактически является нерешаемой. На наш взгляд, если в рамках стилистического подхода будет достигнут уровень точности, сравнимый с ручными видами факт-чекинга, то путем комбинации стилистического подхода и автоматического факт-чекинга появится возможность в значительной степени нивелировать проблемы точности и своевременности последнего.

Подход к выявлению фейковых новостей, основанный на анализе способов распространения информации. Данный подход акцентирует внимание на механизме распространения фейковых новостей. Допустимо выделить два типа методов: каскадные и сетевые [7, с. 22].

Под каскадом фейковых новостей понимается древо, или древовидная структура, иллюстрирующая распространение определенной фейковой новостной статьи в социальной сети пользователей. «Корневой» узел каскада представляет пользователя, который первым опубликовал фейковые новости. Другие узлы в каскаде представляют пользователей, которые опубликовали новость после ее публикации «родительскими» узлами, к которым они подключены через «ветви». Каскад может быть представлен с позиции количества шагов (т. е. скачков), которые прошли фейковые новости (каскад на основе «прыжка»), или времени, когда они были опубликованы (временной каскад). Каскадные методы подразделяются на два вида: 1) основанные на выявлении каскадного сходства (сравнение каскадов с использованием ядер графов) и 2) основанный на каскадном представлении (поиск информативных представлений, которые могут быть использованы как функции в контролируемой структуре обучения) (данный метод не является автоматическим). Как альтернатива: можно проводить репрезентативное обучение, которое часто достигается посредством глубокого обучения [9, с. 22–23].

Сетевые методы выявления фейковых новостей направлены на создание гибких сетей трех видов: однородных, гетерогенных, иерархических.

Однородные сети – это сети, содержащие один тип узла и один тип ребра. Типичная однородная сеть – это сеть позиций, где узлами являются посты, связанные с новостями пользователей, а ребра представляют поддерживающие или противоположные отношения между каждой парой постов [9, с. 24]. Выявление фейковых новостей в рамках данного метода сводится к оценке достоверности сообщений, связанных с новостями, которые в дальнейшем могут рассматриваться как проблема оптимизации графов.

Гетерогенныя сеткі маюць некалькі тыпаў узлоў або ребэр. Для такой сеткі існуе гібридная структура з трма асноўнымі кампанентамі: внедрэнне і прадставленне сутнасцей, мадэліраванне адношэнняў і навучэнне пад назіраннем. У іерархічных сетках розныя тыпы узлоў і ребэр утвараюць адношэнні «набор – падмножства» (г. е. іерархію). У такіх сетках праверка навістак таксама пераўтвараецца ў задачу аптымізацыі графаў [9, с. 24].

Асноўнымі праблемамі падыхода ў цэлым з'яўляюцца адсутнасць аўтаматызаваннасці большасці метадаў (проблема маштабаванасці і савеснасці), а таксама складанасць разгранаічвання злонамераных і слукайных відаў фэйкавых навістак. Першая праблема патаенціальна можа быць рашана пры іспалзуванні, напрыклад, глыбокага навучэння. Другая праблема можа быць рашана шляхам камбінавання апісываемага падыхода з падыходам выяўлення фэйкавых навістак, аснованым на стыле. Аднак даний падыход з'яўляецца даволна эфектыўным, г. к. выяўленне стварацеляў фэйкаў і далейшая іх блукаіровка або фарміраванне баз «недастовеірых» аўтараў, рэсурсаў і г. д. пазваляюць устанаіваць праблема ў зародышы. Крытэіем апраделення эфектыўнасці прымянення даннага падыхода ў будучым станае возмажнасць яго аўтаматызацыі.

Метады выяўлення дупфэйкаў. Для выяўлення дупфэйкаў возмажна прымяненне ачаь шырокага круга междисциплинарных метадаў. Аўстралійскія спеціалісты Т. Т. Нгуен, К. М. Нгуен, Д. Т. Нгуен і С. Нахаванді раздзілі все ізвестныя на даний момант метады выяўлення дупфэйкаў ў залежнасці ад абласці прымянення, г. е. на метады выяўлення дупфэйкаў відео, метады выяўлення дупфэйкаў ізабражэнняў і камбінаваныя метады [8, с. 12].

Метады выяўлення дупфэйкаў відео:

1. Праверка «моргання». Іспалзуюцца дагласрочныя рекуррентныя сверточныя сеткі, чабы ўзнаць часовыя схемы моргання глаў. Як правіла, частота моргання ў дупфэйках намнаа меншы, чым у рэальных людзей.

2. Іспалзуванне прастраенна-часовых функцый. Часовыя расхождення междо кадрамі ісследуюцца з іспалзуваннем рекурсівных кортикальных сетак,

каторыя аб'яднаюць сверточную сетку DenseNet і стробіраваныя рекуррентныя элементарныя ячэйкі.

3. Іспалзуванне внутрыкадровых і часовых несаотваствій. У рамках даннага метада сверточныя нейронныя сеткі прымяняюцца для ізвлечэння характэрыстык урванья кадра, каторыя распрастраюцца ў даглай краткасрочнай памяці для ствараення дэскрыптора пасладовацельнасці.

4. Іспалзуванне артефактаў на ізабражэнні лца. Артефакты абнаіружываюцца з іспалзуваннем маделей сверточных нейронных сетак (у частанасці, VGG16, ResNet50 (101 або 152)), аснованых на выяўленні несаотваствій разрэшенія іскривленнага абласці лца і акружаючага абласці.

5. Праект «MesoNet» – дзве глыбокія сеткі (Meso-4 і MesoInception-4), прадставленыя для ізучэння дупфэйкаў урване мезаскапіческага аналіза. Точнасць, палученная для набораў данных DeepFake і FaceForensics, раўна 98 %.

6. Іспалзуванне разліччяў ў тэктуре лца, адсутвуючых атражэнняў і дэталей ў абласці глаў і зуваў. Логістэчаская рэгрэсія і нейронная сетка іспалзуюцца для класфікацыі.

7. Аналіз дыаграмм шума свечочувствітельных датчыкаў цыфравых камер, паявляючыхся із-за іх заводскых дэфектаў, а іменна сраваенне на прадмет разліччя ў шаблонах междо подлінным і фэйкавымі відео [8, с. 12–13]:

Метады выяўлення дупфэйкаў ізабражэнняў:

1. Прадварітельная апработка ў сааааніі с глыбокай сеткай, каторая прадпалагае мадыфікацыю абаащаючага спасабнасці маделей для абнаіружэння ізабражэнняў, сгенеріраваных генератывна-састызательнагай сеткай шляхам удалення нызкоурваневых функцый фэйкавых ізабражэнняў чэрез поіск схоства урваней пікселяў междо фэйкавымі і рэальнымі ізабражэннямі.

2. Ізвлечэнне дыскрымінантных функцый, іспалзуя метод «мешкаў слоў», іх апработка методом апарных вектараў, «случайным» або многаслоным персептраном для двочыной класфікацыі: арыгінал – паделка.

3. «Парное обучение». Предполагает двухфазную процедуру: извлечение признаков с использованием «общей сети фейковых особенностей» на основе архитектуры сямской сети и классификацию с использованием сверточных нейронных сетей [8, с. 13].

Комбинированные методы:

1. Метод анализа позы головы. Он основан на извлечении особенностей дипфейков путем использования 68 ориентиров области лица. Извлеченные функции классифицируются методом опорных векторов.

2. «Капсульная криминалистика». Признаки, извлеченные сверточной нейронной сетью VGG-19, поступают в капсульную сеть для классификации. Алгоритм динамической маршрутизации используется для маршрутизации выходов трех сверточных капсул в две выходные капсулы (одну для поддельных, а другую – для реальных изображений) через ряд итераций [8, с. 12].

По мнению норвежских специалистов в области информационной безопасности А. Ходабахса, Киран Б. Раджа, Р. Рагхавендра, из всего многообразия методов выявления дипфейков наиболее эффективными методами являются:

1) метод на основе текстур (локальных двоичных шаблонов),

2) методы на основе сверточных нейронных сетей, т. е. CNN (AlexNet, VGG19, ResNet50, Xception, GoogLeNet/InceptionV3) [10, с. 3]. Более того, вышеназванные ученые протестировали данные методы на сформированной ими же базе данных «Fake Faces in the Wild» и отметили, что как текстовые дескрипторы, так и методы глубокого обучения на данном этапе своего развития не способны решить проблему выявления дипфейков. Основная причина этого заключается в неприменимости классификаторов к разным наборам данных, что порождает большое количество неточных данных. Предлагается дополнительно тестировать все разработки в области выявления дипфейков по нескольким наборам данных. Перспективными видятся дальнейшие исследования и внедрение мультимодальных сигналов [10, с. 6].

Главной особенностью методов выявления дипфейков является практически полная автоматизированность всех методик. Стоит отметить и невозможность примене-

ния человеческого ресурса в дополнительной обработке результатов проверок, потому что с уже достигнутым качеством дипфейков вероятность распознавания дипфейка человеком находится на грани случайности.

Заключение

Таким образом, можно указать следующие проблемы, которые существуют на данный момент в области выявления фейковых новостей и дипфейков.

Во-первых, эффективность существующих технологий выявления недостоверной информации в целом довольно низкая. Отсутствуют технологии, которые позволяют идентифицировать фейковую информацию даже с удовлетворительным уровнем точности. В целом противостояние методов противодействия и создания фейковой информации напоминает противостояние снаряда и брони. Стоит отметить, что первые в значительной степени опережают последних (особенно это касается дипфейков). Развитие технологий их создания значительно опережает методы их выявления. При этом можно констатировать, что методы выявления фейковой информации находятся на начальном этапе своего развития и в целом развиваются недостаточно быстро в отличие от методов их создания и распространения. На наш взгляд, это обосновано высоким уровнем монетизации технологий создания фейковой информации, т. к. ими заинтересованы обычные граждане, бизнес-структуры и даже субъекты политического процесса. В то же время заинтересованность в разработке методов выявления и противодействия фейковой информации только начинает расти. Усугубляет ситуацию и то, что большинство перспективных методик противодействия находится в общем доступе и подробно описано, что дает преимущества лицам, заинтересованным в разработке методов распространения фейков.

Во-вторых, существует системная проблема неуниверсальности методов обнаружения как фейковых новостей, так и дипфейков, т. е. конкретные методы могут продемонстрировать высокую точность для одного набора данных и низкую для другого. При этом разработчики зачастую игнорируют этот факт и отмечают высокую эффективность своих методик, проводя проверку только на одном-двух наборах данных.

В качестве перспективных направлений развития и совершенствования методов выявления фейковых новостей и дипфейков можно указать:

1) создание комплексных систем выявления недостоверной информации, базирующихся на комбинировании различных технологий;

2) увеличение уровня автоматизации с целью повышения уровня масштабируемости и своевременности.

Проблема распространения фейковой информации будет только нарастать, а актуальность разработки методов ее выявления повышаться. Как уже было отмечено, системы борьбы с фейками развиваются достаточно медленно. В связи с этим возникает необходимость стимулирования данного процесса уже сейчас, чтобы в дальнейшем нивелировать возможные негативные последствия. Ключевую роль в этом может сыграть государство, в первую очередь, через создание правовой основы для создания эффективной системы выявления и противодействия распространению недостоверной информации. Именно нормативное регулирование (в части определения дефиниций, направлений противодействия, установления уголовно-административной ответственности) должно выступить в качестве первого шага на пути создания конкретных технологических решений.

Базируясь на исследовании российского юриста, директора Глобального центра правовых исследований П. Ровдика «Инициативы по борьбе с поддельными новостями в выбранной стране», в котором были сравнены подходы к правовому регулированию фейковых новостей в 15 странах, можно сделать вывод, что на данный момент мировое сообщество только приходит к осознанию потенциальной опасности данного явления, т. к. в большинстве стран фейковые новости в контексте права находятся только на стадии концептуализации [11].

Условно можно выделить два подхода к регулированию какого-либо потенциально опасного явления: либо через включение его в существующую правовую систему (например, в Уголовный кодекс; в большинстве случаев этого оказывается достаточно), либо через принятие специальных нормативных актов и параллельную

имплементацию в существующее законодательство.

Как показывает опыт Великобритании, Бразилии, Канады, Франции, Японии и Никарагуа, недостаточно простого включения дефиниции фейковых новостей в существующее законодательство или простой криминализации их создания и распространения [11, с. 7, 11, 29, 52, 78, 100]. Необходимо разрабатывать и внедрять комплексную систему правового регулирования проблемы распространения фейковой информации через принятие специального законодательства. Однако, базируясь на опыте, например, Израиля и Кении, имеет смысл сделать акцент на максимальной однозначности и точности применяемой терминологии, т. к. субъектами распространения фейковых новостей может выступать невероятно широкий спектр физических и юридических лиц. Помимо этого, из-за распространенности случайной фейковой информации особые сложности могут появиться в квалификации субъективной стороны правонарушений в рамках как уголовного, так и административного права или даже в рамках обоснования вины субъекта как условия возникновения гражданско-правовой ответственности.

На наш взгляд, в развитие статей 33 и 34 Конституции Республики Беларусь [12], а также п. 34 Концепции национальной безопасности [13] допустимо:

1) выделить в отдельное направление противодействие распространению фейковой информации в рамках Концепции информационной безопасности [14];

2) разработать и принять Закон «О противодействии распространению недостоверной информации», который определит понятие и конкретные виды недостоверной информации, а также предусмотрит перечень органов, которые будут ответственны за организацию системы противодействия и мониторинга распространения недостоверной информации;

3) включить в Уголовный и Административный кодексы статьи, предусматривающие ответственность за распространение недостоверной информации.

Наиболее эффективно будет создать Департамент по противодействию распространению недостоверной информации при Министерстве внутренних дел Республики

Беларусь. Это обусловлено в первую очередь тем, что МВД обладает необходимым кадрово-материальным ресурсом для достижения данной цели, а ряд его структурных

подразделений на данный момент выполняет функции схожие с теми, которые будет выполнять создаваемый Департамент.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Internet world stats [Electronic resource] // Internetworldstats.com. – Mode of access: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>. – Date of access: 18.09.2021.
2. Digital 2020 – We are social [Electronic resource] // Wearesocial.com. – Mode of access : <https://wearesocial.com/digital-2020>. – Date of access: 18.09.2021.
3. Rejting stran mira po urovniu razvitija eliektronnogo pravitiel'stva [Elektronnyj riesurs] // gtmarket.ru. – Riezhim dostupa: <https://gtmarket.ru/ratings/e-government-survey/info>. – Data dostupa: 16.09.2021.
4. Study Finds' Fake News' Has Real Cost: \$78 Billion [Electronic resource] // Mediapost.com. – Mode of access: <https://www.mediapost.com/publications/article/343603/study-finds-fake-news-has-real-cost-78-billion.html>. – Date of access: 20.09.2021.
5. Mietod opriedielienija ruskozazychnykh fejkovykh novostiej s ispol'zovanijem eliemientov iskusstviennogo intielliekta / A. O. Triet'jakov [i dr.] // International Journal of Open Information Technologies. – 2018. – № 8. – S. 99–105.
6. Aldwairi, M. Detecting fake news in social media networks / M. Aldwairi, A. Aldwairi // Conference: The 9th International Conference on Emerging Ubiquitous Systems and Pervasive Networks (EUSPN 2018). – Leuven (Belgium), 2018.
7. Zhou, X. Fake news: a survey of research, detection methods, and opportunities [Electronic resource] / X. Zhou, R. Zafarani // Researchgate.net. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/329388190_Fake_News_A_Survey_of_Research_Detection_Methods_and_Opportunities. – Date of access: 20.09.2021.
8. Deep learning for deepfakes creation and detection [Electronic resource] / T. N. Thanh [et al.] // researchgate.net. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/336055871_Deep_Learning_for_Deepfakes_Creation_and_Detection. – Date of access: 20.09.2021.
9. Twitter nachinajet markirovat' i udaliat' fejkovyje foto i vidieo s 5 marta [Elektronnyj riesurs] // Esquire.ru. – Riezhim dostupa: <https://esquire.ru/articles/154513-twitter-nachnet-markirovat-i-udalyat-fejkovyje-foto-i-video-c-5-marta/>. – Data dostupa: 20.03.2021.
10. Fake Face Detection methods: can they be generalized? / A. Khodabakhsh [et al.] // Conference: Bio-Sig. – Darmstadt(Germany), 2018.
11. Roudik, P. Initiatives to Counter Fake News in Selected Countries [Electronic resource] / P. Roudik. – Mode of access: <https://www.loc.gov/law/help/fake-news/counter-fake-news.pdf>. – Date of access: 20.09.2021.
12. Konstitucija Riespubliki Bielarus' 1994 goda : s izm. i dop., priniatymi na riesp. riefierien-dumakh 24 nojab. 1996 g. i 17 okt. 2004 g. – Minsk : Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – 2014. – 62 s.
13. Koncepcija nacional'noj biezopasnosti Riespubliki Bielarus', utv. Ukazom Priezidenta Riespubliki Bielarus' ot 9 nojab. 2010 g. 575 [Elektronnyj riesurs] // Konsul'tantPlius. Bielarus' / ООО «YurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2021.
14. Koncepcija informacionnoj biezopasnosti Riespubliki Bielarus', utv., Sovietom Biezopasnosti Riesp. Bielarus' ot 18 marta 2019 g. № 1 [Elektronnyj riesurs] // Konsul'tantPlius. Bielarus' / ООО «YurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Riesp. Bielarus'. – Minsk, 2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 26.10.2021

УДК [796.03:004]:323(476)

Владислав Валерьевич Ревенко*аспірант 3-го года обучения каф. социально-гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка***Uladzislau Revenka***Post-Graduate Student of the 3rd Year of Study
of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
e-mail: vlad.judo.2014@mail.ru***ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА СПОРТА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Приведенные результаты получены на основании авторского анкетного онлайн-опроса и экспертного полужформализованного интервью. Установлено, что имидж спорта является объектом манипулятивного воздействия и эффективным средством защиты национальных интересов. Принимая во внимания, что одним из трендов XXI в. является цифровизация, возникает необходимость в установлении возможной связи между данным процессом и возрастающей ролью имиджа спорта в системе современного мироустройства, а также оценки потенциальных рисков и дивидендов от данного взаимодействия. Предложены некоторые рекомендации по нивелированию негативных последствий и повышению эффективности возможного влияния цифровизации на имиджирование сферы спорта в контексте интересов различных субъектов.

Ключевые слова: *имидж, имиджа спорта, цифровизация, национальные интересы, СМИ.*

Formation of the Image of Sports in the Conditions of Global Digitalization

These results are obtained on the basis of the author's online questionnaire survey and an expert semi-formalized interview. It is established that the image of sports is an object of manipulative influence and an effective means of achieving and protecting national interests. Taking into account that digitalization is one of the trends of the XXI century there is a need to establish a possible connection between this process and the increasing role of the image of sports in the system of the modern world order, as well as to assess potential risks and dividends from this interaction. Some recommendations are proposed for leveling the negative consequences and increasing the effectiveness of the possible impact of digitalization on the image of the sports sphere in the context of the interests of various subjects.

Key words: *image, image of sports, digitalization, national interests, mass media.*

Введение

Среди всех мировых процессов, актуальных в настоящее время, особо следует выделить цифровизацию. Этот процесс обусловлен стремлением общества к реализации человеческого потенциала, совершенствованием информационных технологий и проникновением их во все сферы жизнедеятельности. Одним из ключевых признаков цифровизации следует считать возросшую роль Интернета в жизни общества. Ряд сфер деятельности, от производственной до гуманитарной, переходят в онлайн-пространство и контролируются посредством «глобальной паутины».

Научный руководитель – С. А. Кизима, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Если в производственных сферах удаленное ведение процессов, контроль и осуществление его через Интернет можно считать позитивным достижением, то в гуманитарной сфере не все однозначно.

Цифровизацию сфер культуры, педагогики, истории и некоторых других можно охарактеризовать в большей части положительно и продуктивно для общества. Именно процесс цифровизации позволил этим сферам получить большой охват аудитории, выйти в массы и стать доступными для каждого. Однако для сфер более массового потребления, например спорта, который всегда считался эффективным инструментом формирования имиджа и коммуникации, тенденция цифровизации не имеет столь позитивного эффекта и требует детального анализа в отношении различных субъектов, для которых сфера спорта явля-

ется одним из приоритетных направлений деятельности.

В данном контексте в первую очередь необходимо учитывать, что не сам спорт, а имидж спорта как деятельности субъекта влияет на имидж субъекта, о чем можно судить на основании исследований С. С. Соколаевой [1] и С. Антхольта [2, с. 45–46]. Следовательно, и цифровизация способна влиять не на сам спорт, а на его имидж.

Имидж спорта воспринимался эффективным инструментом достижения национальных интересов с середины XX в. Об этом писал известный американский политолог и дипломат Стефан Д. Краснер еще в 1978 г. [3, с. 25–27]. В Советском Союзе рассматривалась важность формирования и изучались некоторые механизмы достижения позитивного образа спорта в интересах государства [4, с. 36], в первую очередь для идеологической работы внутри страны, а также для продвижения идей социализма за рубежом. Однако, если принимать тот факт, что имидж является целенаправленно сформированным образом, о чем говорит ряд источников, в т. ч. «Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка» [5, с. 302] и исследования филологов, то и в отношении СССР также можно судить о направленной работе по созданию именно имиджа сферы спорта.

В XX в. подходы к имиджированию спортивной сферы как СССР, так и США были схожи. Рассмотрение опыта именно этих стран является приоритетным по причине политической и экономической значимости, а также из-за постоянного противостояния данных субъектов на международной арене.

Итак, в первую очередь необходимо выделить такие подходы к формированию имиджа спорта, как: пропаганда, государственная политика в сфере спорта, роль спортивного результата и личности спортсмена, СМИ. Именно средства массовой информации можно считать наиболее эффективным инструментом формирования общественного мнения как посредством объективных, так и субъективных факторов [6]. В рассмотрении данного исторического периода ведущую роль в СМИ играли радио, телевидение и печатные издания, в целом име-

вшие преимущественно развлекательный и познавательный характер.

Эпоха цифровизации, которая получила активное развитие во втором десятилетии XXI в., поменяла расстановку приоритетов. Так, по данным проведенного нами анкетного онлайн-опроса, 70 % респондентов в возрасте до 40 лет получают новостную информацию из интернет-источников, к которым отнесены новостные сайты, телеграм-каналы и чаты. 10 % опрошенных используют печатные СМИ, радио и телевидение, 15 % – Интернет и другие новостные ресурсы в равной степени. Часть респондентов затруднилась ответить. В возрастной категории свыше 40 лет процент потребителей информационного контента из интернет-источников составляет 50 %.

В приведенной статистике четко прослеживается трансформация предпочтений потребителей информационного контента под влиянием глобальной цифровизации. Об этом же свидетельствует то, что 66 % опрошенных предпочитают просматривать спортивные мероприятия посредством Интернета. 65 % в целом доверяют полученной в Интернете информации. Также участникам опроса было предложено назвать самую, по их мнению, спортивную страну, что позволило определить эффективность формирования имиджа того или иного государства. После этого следовал вопрос о том, чем руководствовались респонденты, выбирая страну. 40 % ответили, что информацией из СМИ, еще 44 % – личными взглядами на основе собственных суждений. Однако если учитывать, что данные суждения сложились на основании полученной ранее информации и под очевидным влиянием современных геополитических процессов или исторических фактов, то в целом собственные суждения можно также трактовать как субъективно сформированные. Остальные варианты ответов набрали минимальный процентный показатель.

Таким образом, можно увидеть, что электронные СМИ эффективно формируют имидж спортивной деятельности различных субъектов, в том числе государства. Следовательно, цифровизация прямо затронула процессы формирования имиджа спорта. Для некоторых государств это можно считать положительным фактом, для некоторых – неопределенным или отрицательным.

Благодаря цифровизации сферы спорта широкое распространение получили как интернет-трансляции, так и трансляции новостных и дискуссионных площадок спортивной и спортивно-политической тематики. По этой причине имиджевая функция СМИ в сфере спорта резко возросла. Последние способны не только нести положительный объективный информационный материал, но и действовать с деструктивными целями, что сейчас наблюдается в отношении Республики Беларусь. Также это отчетливо прослеживается на примере глобального противостояния Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации. Со стороны США и некоторых западных государств ведется масштабная информационная кампания по дискредитации российского спорта. Основным инструментом данной работы на протяжении многих лет являются СМИ, в последние десятилетия – электронные СМИ, использующие широкий спектр механизмов информационного воздействия, среди которых пропаганда, «черный» PR, дезинформация, создание феномена постправды и др. [7, с. 96–98]. Данные инструменты известны на протяжении многих лет, однако механизмы их реализации меняются с развитием информационных технологий. Ключевыми целями данных действий можно считать подрыв имиджа российского спорта как на внутренней, так и на международной арене, что повлечет за собой в целом имиджевые потери для страны, правительства, принесет прямые экономические и политические убытки.

Для Соединенных Штатов цифровизация не стала фактором, оказывающим негативное влияние на процессы формирования имиджа спорта. По мнению ряда экспертов, принявших участие в проведенном нами экспертном полужформализованном интервью, США используют принцип сильной позиции в проводимой внешней политике. Это значит, что с эпохой цифровизации и глобальным внедрением цифровых технологий они получили еще один инструмент воздействия на имидж спорта своих потенциальных противников через имиджевые возможности интернет-СМИ и возможности проведения киберопераций. Это подтверждается и созданием в Соединенных Штатах специального подразделения – Киберкомандования и Сил психологических

операций Министерства обороны, работа которых сопряжена с использованием продуктов глобальной цифровизации и направлена, в частности, на формирование имиджа США за рубежом.

Кроме этого, посредством информационных технологий были организованы утечки информации из российской антидопинговой лаборатории [8] и личных аккаунтов некоторых спортсменов и спортивных чиновников в социальных сетях, что также стало возможным благодаря цифровизации и повсеместному распространению Интернета. Данные факты стали известны мировой общественности в крайне малый срок, имели широкий спектр интерпретаций и продолжительность информационного воздействия благодаря деятельности ряда интернет-ресурсов, подконтрольных США. Такая ситуация не была бы возможной в доцифровую эпоху. Таким образом, российский спорт понес явные имиджевые потери. В данный момент со стороны правительства Российской Федерации предпринимается ряд мер противодействия имиджевым угрозам и кибератакам на профильные учреждения и непосредственно спортсменов.

Также с эпохой цифровизации стало распространенным понятие «гибридная война», важным компонентом которой является использование манипулятивного эффекта средств массовой информации (иностранных агентов) на наиболее чувствительные сферы объекта (государства) [9, с. 28]. В данном контексте спорт воспринимается как наиболее чувствительная область воздействия и формирования имиджа, являясь максимально понятным, массовым и унифицированным фактором построения общественных отношений и отношений общество – государственная власть.

Данную позицию не раз высказывал Глава белорусского государства Александр Лукашенко. Последнее такое заявление Президент сделал во время выступления на торжественных проводах белорусской делегации на XXXII летние Олимпийские игры в Токио [10]. В частности, А. Лукашенко акцентировал внимание на том, что посредством СМИ на белорусских спортсменов будет оказываться давление, будут предприниматься попытки дискредитировать белорусский спорт и государство, внести раскол в общество. Данные ожидания сбылись,

и на токийской Олимпиаде не обошлось без провокаций в отношении белорусской сборной. Именно это Президент впоследствии назвал явным признаком гибридной войны в отношении Беларуси посредством непрямого вмешательства и давления на суверенное государство [11].

Точку зрения белорусского Президента разделяют и некоторые эксперты, принявшие участие в исследовании. Так, политический обозреватель Белтелерадиокомпании выразил мнение, что перенос крупных соревнований из Беларуси, в частности, чемпионата мира по хоккею, попытки давления на спортсменов, поддерживающих власть, и многое другое являются прямыми признаками гибридной войны в отношении Беларуси со стороны стран Запада. Именно с территории сопредельных государств беглые белорусские спортсмены-оппозиционеры ведут свою деятельность через Интернет. Также эксперт конкретизировал, что наибольшая угроза и воздействие на имидж белорусского спорта и других государств исходит из мессенджеров. Данная позиция может быть аргументирована распространенностью, доступностью и слабым контролем информационных потоков в данном онлайн-сегменте.

Об умеренной позиции и слабой связи между цифровизацией и возрастающей ролью имиджа спорта в различных процессах можно судить из интервью с экспертом-аналитиком британского «Conflict Studies Research Centre (CSRC)». Собеседник утверждает, что процесс формирования имиджа спорта объекта со стороны субъекта посредством Интернета является лишь следствием проводимой государством-объектом политики в сфере спорта, достигаемых спортивных результатов и иных, не связанных со спортом факторов, в т. ч. общественно-политической обстановкой. Именно это можно считать созданием инфоповода. Однако нельзя забывать и про такой инструмент СМИ, как фейк-ньюс, который активно применяется в настоящее время, как применялся уже и со времени проведения Олимпиады-80.

Эксперт, представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации, выразил мнение, что успех формирования имиджа спорта в интересах стран Запада заключается в оперативности предоставляе-

мой непроверенной информации, что ставит Россию заранее в слабую позицию оправдывающегося. Также был упомянут и принцип консолидированного подхода к распространяемой информации со стороны США и их союзников, а также тотальный контроль над большинством электронных СМИ со стороны США, что прямо влияет на мировую информационную политику.

Данные экспертного полуформализованного интервью в целом оправдывают гипотезу исследования данной статьи.

Заключение

Из проведенного анализа видно, что цифровизация имеет неоднозначное значение в процессе формирования имиджа спорта. Принимая важность имиджа спорта в контексте национальных интересов различных государств и высокую степень интеграции спорта в общество, следует говорить об явном использовании цифровых технологий, в частности Интернета, с целью манипулятивного воздействия на спорт в контексте современных конфликтов интересов. Это проявляется преимущественно в процессах ведения гибридных войн, где цифровые технологии имеют приоритетное значение. В результате значимость имиджа спорта в эпоху глобальной цифровизации приобретает все большее значение, а процесс его формирования становится менее зависимым от объективных факторов.

Эффективные инструменты противодействия ведению гибридной войны через формирование имиджа спорта зависят от геополитического и экономического положения конкретного государства на международной арене и актуальной обстановки внутри страны. В первую очередь следует говорить о механизмах контрпропаганды и элементах «мягкой» силы, т. е. ответной сопоставимой политики. Именно такую точку зрения высказал представитель МИД России при проведении интервью. Учитывая развитие цифровых технологий, следует также принимать во внимание и факт технического развития средств компьютерной безопасности для предотвращения проникновений в системы различного уровня.

В целом процесс цифровизации уже необратим и будет лишь активнее развиваться. Его проникновение в процесс формирования имиджа различных сфер будет

лишь радикализироваться и приобретать еще более открытый характер. Это означает, что исследования в данном направлении являются актуальными и необходимыми

как для конкретных сфер деятельности чело века, так и для национальной безопасности различных государств в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сагалаева, С. С. Имидж государства: сущность и подходы к определению [Электронный ресурс] / С. С. Сагалаева // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-gosudarstva-suschnost-i-podhody-k-opredeleniyu/viewer/>. – Дата доступа: 21.09.2021.
2. Анхольт, С. Бренд Америка: мать всех брендов : монография / С. Анхольт, Д. Хильдрет. – М. : Добрая кн., 2010. – 232 с.
3. Krasner, S. D. Defending the National Interest: Raw Materials Investments and U.S. Foreign Policy : monograph / S. D. Krasner. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1978. – 404 p.
4. Дунченко, Н. В. Роль политической идеологии КПСС в формировании имиджа спорта в молодежной среде / Н. В. Дунченко // XXV съезд КПСС о дальнейшем возрастании роли марксистско-ленинской идеологии / Н. В. Дунченко. – Киев, 1978. – С. 35–48.
5. Толковый словарь новейших слов и выражений русского языка / сост. Л. А. Асланова. – М. : Дом славян. кн., 2010. – 960 с.
6. Ревенко, В. В. Роль мировых СМИ в формировании имиджа государства на международной арене / В. В. Ревенко // Медиа в современном мире. Молодые исследователи : сб. материалов XIX Междунар. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Санкт-Петербург, 5–6 марта 2020 г. / С.-Петерб. гос. ун-т ; сост. А. Н. Марченко ; под ред. А. С. Смоляровой. – СПб., 2020. – С. 124–125.
7. Федякин, А. В. Зарубежный опыт политики формирования позитивного образа государства: сравнительный анализ теории и практики : монография / А. В. Федякин. – М. : Рос. ун-т транспорта (МИИТ), 2009. – 256 с.
8. СКР подозревает Родченкова во взломе базы данных антидопинговой лаборатории [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3480740>. – Дата доступа: 21.09.2021.
9. Бартош, А. А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2020. – 281 с.
10. Лукашенко – олимпийцам: «Спортивные достижения – не только личный триумф, за вами народ Беларуси» [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-olimpijtsam-sportivnye-dostizhenija-ne-tolko-lichnyj-triumf-449748-2021/>. – Дата доступа: 21.09.2021.
11. «Ну, разве это спортсмены?»: Лукашенко раскритиковал вернувшихся с Олимпиады спортсменов [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.by/online/news/4402535/>. – Дата доступа: 21.09.2021.

REFERENCES

1. Sagalajeva, S. S. Imidzh gosudarstva: sushchnost' i podkhody k opriedielieniju [Elektronnyj riesurs] / S. S. Sagalajeva // KiberLmeninka. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-gosudarstva-suschnost-i-podhody-k-opredeleniyu/viewer/>. – Data dostupa: 21.09.2021.
2. Ankhol't, S. Brend Amierika: mat' vsiekh brendov : monografija / S. Ankhol't, D. Kchildret. – M. : Dobraja kn., 2010. – 232 s.
3. Krasner, S. D. Defending the National Interest: Raw Materials Investments and U.S. Foreign Policy : monograph / S. D. Krasner. – Princeton : Princeton Univ. Press. 1978. – 404 p.
4. Dunchienko, N. V. Rol' politichieskoj idieologii KPSS v formirovanii imidzha sporta v modiodiozhnoj sriedie / N. V. Dunchienko // XXV sjezd KPSS o dal'niejšhem vozrastanii roli marksistsko-lieninskoj idieologii / N. V. Dunchienko. – Kijev. 1978. – S. 35–48.
5. Tolkovyj slovar' noviejshikh slov i vyrazhenij russkogo jazyka / sost. L. A. Aslanova. – M. : Dom slavian. kn., 2010. – 960 s.

6. Rievienko, V. V. Rol' mirovykh SMI v formirovanii imidzha gosudarstva na miezhdunarodnoj arienie / V. V. Rievienko // Media v sovremennom mire. Molodye issledovатели : sb. materialov XIX Miezhdunar. konf. studentov, magistrantov i aspirantov, Sankt-Pietierburg. 5–6 marta 2020 g. / S.-Pietierb. gos. un-t ; sost. A. N. Marchienko ; pod ried. A. S. Smoliarovoj. – SPb., 2020. – S. 124–125.

7. Fiediakin, A. V. Zarubiezhnij opyt politiki formirovanija pozitivnogo obraza gosudarstva: sravnitelnyj analiz teorii i praktiki : monografija / A. V. Fiediakin. – M. : Ros. un-t transporta (MIIT), 2009. – 256 s.

8. SKR podozrievajet Rodchienkova vo vzlomie bazy dannyx antidopingovoj laboratorii [Elektronnyj riesurs] // Kommersant. – Rezhim dostupa: <https://www.kommersant.ru/doc/3480740>. – Data dostupa: 21.09.2021.

9. Bartosh, A. A. Konflikty XXI vieka. Gibridnaja vojna i cvietnaja rievoliucija / A. A. Bartosh. – M. : Goriachaja linija – Tielikom, 2020. – 281 s.

10. Lukashenko – olimpijcam: «Sportivnye dostizhenija – nie tol'ko lichnyj triumf, za vami narod Bielarusi» [Elektronnyj riesurs] // BielTA. – Rezhim dostupa: <https://www.belta.by/president/-view/lukashenko-olimpijsam-sportivnye-dostizhenija-ne-tolko-lichnyj-triumf-449748-2021/>. – Data dostupa: 21.09.2021.

11. «Nu, razvie eto sportsmieny?»: Lukashenko raskritikoval viernuvshikhsia s Olimpiady sportsmienov [Elektronnyj riesurs] // Komsomol'skaja pravda. – Rezhim dostupa: <https://www.kp.by/-online/news/4402535/>. – Data dostupa: 21.09.2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 27.09.2021

УДК 341.231.14+342.7

Эдуард Николаевич Северин¹, Сергей Александрович Жук²¹канд. полит. наук, зам. декана юридического факультета
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина²аспирант каф. всеобщей истории
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина**Eduard Seviaryn¹, Sergey Zhuk²**¹Candidate of Sciences in Politics, Vice-Dean of the Faculty of Law
of the Brest State A. S. Pushkin University²Postgraduate Student of the Department of General History
of the Brest State A. S. Pushkin Universitye-mail: ¹severinvesnik@brsu.brest.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ Ф. ФУКУЯМЫ:
ОТ ЭЛЕМЕНТА «КОНЦА ИСТОРИИ» К ИНСТРУМЕНТУ КОНСОЛИДАЦИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Рассмотрена трансформация взглядов Ф. Фукуямы на природу прав человека. Проанализированы права человека в контексте концепции «конца истории». Выявлены особенности видения философом прав человека как инструмента в геополитических процессах. Осмыслена роль прав человека как консолидирующего фактора демократического общества.

Ключевые слова: социальная философия, глобализация, права человека, либерализм, «конец истории», философия истории, культурные универсалии, демократия, национальная идентичность.

***Human Rights in the Socio-Political Philosophy of F. Fukuyama:
from the «End of History» Element to a Tool for Consolidating a Democratic Society***

The article considers the transformation of F. Fukuyama's views on the nature of human rights. Human rights are analyzed in the context of the concept of «the end of history». The features of the philosopher's vision of human rights as a tool in geopolitical processes are revealed. The authors also understand the role of human rights as a consolidating factor in a democratic society.

Key words: social philosophy, globalization, human rights, liberalism, «the end of history», philosophy of history, cultural universals, democracy, national identity.

Введение

Становление современного постмодерного общества значительно актуализировало исследования в области социогуманитарного знания. Так, например, известный французский философ М. Фуко приходит к выводу, что «XXI в. будет веком гуманитарного знания» [1, с. 84], а российские философы А. С. Панарин [2, с. 144] и А. А. Ивин [3, с. 17] делают вывод о «реванше гуманитарной науки». С другой стороны, в научном знании активно артикулируются техноцентричные парадигмы, ставящие во главу угла идеи научно-технического прогресса без учета роли человека как его творца.

В связи с этим особую важность имеют дискуссии о месте и роли человека в развитии мировой цивилизации и о природе человека, в рамках которых проблематика

прав человека обращает на себя особое внимание. Необходимо отметить, что тематика прав человека занимает значимое место в белорусском общественно-политическом и социально-экономическом дискурсе, что определяется демократической и социально-правовой природой белорусского государства [4].

Права человека имеют долгую историю исследования в различных областях социогуманитарного знания. Тем не менее до настоящего времени нет единого подхода к трактовке содержания данного феномена. По отношению к ним существует множество самых различных мнений, определений, формулировок и подходов. Современный мир многополярен, поэтому в разных регионах и государствах существуют различные концепции и отношения к правам человека. Это определяется многими

факторами: политическим режимом, формой правления, уровнем развития политической культуры, традициями, религией. Все это определяет необходимость исследования прав человека с различных позиций с учетом культурологических, религиозных, цивилизационных, исторических факторов [5, с. 6]. Подчеркнем, что в последние десятилетия осмысление становления и развития прав человека как феномена всемирно-исторического процесса носит междисциплинарный характер с привлечением методического инструментария политологии, философии политики, политической социологии, юридической науки. Важное значение в изучении феномена прав человека занимает исследование истории становления и развития этой междисциплинарной области знания.

В статье внимание сконцентрировано на осмыслении прав человека американским ученым-обществоведом Ф. Фукуямой.

Целью статьи является выявление особенностей рассмотрения прав человека Ф. Фукуямой в контексте его социально-политической философии.

В соответствии с поставленной целью будут решаться следующие задачи:

- 1) выявить теоретические аспекты рассмотрения прав человека Ф. Фукуямой;
- 2) обозначить место и роль прав человека в концепции «конца истории»;
- 3) определить права человека как инструмент консолидации демократического общества.

Теоретические аспекты рассмотрения прав человека Ф. Фукуямой

Осмысление прав человека как феномена всемирно-исторического процесса связано со становлением современной Западной цивилизации, хотя многие важные идеи были высказаны задолго до этого, причем заметный вклад в развитие идеи прав человека внесли и белорусские мыслители Ф. Скорина, Л. Сапега, А. Волан. Однако именно в рамках западной науки и общественно-политической мысли Нового времени были сформированы основные теоретико-методологические позиции изучения прав человека, получившие свое развитие в последующие исторические эпохи.

Исторически первой начала формироваться либеральная концепция прав челове-

ка, в основе которой лежали принципы разделения властей и общественного договора. Ее положения основывались на идеях либерализма, индивидуализма, естественно-правовом подходе, принципе частной собственности, приоритете гражданских и политических прав.

В XIX – начале XX в. на волне западной индустриализации, модернизации и цивилизационной экспансии получили оформление этатистские, консервативные, позитивистские, утилитаристские, социалистические подходы к правам человека. Со второй половины XIX в., особенно в XX в., происходит институционализация теологической парадигмы прав человека, «первопроходцем» в которой стала Католическая церковь, выразившая свое видение прав человека в таких политико-программных документах, как, например, «*Regum Novarum*». К настоящему времени все ведущие мировые конфессии изложили свое видение прав человека в своих социальных доктринах.

В XX в. активно развиваются «незападные» концепции прав человека, среди которых стоит отметить советскую и китайскую концепции. В это же время сформировалась и фактически стала общепринятой глобальная (интернациональная) концепция прав человека, которая была развита в системе международного права прав человека.

Ф. Фукуяма, разрабатывая на рубеже 1980-х – 1990-х гг. концепцию «конца истории», столкнулся с необходимостью основательной и многомерной аргументации идеи, что всемирно-исторический процесс вошел в качественно новое состояние – «конец истории». Это и определило необходимость обращения к тематике прав человека. Масштабность поставленной Ф. Фукуямой задачи – написание «универсальной» истории – способствовала обращению к концепциям прав человека, оперировавшим категориями высокого уровня абстракции.

Как не единожды отмечалось в трудах по истории и философии науки, классическая наука, обращаясь к универалистскому дискурсу, пыталась, исходя из уровня развития знания, построить глобальные и универсальные модели развития общества, сформировать единую естественнонаучную картину мира. Поэтому права человека в ней рассматривались, прежде всего, в контексте историсофских и социально-поли-

тических концепций. Подобный взгляд на мир был чрезвычайно близок Ф. Фукуяме, создавшему фактически секулярную вариацию гегелевской философии истории [6, с. 68], что и определило обращение к классическому либеральному дискурсу прав человека.

Философ в своих интеллектуальных построениях органично соединяет континентальную философскую традицию (Г. Гегель, А. Кожев, Ж. Деррида), англо-саксонскую либеральную политическую философию (Дж. Локк, Т. Гоббс), идеи американского конституционализма, в т. ч. опубликованные в известном сборнике «Федералист») и классическую европейскую философию (Платон, Аристотель). Казалось бы, внутренне онтологически и гносеологически противоречивые теоретико-методологические подходы различных учений не могут быть объединены в рамках одной концепции, однако Ф. Фукуяме удалось соединить их, взяв в качестве эпистемологического «каркаса» идеи Г. Гегеля и наполнив их собственной аргументацией, источники которой можно найти как в античной, так и в современной философии. Подобный методологический плюрализм неизбежно приводит американского философа к непоследовательности и внутренней противоречивости его интеллектуальных изысканий.

Фундаментальным вопросом изучения прав человека является осмысление их источника. В современной науке у исследователей не выработалось на этот счет единого мнения. Под источником прав человека понимается сама природа человека, государство, закон, индивидуализм, божественное откровение. Международные нормативно-правовые акты утверждают в качестве их источника человеческое достоинство. Иначе говоря, каждый человек в силу своего происхождения и принадлежности к человеческой общности является субъектом этих прав.

Ф. Фукуяма связывает возникновение идеи прав человека на Западе с секуляризацией христианской доктрины, проявившейся в реформационном движении, формированием протестантской этики, ставшей одной из идеологических основ экономической модернизации, трансформацией политических систем. Действительно, развитие социальных механизмов подотчетности

власти, расширение масштабов политического участия как в рамках инструментария представительной демократии, так и в рамках процедур прямой демократии оказало значительное влияние на формирование идей человеческого достоинства и укоренения их в массовом сознании. Не менее важную роль в институционализации идеи прав человека сыграли процессы экономической модернизации и, соответственно, изменения в структурированном неравенстве между социальными группами [7, с. 20]. Ф. Фукуяма в работе «Конец истории и последний человек» отмечает, что «как только появляется средний класс, он незамедлительно требует политического участия» [8, с. 109]. Таким образом, Западная традиция теории прав человека, по мнению американского философа, зиждется на трех столпах: секуляризованном этическом учении христианства, политической демократизации и экономической модернизации.

Ф. Фукуяма в своих изысканиях актуализировал идеи естественного права и классической либеральной теории прав человека. Однако аргументация Дж. Локка, Т. Гоббса, Т. Пейна и других классиков этой школы кажется Ф. Фукуяме хотя и последовательной, однако чрезмерно догматичной, не учитывающей всей полноты природы человека. Сверхрациональность и утилитаризм этой школы, стремление к упорядоченности инструментов и механизмов реализации прав достаточно жестко «вырезает» огромный пласт идей, которые, по мнению ученого, «имеют большое значение в мировой истории» [9, с. 137]. Иначе говоря, современное государство создается в результате общественного договора, который обеспечивает гражданам всеобщее равное признание их человеческого достоинства.

Философом на протяжении последних десятилетий построены две системы аргументации возникновения и развития прав человека. В первой из них ученый обращается к философскому дискурсу и, опираясь на него, строит теоретические конструкции, обосновывающие возможность и неизбежность «конца истории». Во второй Ф. Фукуяма находит в эволюционной биологии и глобальном эволюционизме человеческие универсалии, определяющие природу человека. Данная трансформация аргументации связана с развитием социально-философ-

ских воззрений ученого, пересмотром теоретико-методологических оснований интеллектуального поиска.

Обобщая взгляды Ф. Фукуямы, следует сделать вывод, что источником прав человека является человеческое достоинство, которое заложено в биосоциальной природе человека. Соответственно, природа человека определяется ученым как сумма поведения и свойств, типичных для человека как вида и возникающих, прежде всего, из генетических, а не энвайронментальных факторов, т. е. формирующихся в процессе человеческой деятельности [10, с. 186]. Типичность здесь необходимо понимать не как философский, а, скорее, как статистический термин – близкое к медиане распределение поведения и свойств.

В многочисленных философских и публицистических работах Ф. Фукуяма так и не дал определение права человека. Ниже приводится дефиниция этого феномена, которая в наибольшей степени соответствует взглядам американского ученого. Права человека – это атрибут и свойство человека как биологического вида и социального существа, являющееся универсальным инструментом обеспечения внутривидовой коммуникации, содействующее свободному развитию каждого индивида и гарантирующее равное универсальное признание человеческого достоинства.

Права человека как элемент концепции «конца истории»

Права человека в философии Ф. Фукуямы могут быть наиболее корректно рассмотрены в контексте его взглядов на природу всемирно-исторического процесса. Они возникают только при соблюдении двух следующих условий: наличия человека как субъекта и носителя прав и других людей или человеческого общества.

Всемирно-исторический процесс воспринимается ученым как непрерывная борьба человека за свободу и признание собственного достоинства, имеющий направленность, но допускающий возможность отклонения от заданной схемы.

Права человека возникают в момент появления человека и формирования первых человеческих сообществ. Взаимоотношения между людьми, как считает Ф. Фукуяма, приводили не к «пасторали», а к от-

ношениям господства и подчинения, а драйвером исторического развития выступает стремление человека к универсальному признанию и жажда свободы. Господин, конечно же, являлся в «большей степени» человеком, чем раб. Но отсутствие свободы у раба, его неполноценность как человека является причиной дилеммы господина, которому требуется признание своей ценности и человеческого достоинства другим человеком, обладающим ценностью и человеческим достоинством [8, с. 208]. Но после победы в битве за престиж он получает признание от того, кто стал рабом, кто не достиг уровня человека из-за того, что поддался естественному страху смерти. Это и составляет трагедию господина: он рискует жизнью ради признания со стороны раба, который недостоин дать это признание.

Значительная часть всемирной истории – это история господина, создающего и разрушающего империи, ведущего армии на подвиг, отдающего приказы и распоряжения [8, с. 211]. Однако для осознания человеком прав все это было практически бесплодно: и господин, и раб оставались неудовлетворенными невозможностью признания своих прав и свобод со стороны равных себе людей. И если господин реализовывал себя в деятельности, которая влекла риск для жизни (например, склонность европейской аристократии к различным видам охоты), то раб мог осознать свое достоинство, прежде всего, в труде, когда обнаруживал в нем свое человеческое достоинство, утраченное в начале истории из-за страха насильственной смерти.

Важным фактором, способствовавшим обретению рабом свободы и достоинства, а значит, и прав, стала преобразующая сила труда, а также огромные возможности утилитарного применения научного знания. Труд постепенно становился не наказанием и повинностью перед господином, а деятельностью, способной изменить объективную реальность и создающую условия для освобождения человека от уз природы. Именно раб порождает идеи свободы и прав человека как универсального и неотчуждаемого атрибута [8, с. 192].

Однако до тех пор, пока эти идеи не были отрефлексированы и не привнесены в массовое сознание, не могли быть созданы возможности для их реализации во всемирно-

историческом процессе. Такой формой рефлексии стала одна из монотеистических религий – христианство. Его этическое учение закрепило важнейшую идею – универсальное равенство между людьми, единые для всех людей правила поведения и взаимодействия [8, с. 305]. Конечно же, во многих философских и религиозных учениях до этого высказывались схожие идеи, однако именно в христианстве они были изложены наиболее последовательно и в результате многовековой проповеди этого учения стали разделяться значительным количеством людей.

Христианское равенство основано на факте, что все люди одинаково наделены Богом некоей специфической способностью морального выбора. Христианство дало униженным и обездоленным видение человеческой свободы и достоинства, а также предложило универсальную трактовку прав человека. Однако это является и слабым местом вероучения, т. к. христианство относит реализацию человеческой свободы не к земной жизни, но к грядущему Царствию небесному. Таким образом, христианство сформировало основные положения концепции прав человека, однако не предложило программы их актуализации и достижения в социально-политической жизни общества.

Христианское вероучение стало важнейшей идеологической основой формирования либерально-демократических обществ в Европе и Северной Америке. Но только в условиях модернизации, начавшейся на заре Нового времени, были созданы условия для развития концепции прав человека.

Воплощение идеи прав человека в общественно-политической и культурной жизни Ф. Фукуяма видит в Американской войне за независимость («Дух 1776 г.») и Великой французской революции («Дух 1789 г.»). Однако события XIX–XX вв. философ определяет не как триумфальное шествие идей свободы, универсального признания, либеральной демократии, а как противостояние глобальных проектов мироустройства: либерально-демократическим, коммунистическим и фашистским [9, с. 141].

Наибольшим изъяном фашистского проекта являлось отрицание единого человечества, что неизбежно приводило к выводу о неравенстве человеческих прав. Уни-

версальность человеческих прав заменялась субъект-объектными отношениями: субъектом прав человека выступала «раса господ», а объектом – все остальные человеческие индивиды и социокультурные общности.

Победа Запада в холодной войне позволила Ф. Фукуяме провозгласить «конец истории» [9, с. 135]. Либеральная демократия, как отмечал философ, оставалась единственным глобальным проектом, а «варваров» у ее ворот не было [8, с. 107]. В «конце истории» происходит формирование общества и государства, универсального признания достоинства и прав человека. Устойчивость конца истории, следовательно, обеспечивается, с одной стороны, уникальным статусом личности, который обеспечивается государством и институтами гражданского общества, а с другой стороны, динамично развивающейся экономикой и научно-техническим прогрессом. Идея прав человека неизбежно становится системообразующим элементом постисторической цивилизации.

Почему же Ф. Фукуяма заостряет внимание на правах человека в контексте «конца истории»? Как и многие учения Нового и Новейшего времени, либерализм, десакрализирует идеи Бога, Героя, великого проекта. Его безличность и духовная пустота, безусловно, являются идеологическим дефектом этого учения. Мир и стабильность, которые гарантируются в «конце истории», должны обосновываться как в рамках рациональной парадигмы, так и в духовно-нравственном и этическом аспектах. Поэтому Ф. Фукуяма обращается к феноменам, которые могут стать универсальными референтами для постисторической цивилизации. И практически идеальной «кандидатурой» становятся права человека в силу их комплементарности человеческой природе и универсальности, а также в связи с тем, что большинство государств хотя бы декларативно разделяют их основные положения.

Провозглашая «конец истории» в условиях распада биполярной системы международных отношений, Ф. Фукуяма делает вывод, что либерально-демократическая модель мироустройства победила на уровне идей (все остальные жизнеспособные проекты были отправлены «в музей истории» [11, с. 4]), однако до полной и окончатель-

ной победы необходимо еще дождаться, пока все общества интегрируются в парадигму «конца истории». Таким образом, весь мир, согласно Ф. Фукуяме, следует разделить на собственно постисторическую цивилизацию, имеющую либерально-демократическую природу, и разнообразный и слабоинтегрированный «мир истории».

В постисторической цивилизации военные конфликты уступят место экономическому сотрудничеству и соперничеству, а в «мире истории» будет наблюдаться все более повышающийся уровень насилия, обусловленный этническими, религиозными, военно-политическим факторами. Философ очень аккуратно подводит к выводу о необходимости некоторого ускорения «арьергардных боев» истории [8, с. 331].

Новая глобальная парадигма международных отношений должна быть выстроена в соответствии с принципами «конца истории»: ведущими акторами будут по-прежнему оставаться национальные государства, глобальная организация (ООН) должна быть преобразована таким образом, чтобы отражать идеи постисторической цивилизации, а права человека должны стать теоретико-методологической основой глобального, регионального и межнационального взаимодействия. ООН, например, необходимо преобразовать в «Лигу демократий», которая идейно гораздо ближе к НАТО, чем к старым глобальным организациям [8, с. 345; 9, с. 142]. Легитимность того или иного политического режима будет определяться не столько внутренними факторами, сколько соответствием идеям прав человека, а внешняя политика ведущих государств постисторической цивилизации все более будет основываться на морализме с его заботой о правах человека и «демократических ценностях». Новый мир возникнет из специфической природы демократической легитимности, ее способности удовлетворять жажду признания человека.

Таким образом, идея прав человека становится определяющим фактором международных отношений. Их несоблюдение лишает государство своей легитимности. Этот вывод было созвучен идеям неоконсерватизма, который в 1980-е – середине 2000-х гг. являлся одним из учений, оказывавших влияние на американские и европейские политические элиты, одним из

идеологов которого и стал Ф. Фукуяма. Идея прав человека становится инструментом внешней политики постисторической цивилизации, теоретической основой нового западного экспансионизма. Ф. Фукуяма в 1990-е гг. последовательно выступает за активное использование прав человека как инструмента «мягкой силы» против государств «мира истории»: поддержка правозащитного движения внутри недемократических государств, а также международного правозащитного движения, «правовое просвещение» населения, поддержка оппозиции, артикулирующей демократические ценности, проведение акций международной солидарности [12, с. 64]. Однако Фукуяма идет еще дальше, он предлагает использовать более широкий спектр методов: поддержка сепаратизма, повстанческого движения, ведение «прокси-войны», а также угрозы применения вооруженных сил [13]. В общественно-политической деятельности Ф. Фукуяма последовательно поддерживал вмешательство стран Запада во внутренние дела Югославии, выступал за расширение «гуманитарных» операций в Африке, в 1996, 1997, 1999 гг. становился инициатором подготовки коллективных писем Президенту США Б. Клинтону о необходимости проведения военной операции против режима С. Хуссейна, горячо поддерживал ввод войск в Афганистан в 2001 г. и в Ирак в 2003 г. [14]. По мнению философа, идея прав человека позволяет реализовать универсальное признание каждого человека, становится одной из идейных основ концепции «конца истории», а с другой стороны, обосновывает их использование в качестве инструмента Западного экспансионизма.

Права человека как инструмент консолидации демократического общества

Кардинальный пересмотр своих философских и общественно-политических позиций Ф. Фукуямой, завершившийся в 2006 г. разрывом с неоконсерваторами, стал отправной точкой в изменении взглядов на права человека. Прежде всего, философ отказывается от одиозных трактовок прав человека как теоретической основы для «гуманитарных интервенций». Нельзя не согласиться с мнением Ф. Фукуямы, что «любое серьезное обсуждение прав человека должно... основываться на некотором об-

шем понимании целей и задач человека» [10, с. 36]. Если в контексте концепции «конца истории» философ обращается к идеалистической парадигме, то на более поздних этапах научной карьеры – к естественнонаучному знанию. Эта трансформация связана с чрезвычайным релятивизмом современного западного социогуманитарного знания, испытавшего серьезное влияние постмодернизма, а также с необходимостью найти более прочную «точку опоры» для построения интеллектуальных конструкций. Закономерен вывод: чем больше наука сообщает информации о природе человека, тем больше оснований для прав человека, а значит, и для механизмов и институтов, защищающих эти права. Обращение к дискуссии природы человека дает большие основания рассматривать права человека как атрибут человека, чем, например, в рамках современной позитивистской теории.

Природа человека, соглашается Фукуяма с современным эволюционистами, заложена в геномном типе человека, который сформировался на протяжении миллионов лет в результате многолинейной эволюции. Генетика, наряду с условными рефлексивными, формирует «природу человека», который определяется как общественное и культурное животное, стремящееся к преобразованию объективной реальности, самоизменению, а также стремящееся жить в мире общественных связей. Права человека должны позволять способствовать оптимальной реализации показанных выше фундаментальных свойств. Вместе с тем права диалектически связаны с такими характеристиками человека, как способность к коммуникации, врожденные видоспецифические эмоциональные реакции, способность воспроизводить (отражать) объективную реальность, саморефлексия.

Вторым источником прав человека является культурная природа человека: ценности, эмоции, ощущения, стремление к признанию, нравственный выбор. Так, например, ценности строятся не произвольно, а служат важной цели: сделать возможной коммуникацию между людьми.

Сложная природа прав человека позволяет избежать «искушения» релятивизмом, а значит, она может стать содержательной основой консолидации общества. Права человека должны обеспечивать рав-

ное признание всем членам общества, или, обращаясь к наследию Платона, изотимию [15, с. 59]. В современной демократии происходит поэтапная трансформация: общества, в которых признание получали лишь избранные, сменяются обществами, в которых все изначально равны. Важным достоинством прав человека является признание равной базовой ценности всех людей.

Общество и государство, основанное на правах личности, закрепляет понятие равного достоинства в праве, признавая граждан в качестве моральных акторов, способных участвовать в самоуправлении. Консолидирующая роль прав человека заключается в обеспечении реализации принципов свободы и равенства в общественной жизни [15, с. 145]. Так, например, демократическая подотчетность призвана обеспечить всех взрослых людей равной долей власти путем предоставления активного и пассивного избирательного права, проведения периодических демократических выборов [16, с. 97].

Конечно же, политические идеи Ф. Фукуямы не могут быть в полной мере реализованы в политической практике: права человека всегда в той или иной степени нарушаются в любом обществе, не полностью соблюдается принцип верховенства права. Да и между свободой и равенством необходимо находить баланс, т. к. большая личная свобода ведет к увеличению неравенства и наоборот [17, с. 103]. Однако реальное признание граждан в качестве субъектов прав человека необходимо для обеспечения устойчивости общества и формирования позитивной повестки его развития.

Вместе с тем в последних исследованиях Ф. Фукуяма признает необходимость нахождения баланса между всеобщим признанием индивидуальных прав и коллективным признанием, основанном на национальном признаке. В современном обществе множатся идентичности человека (этнические, национальные, гендерные, политические, культурные), что приводит к необходимости признания равного человеческого достоинства их носителей. Борьба за признание идентичностей может быть трудной, продолжительной и часто кровавой. История белорусского народа, несомненно, является красноречивым примером стремления к свободе, универсальному призна-

нию своих прав, а также достижения достойного статуса на международной арене.

На наш взгляд, значимой составляющей идеологии белорусского государства является ориентированность на безусловное формирование позитивного и динамичного отношения к труду, на преодоление политического, социального, экономического, информационного неравенства. Для достижения этого необходимо органичное соединение человека-труженика, ситуации, процесса, сознания, деятельности (поведения) и окружающей среды (политической, экономической, социальной, культурной), гармоничное сочетание системы прав и обязанностей, индивидуального и коллективного, ответственности человека (гражданина), общества и государства.

Права нации, ни в коем разе не наступая и не ограничивая права личности, позволяют консолидировать общество на демократических принципах. Реализация прав нации строится на основании национальной идентичности, сформировавшейся исторически, и демократической культуре. Идея прав нации позволяет консолидировать общество во всем его многообразии, а реализация прав индивидов, в свою очередь, позволяет обществам и государствам развиваться на демократических основах. Таким образом, права человека, говорящие о самых глубоких и универсальных побуждениях, амбициях и поведении, являются прочной основой политического порядка.

Достоинство человека всегда требует его признания со стороны других людей, подобная ситуация складывается и с народами: каждый из них требует свободы и признания. Национальное государство, построенное на демократической основе, позволяет реализовывать наиболее широкие формы взаимного уважения достоинства, что делает такую форму государственности наиболее функциональной и в наибольшей степени способной реализовывать права каждого человека во всей их полноте.

Заключение

Рефлексия социально-политических и философских идей одного из ведущих мировых исследователей человека и общества Ф. Фукуямы не только полезна в академическом контексте, но и имеет и прикладное значение. Взгляды ученого могут стать хо-

рошей «методологической линзой» для взгляда на мир и для саморефлексии развития белорусского общества и государства. Источником прав человека является природа человека, сформированная в результате длительного эволюционного процесса. Соответственно, права являются атрибутом каждого человеческого индивида.

Важную роль в формировании современного понимания прав человека, по мнению Ф. Фукуямы, сыграли этическое учение христианства, модернизационные процессы в социально-политической и экономической сферах, а также либеральная общественно-политическая мысль. Права человека являются универсальным инструментом обеспечения свободы и равного признания достоинства каждого индивида.

В контексте концепции «конца истории» права человека рассматриваются как важная идейная основа постисторической цивилизации. Права человека – основа либерально-демократического политического строя, ключ к современному пониманию моральных и этических вопросов. С другой стороны, философом была создана теоретико-методологическая база для использования прав человека в качестве инструмента «мягкой силы», а также в качестве повода для применения геэкономического инструментария (экономические санкции, эмбарго) и использования вооруженных сил против суверенных государств.

В результате трансформации взглядов, отхода от неоконсервативной повестки Ф. Фукуяма обращается к универсалистской природе прав человека. Философ приходит к выводу, «что как в теории, так и на практике язык прав стал в современном мире единственным общим и широко понимаемым, который у нас есть для разговора о благах и целях, которые составляют предмет политики» [10, с. 155]. Права человека, таким образом, могут выступать как фактор консолидации общества. В условиях современного мира с постоянным увеличением идентичностей с их требованиями признания собственного достоинства особенно актуализируются права социокультурных общностей – наций, способных при условии соблюдения прав и свобод граждан объединять их вокруг более широких идентичностей, программ диалога внутри общества и его поступательного развития. Чрезвычайно

важным для Республики Беларусь является создание национальной концепции прав человека, гармонично сочетающей права и свободы с обязанностью и ответственностью, индивидуальное и коллективное.

С другой стороны, права человека являются важной площадкой для международного диалога, т. к. многообразие культур не исключает, а предполагает универсальность прав человека как «общечеловеческой ценности».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – СПб. : Гуманитар. Акад., 2004. – 416 с.
2. Панарин, А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – М. : Рус. мир, 2005. – 398 с.
3. Ивин, А. А. Социальная эпистемология. Человеческое познание в социальном измерении / А. А. Ивин. – М. : Проспект, 2017. – 352 с.
4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 06.01.2018.
5. Северин, Э. Н. Становление и развитие теории прав человека в зарубежной и отечественной политической науке / Э. Н. Северин ; Брест : БрГУ, 2018. – 141 с.
6. Жук, С. А. Вызовы постисторической цивилизации в конце 1980-х – середине 2010-х годов: видение Ф. Фукуямы / С. А. Жук // Беларус. думка. – 2019. – № 5. – С. 67–73.
7. Fukuyama, F. The Future of History; Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? / F. Fukuyama // Foreign Affairs. – 2012. – Nr 1. – P. 18–35.
8. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
9. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
10. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 349 с.
11. Фукуяма, Ф. Великий разрыв: природа человека и восстановление социального порядка / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. В. Кузнецова. – М. : АСТ, 2003. – 394 с.
12. Fukuyama, F. Human Nature and the Reconstruction of Social Order / F. Fukuyama // The Atlantic Monthly. – 1995. – Nr 5. – P. 55–80.
13. Strauss, L. Natural Right and History / L. Strauss. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1953. – P. 316.
14. Fukuyama, F. After neoconservatism / F. Fukuyama // The New York Times Magazine. – 2006. – Nr 5. – P. 8–14.
15. Фукуяма, Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. – М. : Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
16. Fukuyama, F. The Origins of Political Order / F. Fukuyama. – New York : Straus & Giroux, 2011. – 585 p.
17. Фукуяма, Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке : пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.

REFERENCES

1. Fuko, M. Arkheologija znanija / M. Fuko. – SPb. : Gumanitar. Akad., 2004. – 416 s.
2. Panarin, A. S. Rievansh istorii: rossijskaja strategichieskaja iniciativa v XXI vieke / A. S. Panarin. – M. : Rus. mir, 2005. – 398 s.
3. Ivin, A. A. Social'naja epistiemologija. Chieloviechieskoje poznanije v social'nom izmierienii / A. A. Ivin. – M. : Prospiekt, 2017. – 352 s.
4. Konstitucija Riespubliki Bielarus' [Eliكتروnnyj rissurs]. – Riezhim dostupa: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Data dostupa: 06.01.2018.

5. Sievierin, E. N. Stanovlieniye i razvitie tieorii prav chielovieka v zarubiezhnoj i otiechiestviennoj politichieskoj nauke / E. N. Sievierin ; Briest : BrGU, 2018. – 141 s.
6. Zhuk, S. A. Vyzovy postistorichieskoj civilizacii v konce 1980-h – sieriedinie 2010-kh godov: vidieniye F. Fukujamy / S. A. Zhuk // Bielarus. dumka. – 2019. – № 5. – S. 67–73.
7. Fukuyama, F. The Future of History; Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? / F. Fukuyama // Foreign Affairs. – 2012. – Nr 1. – P. 18–35.
8. Fukujama, F. Koniec istorii i poslednij chieloviek / F. Fukujama ; pier. s angl. M. B. Lievina. – M. : AST, 2007. – 588 s.
9. Fukujama, F. Koniec istorii? / F. Fukujama // Vopr. filosofii. – 1990. – № 3. – S. 134–148.
10. Fukujama, F. Nashe postchieloviechieskoje budushchieje: posledstviya biotiekhnologichieskoj rievoliucii / F. Fukujama ; pier. s angl. M. B. Lievina. – M. : AST : LiUKS, 2004. – 349 s.
11. Fukujama, F. Vielikij razryv: priroda chielovieka i vosstanovlieniye social'nogo poriadka / F. Fukujama ; pier. s angl. V. Kuzniecova. – M. : AST, 2003. – 394 s.
12. Fukuyama, F. Human Nature and the Reconstruction of Social Order / F. Fukuyama // The Atlantic Monthly. – 1995. – Nr 5. – P. 55–80.
13. Strauss, L. Natural Right and History / L. Strauss. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1953. – P. 316.
14. Fukuyama, F. After neoconservatism / F. Fukuyama // The New York Times Magazine. – 2006. – Nr 5. – P. 8–14.
15. Fukujama, F. Identichnost'. Striemlieniye k priznaniju i politika neprijatija / F. Fukujama. – M. : Al'pina Pablsher, 2019. – 256 s.
16. Fukuyama, F. The Origins of Political Order / F. Fukuyama. – New York : Straus & Giroux, 2011. – 585 p.
17. Fukujama, F. Sil'noje gosudarstvo: upravlieniye i mirovoj poriadok v XXI viekie : pier. s angl. / F. Fukujama. – M. : AST : KHRANITIEL', 2006. – 220 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.05.2021

УДК 316.343:316.324

Евгений Всеволодович Скакун

канд. полит. наук, доц., зав. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Yevgeniy Skakun

*Candidate of Sciences in Politics, Head of the Department of Politology and Sociology
of the Brest State A. S. Pushkin University*

e-mail: skakun.ev@yandex.ru

УГРОЗЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются основные тенденции демографических процессов в Республике Беларусь. Дана характеристика основным демографическим проблемам, которые представляют угрозу для демографической безопасности. Проведен сравнительный анализ основных демографических показателей: рождаемость, количество браков и разводов, масштабы миграции. Перечислены основные причины смертности населения. Тенденции развития демографической ситуации в Беларуси свидетельствуют, что проблемы стабилизации населения и создание предпосылок для ее последующего роста остаются острыми и требуют дальнейшего государственного регулирования.

Ключевые слова: демографическая безопасность, демографические процессы, депопуляция, миграционная политика.

Threats to Demographic Security the Republic of Belarus

The article examines the main trends in demographic processes in the Republic of Belarus. The characteristics of the main demographic problems that pose a threat to demographic security are given. A comparative analysis of the main demographic indicators: fertility, the number of marriages, divorces, migration; lists the main causes of mortality in the population. Trends in the development of the demographic situation in the Belarus indicate that the problems of stabilizing the population and creating the prerequisites for its subsequent growth remain acute and require further government regulation.

Key words: demographic security, demographic processes, depopulation, migration policy.

Введение

Из глобальных проблем современности демографическая является одной из наиболее важных, т. к. связана с выживанием человечества. Происходящий в одной части мира демографический взрыв соседствует с демографическим кризисом в другой его части, обостряя социально-экономические противоречия в этих регионах и во всем мире в целом.

Демографическая проблема всегда была в центре внимания политиков, поскольку в связи с войнами, массовыми эпидемиями, природными катаклизмами государства, власть всегда нуждались в людских ресурсах.

Обеспечение демографической безопасности на основе национальной безопасности является одной из приоритетных задач Республики Беларусь. В Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь под демографической безопасностью понимается состояние защищенности

общества и государства от демографических явлений и тенденций, социально-экономические последствия которых оказывают негативное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь. Глобальные демографические тенденции, прежде всего старение населения в развитых государствах на фоне быстрого роста населения во многих развивающихся странах, усиление миграционных потоков, все более активно влияют на политическую ситуацию, экономическое состояние и этнокультурный ландшафт стран и регионов мира [1]. Таким образом, безопасность в демографической сфере заключается, с одной стороны, в устранении причин, вызывающих негативные тенденции в воспроизводственных процессах, в максимально возможном смягчении их последствий, а с другой – в профилактике их появления.

Основная часть

В свое время многие философы (Конфуций, Геродот, Платон, Аристотель)

пыталіся вызначыць прапарцыю паміж колькасцю абрабаванага зямлі, колькасцю насельніцтва і ідэальным дзяржаўствам. Прааналізаваны ступень суадносінаў рождаемасці, смертнасці, колькасці насельніцтва з формай дзяржаўнага ўстройства, тыпам улады пыталіся мысліцелі сярэневековага Ф. Аквінскі, Н. Макиавеллі, Т. Мор і многія іншыя. Індустрыяльная эпоха ўмоўляла пашырэнне росту колькасці насельніцтва. Д. Уільям, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтэск'е даказвалі, што многачысленнае і растуцье насельніцтва з'яўляецца найбольш важным прызнакам і галоўнай прычынай благасостаяння грамадства, і лічылі скарачэнне насельніцтва вельмі негатыўным з'яўленнем. Развіццё прамішляўства прывяло да ўзнікнення густонаселенных прамішленых цэнтраў, вялікіх гарадоў, а хуткае развіццё тэхнікі павялічыла эканамічную каштоўнасць чалавека. Калі на ранніх стадыях развіцця прамішленага капіталізму шырока выкарыстоўваліся праца дзяцей і жанчын, то на больш позніх яго стадыях нізкая кваліфікацыя працаўнікоў ператварылася ў тэрмаз тэхнічнага прагрэсу. На смену сістэме эксплуатацыі некваліфіцыраванай працоўнай сілы прыйшоў новы падыход да яе якасця, патрабаваўшы затрат на яе вытворчасць і захаванне [2, с. 63].

У ХХ ст. праблему ўзаемазалежнасці палітыкі і дэмаграфіі разглядалі палітолагі, філосафы, сацыялагі, эканамісты. Одним з першых, хто паспрабаваў звязаць паміж сабой палітыку, геаграфію і грамадства і вывучыць палітыку таго ці іншага народа ці дзяржавы, ісходзячы з яго геаграфічнага становішча і дынамікі колькасці насельніцтва, быў нямецкі геапалітык Ф. Ратцель. Ён прыйшоў да высновы: прасторанства – гэта найбольш важным палітыка-геаграфічным і дэмаграфічным фактарам.

Дзве сусветныя вайны, распаўсюджванне СССР, крызісныя з'яўленні ў эканаміцы, наступствы катастрофы на Чарнобыльскай АЭС, безумоўна, негатыўна паўплывалі на дэмаграфічную сітуацыю ў Рэспубліцы Беларусь. Так жа і скарачэнне тэрмаў жыцця было звязана з пагоршчэннем аховы здароўя, аховы грамадскага парадку, пагоршчэннем здароўя ў выніку зламаў звыклых узроставых жыцця, дэструктыўнага паводнення.

Аднак пры аналізе сучаснай сітуацыі неабходна ўлічваць не толькі вышпералічаныя фактары, але і доўга-тэрмавыя заканамернасці дэмаграфічнага развіцця Беларусі.

Так, зніжэнне рождаемасці ў канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. адбылося з-за неспрыяльнай паловавостнага структуры насельніцтва, калі ў актыўны дэтародны ўзрост увайшла параўнальна малачысленная група родзіўшыхся ў 1960-е гг. Характэрным для развітых краін дэмаграфічным пераходам Беларусі да новага тыпу вытворчасці насельніцтва так жа з'яўляецца заканамерным працэсам, праяўляющимся ў змяненні рэпрадуктыўнага паводнення ў напрамку зніжэння нормаў дэмнасці.

Вопросам дэмаграфічнага бяспекнасці Рэспубліка Беларусь заўсёды ўважала павышанае ўвага, т. к. ад іх рашэння залежыць развіццё эканаміцы, сацыяльнага сфера, бяспекнасць краіны і яе роля ў міжнародным грамадстве. Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Г. Лукашэнка 19 красавіка 2019 г. ў сваім абрачэнні з гадавым Пасланнем беларусскаму народу і Нацыянальнаму сабраўню Рэспублікі Беларусь адметылі: «Усе краіны сусвету, асабліва развітыя, сёння азаданыя вопытам дэмаграфіі. Для нас даная тема так жа актуальна і важна. Гэта вопыт будучага, нашай дзяржаўнасці і нашай нацыянальнага ідэнтычнасці» [3].

Меры дзяржаўнага ўздзеяння на дэмаграфічныя працэсы змяшчаюцца ў Канцэпцыі Нацыянальнага стратэгіі ўстойлівага развіцця Рэспублікі Беларусь на перыяд да 2035 г., ў Дзяржаўнага праграме «Здароўе народа і дэмаграфічная бяспекнасць» на 2021–2025 гг.

Канцэпцыя Нацыянальнага бяспекнасці Рэспублікі Беларусь вызначыла асновныя інтэресы нашай краіны ў дэмаграфічнага сфера і нацеліла дэмаграфічную палітыку на пераадоленне негатыўных тэндэнцый і фарміраванне спрыяльных умоў для дэмаграфічнага развіцця і росту колькасці насельніцтва краіны [1].

У ст. 33 Канцэпцыі Нацыянальнага бяспекнасці Рэспублікі Беларусь сказана: «У дэмаграфічнага сфера ўнутранымі крыніцамі угроз нацыянальнага бяспекнасці з'яўляюцца:

1) неблагоприятная половозрастная структура населения;

2) уровень рождаемости, не обеспечивающий простое замещение родительских поколений;

3) снижение степени социальной потребности в детях;

4) высокий уровень смертности граждан в возрасте, наиболее благоприятном для обеспечения воспроизводства населения;

5) негативные трансформации института семьи (высокий уровень разводов, увеличение числа неполных семей с детьми, социальное сиротство и иное)» [1].

Характерные для развивающихся стран высокая смертность и высокая рождаемость в Европе сменились сначала относительно повышенной рождаемостью и высокой смертностью, а затем – низкой рождаемостью и низкой смертностью. В результате началось относительное старение обществ.

Если рассматривать Беларусь, то на протяжении всех послевоенных лет, вплоть до начала 1990-х гг., численность населения страны постоянно росла. Однако интенсивность этого роста начала снижаться уже с начала 1970-х г. Впервые смертность превысила рождаемость в 1993 г., и страна вступила в качественно новый период своего развития – депопуляцию [4, с. 11].

Депопуляция – далеко не уникальное явление в мире и наблюдается во многих странах Европы, причем не только постсоветских. Так, во Франции депопуляция отмечалась еще в 1940-е гг., в Германии – с начала 1970-х гг. и длится до сих пор. С начала 1980-х гг. депопуляция началась в Венгрии, а с середины 1990-х – еще более чем в десятке стран Европы: Беларуси, Болгарии, Греции, Италии, Латвии, Литве, Молдове, России, Румынии, Словении, Украине, Чехии, Швеции, Эстонии. Так, за 2014 г. за счет естественного движения уменьшилось население Украины (–3,9 %), Болгарии (–5,2 %), Латвии (–4,1 %), Эстонии (–1,3 %) и Венгрии (–3,8 %) [5, с. 502].

В 2009 г. по данным переписи население Республики Беларусь составляло 9 млн 489 тыс. человек. Данные переписи 2019 г. показали, что население Беларуси составляет 9 млн 413 тыс. человек. Если сравнить данные переписи 1999 и 2009 гг., то население уменьшилось на 556 тыс. человек. Если

сравним данные переписи 2009 и 2019 гг., то увидим, что за этот период население уменьшилось еще на 76 тыс. человек [6]. На начало января 2021 г. в Беларуси проживали 9 349 645 человек.

Среди причин смертности населения в 2019 г. лидируют заболевания системы кровообращения, приводящие к инфарктам и инсультам. На втором месте – новообразования. Такое распределение соответствует общемировой статистике. Определенную долю составляет смертность от внешних причин. В эту категорию включается безвременная кончина людей трудоспособного возраста [7].

Если рассматривать внешние причины смертности, то в 2019 г. она составила 7 552 случая и несколько снизилась по сравнению с 2018 г. (8 012 смертей). Из этого общего количества 420 человек утонули (в 2018 г. – 449); 1 619 покончили жизнь самоубийством (в 2018 г. – 1 806); 263 были убиты (в 2018 г. – 305); 1 497 скончались от отравления алкоголем (в 2018 г. – 1 476); 1 064 погибли в результате случайных падений; 520 умерли при несчастных случаях, вызванных воздействием дыма, огня и пламени (в 2018 г. – 570); 710 смертей пришлось на транспортные происшествия (в 2018 г. – 759) [7]. Внешние причины смертности в большей степени касаются трудоспособного населения. И если мы сравним данные Белстата по всем видам смертей людей по внешним причинам, то увидим, что в большей степени погибает больше мужчин, чем женщин. Тем более в 2020–2021 гг. из-за COVID-19 изменится структура причин смертей в сторону увеличения количества смертей от болезней органов дыхания.

Согласно прогнозу демографов, в ближайшие 15 лет численность населения Беларуси сократится. Сокращение численности населения страны будет происходить вследствие отрицательного естественного прироста. По их мнению, наибольшие демографические потери понесет сельская местность, тогда как ситуация в городах будет более благоприятной. К 2030 г. городское население увеличится на 2,6 % (с 7,22 до 7,41 млн человек), а его доля достигнет 80 %.

В то же время ожидается, что численность сельского населения сократится в

прогнозируемом периоде почти на 400 тыс. человек и составит в 2030 г. 1,85 млн человек. Причем численность населения уменьшится во всех регионах, за исключением Минска, население которого будет увеличиваться медленными темпами [8].

Начиная с 2004 и по 2015 г. в Беларуси наблюдался рост рождаемости. В 2007 г. количество рожденных детей впервые за долгие годы превысило сто тысяч – 103 626 детей. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2015 г. родилось 119 028 детей, в 2016 г. – 117 779, в 2017 – 102 556, в 2018 г. – 94 042, в 2019 г. – 87 602. Начиная с 2016 г. мы опять наблюдаем снижение уровня рождаемости. Кстати, в 2019 г. был исторический минимум рождаемости за период с 1945 г. Таким образом, естественная убыль населения за 2019 г. составила 33 066 человек. Это на 7 055 человек больше, чем в 2018 г.

Специалисты отмечают, что в последнее время стали заметны черты «европейского» репродуктивного поведения у населения Беларуси. Это проявляется в стремлении населения к самореализации, карьерному росту, высоким стандартам потребления, жизни для себя (включая путешествия, развлечения и др.). Молодые люди не спешат создать семью. А если даже и создают, то только в не заключенном браке. Как мы понимаем, в такой семье не спешат заводить детей. Все же в большей степени превалирует материальное обеспечение семьи. А это и хорошая зарплата, и решение жилищного вопроса. Однако откладывание деторождения на более поздний срок приводит к снижению вероятности рождения детей в семье, в том числе вероятности появления второго ребенка и последующих детей из-за имеющихся объективных возрастных ограничений (включая заболевания женщин и мужчин). Все эти факты говорят о том, что одной из причин складывающейся демографической ситуации в стране является изменение менталитета в сторону уменьшения количества детей.

Как и для многих европейских государств, для Беларуси характерна тенденция увеличения среднего возраста женщин при рождении первого ребенка. Если в 2013 г. средний возраст женщины при рождении ребенка составил 28 лет (при рождении первенца – 25,4 года), то в 2018 г. при рожде-

нии ребенка он составил 29,4 года, а при рождении первого – 26,7 лет.

Характерную тенденцию увеличения среднего возраста мы наблюдаем и при вступлении в первый брак: если в 2013 г. у женщин составлял 25 лет, а у мужчин – 27,1 года, то в 2019 г. у женщин – 26,1 года, у мужчин – 28,3 года.

В 2004 г. показатель суммарной рождаемости составлял 1,2 ребенка на каждую женщину, в 2010 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,49 на одну женщину. В 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился до 1,448, то в 2019 г. он уже составил 1,382. Такие показатели не обеспечивают в стране уровня простого воспроизводства населения. Учитывая нынешний суммарный коэффициент рождаемости, мы видим, что белорусы, как нация вымирают. Чтобы воспроизводить население, необходим суммарный коэффициент 2,15.

Еще одной причиной падения рождаемости является вступление в репродуктивный возраст поколений 1990-х и первой половины 2000-х гг., когда наблюдалась «демографическая яма».

При этом на фоне падения рождаемости продолжает стремительно сокращаться количество зарегистрированных браков в республике. Так, по данным Белстата, в 2018 г. было зарегистрировано 60 714 браков, что является минимальным показателем за последние 14 лет (начиная с 2004 г.). В 2019 г. количество зарегистрированных браков увеличилось до 62 744, в 2020 г. – 50 384. В 2020 г. по количеству браков лидировал г. Минск (15,5 тыс.). На 1 000 жителей в городе регистрируется 5,8 браков и в сельской местности – 3,8.

Вместе с тем в Беларуси наблюдается высокий уровень разводов. По данным Белстата, в 2018 г. развелись 33 152 пары, то в 2019 г. – 34 470. Если за первые три месяца 2019 г. развелись 8 570 пар, то за аналогичный период 2020 г. это количество увеличилось на 5 % – до 9 000. Количество разводов в Минске увеличилось на 12 %, а в Минской области – на 35 %. Тенденция характерна для всех областей, кроме Могилевской. Большой процент разводов составляют семьи, прожившие менее пяти лет. Если в 2018 г. на 1 000 браков приходилось 546 разводов, то в 2019 г. – 549 разводов.

И если статистику заключения браков в 2020 г. можно оправдать эпидемиологической ситуацией или тем, что он високосный, то число разводов пугает и заставляет задуматься, какое будущее у самой малой, но очень важной ячейки общества.

Наша страна вступила в долгий период сокращения численности населения, его старения, перехода к однодетной семье, ухудшения экологической обстановки, роста числа опасных заболеваний. Снижение рождаемости и старение населения – общая проблема европейских стран. Так, при сохранении существующей демографической тенденции население Германии к 2060 г. может сократиться приблизительно на 17 млн человек.

Основным внешним источником угроз национальной безопасности в демографической сфере является рост потока незаконных мигрантов в Беларусь или через ее территорию [1].

Современная миграция представляет собой многогранное явление, влияющее на все стороны развития общества и охватывающая практически все государства мира. В то время как одни переезжают в поисках лучшей работы, образования, экономических благ или для воссоединения с семьей, другие вынуждены бежать от конфликтов, терроризма или нарушений прав человека.

Сегодня мы наблюдаем интенсивное расширение миграционных потоков и вместе с тем, процесс миграции стал составляющим фактором всех глобальных изменений. Так, по данным ООН, в 2019 г. число мигрантов в мире достигло отметки в 272 млн. В 2000 г. число мигрантов составляло порядка 173 млн человек. Однако доля международных мигрантов в общем числе жителей планеты почти не меняется в течение последних десятилетий: 3,4 % в 2017 г., 2,8 % – в 2000 и 2,3 % – в 1980 г.

Для одних миграция является вопросом выбора, для других – вопросом жизни и смерти. На сегодня в мире насчитывается 70 млн принудительно перемещенных лиц, включая 26 млн беженцев, 3,5 млн искателей убежища и более 41 млн внутренне перемещенных лиц [9].

По данным Белстата, в 2019 г. из Беларуси уехали 20 976 человек. В 2020 г. эта цифра заметно выросла. Например, в 2018 г. эмигрантов было 15,2 тыс., в 2017-м –

15 тыс., а десять лет назад, в 2009-м, и вовсе 7,6 тыс. Больше половины мигрантов предпочли страны СНГ (12,9 тыс.), остальные выехали за пределы СНГ. Среди стран лидируют Россия, Украина, Туркмения, Польша, Израиль [10].

В тоже время в 2019 г. в нашу страну для занятия трудовой деятельностью прибыло свыше 20,8 тыс. иностранцев. Это на 4,7 тыс. больше, чем в 2018 г.

По данным Департамента по гражданству и миграции МВД наибольшее количество прибывших в Беларусь трудовых мигрантов составили россияне (6,7 тыс., или каждый третий специалист). Почти каждый пятый трудоустроенный – гражданин Китая (4,3 тыс.). В тройку стран по числу прибывших к нам на работу иностранцев вошла Украина (3,1 тыс.).

В разделе 4.1 Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г. «Предусматривается разработка Концепции государственной миграционной политики, в которой найдут отражение дополнительные механизмы привлечения и эффективного использования иностранной рабочей силы, в том числе высококвалифицированных специалистов» [11].

Разработка такой концепции на сегодня необходима. Но что мы видим. Если в Государственную программу «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2016–2020 гг. была включена подпрограмма «Внешняя миграция», то в этой же программе на 2021–2025 такая подпрограмма уже отсутствует.

Но, разрабатывая концепцию, необходимо учитывать международный и отечественный опыт в сфере управления миграционными процессами. И в первую очередь можно обратиться к опыту России и европейских стран. Пассивная позиция государства в миграционной сфере приводит к выезду из страны высококвалифицированных специалистов, молодежи и прибытию населения, как правило, с низкими качественными характеристиками. А уезжают в основном граждане в возрасте 18–35 лет, самая мобильная часть населения и в большей степени – мужчины.

В Российской Федерации еще в 2012 г. принята Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 г.,

которая представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции [12].

При этом страны Западной и Южной Европы пополняют естественную убыль населения за счет миграционного прироста, и в целом население этих государств увеличивается. Беларусь в 2019 г. – единственная из постсоветских государств, которая тоже имеет положительный миграционный прирост со всеми государствами СНГ и странами Балтии, но он невелик и не компенсирует убыль за счет естественного движения. В результате население страны уменьшается.

В последние годы человечество столкнулось еще с одной проблемой, которая также затрагивает и демографическую сферу. Это эпидемия коронавируса, последствия которой никто не берет за предсказать. Для одних пандемия укрепляет семьи, а для других – разваливает до основания. И здесь нельзя обойти стороной такой факт, что распространению нового коронавируса в некоторой степени способствовали в том числе и всевозможные потоки международной миграции.

Заключение

1. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 гг. ориентирована на создание условий для улучшения здоровья населения с охватом всех этапов жизни, повышения качества и доступности услуг системы здравоохранения. Госпрограмма состоит из шести подпрограмм. Она всем хороша, но не учитывает того, что в настоящее время во многих семьях наблюдается изменение менталитета населения в сторону снижения количества детей. Об этом говорят исследования в Европе, России и в Беларуси. В 2017 г. в Республике Беларусь в рамках международной исследовательской программы «Поколение и гендер» было проведено социологическое исследование на тему «Формирование семьи, стабильность семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов». Исследование проводил Центр социологических и политических исследований БГУ при поддержке Министерства труда и социальной защиты в рамках проекта международной

технической помощи Фонда ООН в области народонаселения. Предварительные результаты исследования для обсуждения были опубликованы в 2018 г. в работе «Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение». Исследование показало, что большинство женщин ориентировано на рождение хотя бы одного ребенка к 29 годам. Декретный отпуск по уходу за ребенком с выплатой пособия в Республике Беларусь длится три года. Это один из самых продолжительных в мире. В большинстве европейских стран он не превышает 2-3 месяца. Тем более существенные меры поддержки семей с детьми направлены не на рождение 1-го и 2-го ребенка, а на стимулирование рождения 3-го и последующих детей. Мы видим, что меры государственной семейной политики плохо работают. А может попытаться создавать такие условия, чтобы женщины выходили из отпуска по уходу за ребенком раньше, чем через три года. Но чтобы этого достичь и заинтересовать женщин, необходимо развивать систему детских садов и яслей. И, конечно, наличие стабильной экономики.

2. Государству необходимо принимать меры по повышению рождаемости. Этими мерами могут быть программы по обеспечению жильем, развитие института ипотечного кредитования. В 2020 г. Президент Республики Беларусь подписал указ № 130 «Об ипотечном жилищном кредитовании». На данный момент в Беларуси ипотечное кредитование неразвито, т. к. ставки кредитов высоки – 21%. В мировой практике ипотека начинает работать, когда ставки по кредитам не превышают 5%, а сроки на выдаваемые кредиты достигают 25 лет и больше.

3. Последствия депопуляции и старение населения связаны с абсолютным сокращением экономически активного населения и увеличением нагрузки на систему здравоохранения и социальной защиты.

В 2016 г. Президентом Республики Беларусь был подписан указ о повышении пенсионного возраста на три года. Документ предполагает поэтапное повышение пенсионного возраста у мужчин до 63 лет и у женщин до 58. С одной стороны, это сократит долю населения пенсионного возраста, а с другой – увеличит отчисления в бюджет государственного внебюджетного фонда

соцзащиты населения. Пенсионная реформа до конца не решит всех проблем в экономике. Все-таки в первую очередь необходимо существенно увеличивать продолжительность жизни. Сохраняющаяся разница продолжительности жизни между мужчинами и женщинами в 12 лет – серьезная проблема для Беларуси. В большей степени она вытекает из образа жизни. Такие социальные явления, как злоупотребление алкоголем, курение, гиподинамия, ведут в большей степени к сокращению мужского населения.

4. Необходимо также развивать накопительное пенсионное страхование, чтобы человек начиная с 40 лет накапливал себе на пенсию через различные инструменты фондового рынка, чтобы, выйдя на пенсию, он смог полноценно отдохнуть, а не думать, как прожить на пенсии.

5. Сегодня мы видим, что кризис в демографической сфере является отражением продолжающейся деградации традиционных семейных ценностей и негативных явлений в социальной и экономической сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by>. – Дата доступа: 05.05.2021.
2. Ящук, А. И. Демография и национальная безопасность / А. И. Ящук // Беларусь. думка. – 2016. – № 3. – С. 63–69.
3. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 19 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/>. – Дата доступа: 02.09.2021.
4. Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 424 с.
5. Человеческий потенциал Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 716 с.
6. В стране нас стало меньше, в Минске – больше. Первые итоги переписи населения – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/673264.html>. – Дата доступа: 13.05.2021.
7. По данным Белстата, население Беларуси сокращается [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ritual.by/info/articles/po-dannym-belstata-naselenie-belarusi-sokrashchaetsya>. – Дата доступа: 23.08.2021.
8. Доля городского населения Беларуси возрастет к 2030 году до 80 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/432954.html>. – Дата доступа: 01.09.2021.
9. Миграция [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration>. – Дата доступа: 13.05.2021.
10. Сколько человек из Беларуси уезжает на заработки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zautra.by/news/skolko-chelovek-iz-belarusi-uezzhaet-na-zarabotki>. – Дата доступа: 03.05.2021.
11. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Дата доступа: 17.08.2021.
12. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046. – Дата доступа: 02.08.2021.

REFERENCES

1. Konceptcija nacional'noj biezопасnosti Rieszpubliki Bielarus' [Elektronnyj riesurs] : Ukaz Prezidenta Rieszp. Bielarus', 9 nojab. 2010, № 575. – Riezhim dostupa: <http://www.prokuratura.gov.by>. – Data dostupa: 05.05.2021.

2. Yashchuk, A. I. Diemografija i nacional'naja bezopasnost' / A. I. Yashchuk // *Biellarus. dumka*. – 2016. – № 3. – S. 63–69.
3. Poslanije Priezidenta Riepubliki Biellarus' A. G. Lukashenko bieloruskomu narodu i Nacional'nomu sobraniju Riepubliki Biellarus' 19 aprielia 2019 g. [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://pravo.by/document/>. – Data dostupa: 02.09.2021.
4. Diemografichieskaja situacija, chieloviechieskij i social'nyj kapital Riepubliki Biellarus': systemnyj analiz i ocenka / S. Yu. Solodovnikov [i dr.]. – Minsk : Biellarus. navuka, 2008. – 424 s.
5. Chieloviechieskij potencial Riepubliki Biellarus' / S. Yu. Solodovnikov [i dr.]. – Minsk : Biellarus. navuka, 2009. – 716 s.
6. V strane nas stalo mien'she, v Minskie. Piervyje itogi pieriepisi nasielienija – 2019 [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://news.tut.by/society/673264.html>. – Data dostupa: 13.05.2021.
7. Po dannym Bielstata, nasielienije Biellarusi sokrashchajetsia [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://ritual.by/info/articles/po-dannym-belstata-naselenie-belarusi-sokrashchaetsya>. – Data dostupa: 23.08.2021.
8. Dolia gorodskogo nasielienija Biellarusi vozrastiot k 2030 godu do 80 % [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://news.tut.by/society/432954.html>. – Data dostupa: 01.09.2021.
9. Migracija [Elektronnyj riesurs] // Organizacija Objedinionnykh Nacij. – Riezhim dostupa: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration>. – Data dostupa: 13.05.2021.
10. Skol'ko chieloviek iz Biellarusi na zarabotki [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://zautra.by/news/skolko-chelovek-iz-belarusi-uezzhaet-na-zarabotki>. – Data dostupa: 03.05.2021.
11. Koncepcija Nacional'noj strategii ustojchivogo razvitija Riepubliki Biellarus' na peiriod do 2035 goda [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf>. – Data dostupa: 17.08.2021.
12. Koncepcija gosudarstviennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Fiedieracii na peiriod do 2025 goda [Elektronnyj riesurs] // ConsultantPlus. Rossija. – Riezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046. – Data dostupa: 02.08.2021.

Руканіс наступіў у рэдакцыю 30.10.2021

УДК 32.01

Александр Сергеевич Рыжий

*магистр полит. наук, преподаватель каф. политологии,
аспирант 1-го года обучения каф. политологии
Белорусского государственного университета*

Aliaksandr Ryzhy

*Master of Political Science, Lecturer of the Department of Political Science,
1-st Year Graduate Student of the Department of Political Science
of Belarusian State University
e-mail: ryzhy@bsu.by*

СРАВНЕНИЕ РЕФОРМ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Статья посвящена сравнению процессов реформирования административно-территориального устройства в Польше, Литве, Молдове и Латвии с конца 1980-х гг. по настоящее время. Отмечены достоинства и недостатки реформ, выделены две волны процессов реформирования в рассматриваемых странах. Сделан вывод о невозможности перенесения аналогичных эффектов административно-территориальных реформ из одного государства в другое.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, административно-территориальное устройство, административно-территориальная единица, децентрализация, реформа.

Comparison of Reforms of the Administration Territorial Structure in Foreign Countries

The article is devoted to the comparison of the processes of reforming the administrative-territorial structure of the state in Poland, Lithuania, Moldova and Latvia since the end of the 80s. XX century. The advantages and disadvantages of reforms are noted, two waves of reform processes in the countries under consideration are identified. The conclusion is made about the impossibility of transferring similar effects of administrative-territorial reforms from one state to another.

Key words: administrative division, administrative territorial structure, administrative territorial unit, decentralization, reform.

Введение

Административно-территориальное устройство (АТУ) представляет собой разделение территории государства на части, в соответствии с которым выстраивается система местных органов управления и самоуправления, а также формируется соотношение полномочий центральных и местных органов власти [1]. АТУ содействует реализации политических и экономических задач государства на определенной территории, позволяет более рационально использовать ресурсы страны, приближает население к органам власти, позволяет гражданам участвовать в реальном управлении делами общества и государства на локальной территории.

Реформа АТУ представляет собой административно-территориальное переустройство

государства путем уточнения границ, размеров, количества и уровней административно-территориальных единиц (АТЕ), перераспределения функций, изменения организационных структур региональных и местных органов управления и самоуправления и направлена на решение конкретных управленческих проблем [2, с. 30]. Среди исследователей проблематики АТУ можно выделить авторов польской административно-территориальной реформы М. Кулешу, Е. Регульского, З. Дзембовского, А. Пекара, А. Ковалевского. В исследования молдавской проблематики реформирования представляют интерес работы А. Герцена и А. Макухина. Политико-социальные аспекты административно-территориальных изменений в Литве и Латвии нашли отражение в работах В. Вардаса, А. Бексты, А. Петкевича, Л. Мажылиса, Л. Рабиновича.

Целью статьи является определение причин трансформаций административно-территориального устройства в Польше, Литве, Молдове, Латвии и выявление тен-

---

Научный руководитель – Н. А. Антанович, доктор политических наук, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

денций в процессах административно-территориального реформирования в данных государствах.

Польша. Административная реформа

Реформирование в Польше осуществлялось по двум направлениям: реформа территориальной организации страны и децентрализация.

Административная реформа 1999 г. заменила двухуровневое административное деление (*воеводства – гмины*) на трехуровневое (*воеводства – повяты – гмины*). Целью реформы являлось создание эффективных органов местного управления и самоуправления, как с точки зрения территории, так и предоставления им компетенций и самостоятельности в системе постсоциалистического государства. Польшей был взят курс на вступление в Европейский союз, поэтому государственные институты должны были соответствовать уровню администраций членов ЕС, включая создание местного самоуправления на всех уровнях территориального деления. С этой целью вводилось трехуровневое территориальное деление и формировалось местное самоуправление на каждом из уровней. Также проводилась *децентрализация и деконцентрация* – перераспределение полномочий в пользу местных органов государственного управления и самоуправления. Повышались возможности участия местного самоуправления в определении государственных расходов [3]. В настоящее время большая часть собранных налогов не отправляется в центр, а остается и осваивается в рамках компетенций местных властей.

При формировании *воеводств* с целью минимизации возможных социальных конфликтов вокруг создания новых АТЕ, польское правительство не выделяло потенциальные регионы в случае отсутствия явного центра [4]. При формировании сети *повятов* полагались на существующие социальные и институциональные связи в гораздо большей степени, чем в случае построения *воеводств*. Несмотря на упразднение *повятового* уровня в 1975 г., многие местные связи оставались функциональными [5]. Одной из основных проблем построения *повятов* было расположение в них крупных городов. Эта проблема была решена путем предоставления 65 городам стату-

са *повятов*. Предоставление прав *повятов* предусматривалось двум основным категориям: городам с населением более 100 тыс. человек и городам, которые потеряли статус центра *воеводства* в ходе реформы.

Следует отметить, что в 30 городах из 33, которые лишились статуса центра *воеводства* в результате реформы, началось замедление экономического развития и постепенное снижение численности населения [6]. Став административным центром, город получал дополнительный мощный стимул развития, автоматически приобретая «точки роста». А, наоборот, лишившись статуса центра, город постепенно замедляется в развитии.

В результате реформы нижний уровень территориального самоуправления (уровень *гмин*) обрел в среднем 15 тыс. жителей, уровень *повятов* – в среднем 100 тыс. человек, а *воеводство* – в среднем 2,4 млн жителей. С момента проведения реформы было образовано 7 *повятов* и 2 *гмины*, при этом ликвидировано 15. Также происходили незначительные корректировки границ АТЕ. Данные факты свидетельствуют об устоявшемся административно-территориальном устройстве в Польше.

Таким образом, в результате реформы социалистическое централизованное административное устройство государства было существенно преобразовано: укрупнены *воеводства*, восстановлены *повяты*; на каждом из трех уровней АТУ создана институциональная основа местного самоуправления и их финансового обеспечения.

Реформа административно-территориального устройства 1999 г. в Польше считается успешной. Практика показала приемлемость территориального облика созданных структур. В настоящее время государство делится на 16 *воеводств*, 380 *повятов* и 2 477 *гмин* [7].

Административно-территориальная реформа в Литве

В Литве процесс формирования местных органов власти и совершенствования территориально-административной организации был продекларирован накануне обретения независимости в 1990 г. Конкретные шаги были предприняты спустя пять лет, когда в 1995 г. было принято решение о

проведении первого этапа административно-территориальной реформы [8, с. 9].

На первом этапе реформы двухуровневое административно-территориальное деление, в котором с советских времен существовали территориальные единицы пяти категорий (области, крупные города, районные центры, поселки городского типа и поселения), было заменено более простым. Административные единицы создавались на двух территориальных уровнях. Количество категорий единиц было сокращено до двух, а их общее число с 581 сократилось до 66. В результате реформирования первый уровень оказался представлен 10 *округами (apskritis)*. На втором уровне было сформировано 56 *муниципалитетов (savivaldybė)*, в том числе 44 сельских и 12 городских [2, с. 48]. Единственной инициативой, которая была реализована до конца на данном этапе, – упразднение райцентров, поселков городского типа и местечек.

Сформированные литовские муниципалитеты получились неоднозначными. Так, города Вильнюс и Неринга, Каунас и Риетавас различались по численности населения в несколько десятков раз. 6 из 60 представляли собой «круглые» муниципалитеты, расположенные вокруг крупных городов. Эти обстоятельства обострили ряд проблем: администрации оказались неспособны обеспечивать быстрое и качественное управление местными делами, предоставлять общественные услуги населению в соответствии с фактическими общественными связями, что привело к пассивности участия и низкой заинтересованности жителей в общественных делах [9, с. 233].

Чтобы устранить недостатки, было запланировано проведение второго этапа реформирования на середину 2000-х гг.: предполагалось создание новых местных органов власти, а их количество должно было увеличиться с 66 до 93. В связи с тем что проведение очередного этапа реформы потребовало значительных расходов, второй ее этап не был реализован [2, с. 49].

Накопленные дисфункции АТУ привели к тому, что в 2010 г. в Литве была проведена новая административная реформа, в ходе которой были упразднены администрации округов. 10 округов стали территориальными и статистическими единицами, которые используются для нужд государст-

венной статистики и планирования. Среди причин проведения такой реформы отмечалось неспособность передать администрациям округа функции и полномочия государственного управления, недостаточное финансирование, необходимое для их выполнения, дублирование некоторых функций параллельной сети региональных отделений центральных органов власти, а также социально-экономическое различие между округами [10].

Таким образом, литовская реформа 2010 г. стала уникальной с точки зрения упразднения целого уровня АТУ. Функции округов были переданы муниципалитетам, которые стали первым уровнем административно-территориального устройства Литвы. В настоящее время идет формирование третьего территориального уровня – *старшинств (seniūnaitija)*, которые являются представительством местных сообществ. Стоит отметить, что на первом уровне отсутствовало самоуправление, таким образом, произошла ликвидация округов административного уровня управления, а взамен создана структура локального территориального самоуправления.

Сейчас административно-территориальное устройство Литвы имеет такой вид: первый уровень – 60 *муниципалитетов (savivaldybė)*, второй – 546 *коммун (seniūnija)*, третий – *старшинств (seniūnaitija)*, которые находятся в процессе формирования [11].

Территориальные трансформации в Молдове

В Молдове за короткий промежуток времени с момента обретения независимости были проведены три административно-территориальные реформы: в 1995, 1998 и 2002 гг. Предполагается еще одна. С обретением независимости в 1991 г. и до конца 1994 г. Молдова сохраняла советскую систему территориальной организации власти, заменив лишь часть наименований [12].

Согласно реформе 1995 г. вместо городов республиканского подчинения вводилось понятие «*муниципий*» – населенный пункт городского типа, который играет особую роль в жизни страны. Статус *муниципия* был установлен для Кишинева, Бельцов, Бендер и Тирасполя. Вместо сельсоветов вводились *коммуны*, объединяющие одно или несколько сел [13, с. 129]. Таким

образом, это означало лишь изменение топонимики.

В 1998 г. была проведена вторая административно-территориальная реформа, в результате которой были упразднены районы и осуществлен переход к делению Молдовы на *уезды*, т. е. к системе, аналогичной румынской [13, с. 133].

После того как в 2001 г. на парламентских выборах победу одержала Партия коммунистов, парламентское большинство в 2002 г. провело обратную реформу: были упразднены уезды и вновь введено деление на районы [13, с. 135].

Согласно стратегии реформирования 2023 г. предлагается упразднить существующие 32 района и объединить их в регионы. Количество примэрий (органов управления нижнего уровня) предлагается изменить путем объединения трех-четырёх примэрий в одну. Для сравнения: в Польше с населением 38,6 млн человек существует 2 477 *гмин*, в Молдове при численности населения в 3 млн человек существует 898 *примэрий*. Согласно самому радикальному варианту, своего рода «балтийской модели», в Молдове может остаться 111 *примэрий* вместо 898, а районы могут быть полностью ликвидированы [14].

Таким образом, процессы реформирования в Молдове, связаны с противоборством политических сил, которые сменялись в руководстве страны. Реализуя собственные программы, сторонники того или иного устройства реализовывали проекты, слабо связанные с экономической, инфраструктурной или экологической спецификой молдавских регионов. Проблемы анклавных территорий фундированы этноязыковыми особенностями. Вопросы децентрализации системы власти на местах остались без должного решения и оставляют желать лучшего с позиции прозрачности, а также возможности оценки реального уровня эффективности и обратной связи по итогам использования привлеченных средств.

Эти факты свидетельствуют о противоречивом опыте реформирования административно-территориального устройства в Молдове. Среди положительных моментов отмечают наделение статусом региона территорий компактного проживания гагаузов: столкнувшись с угрозой сепаратизма, молдавские власти решили избежать конфликта

правовым путем. Также удалось установить относительное единообразие АТЕ. Однако для государства с небольшой площадью и численностью населения ныне существующая двухуровневая система является крайне усложненной: первый уровень – 32 *района* и 13 *муниципиев*, автономное территориальное образование Гагаузия и административно-территориальные единицы *левобережья Днестра*, второй уровень – 60 *городов*, 917 *коммун*, 699 *сел* и 2 *муниципии* второго уровня [14].

Административно-территориальные реформы в Латвии

Для Латвии, как для Литвы и Польши, вопросы административно-территориальной реформы возникли после распада СССР во многом из-за стремления к интеграции в ЕС. Однако в Латвии пошли по иному пути, проводя в первую очередь реформы местного управления и самоуправления и лишь незначительные территориальные. Устройство Латвии после восстановления независимости и до 2009 г. состояло из двух уровней: нижний (485 сельских, 70 районных и 7 городских муниципалитетов) и высший (26 округов и 7 городов республиканского подчинения). Города одновременно были представлены на обоих уровнях.

В 2009 г. в результате административно-территориальной реформы вместо прежних 553 муниципалитетов были созданы 109 краев, а 9 городов получили статус республиканских. Кроме того, было решено переименовать все городские и сельские районы в *приходы*, восстановить их исторические названия. Объединенные административные территории города и приходы в крае приобрели статус территориальной единицы *края*. Новая сеть административно-территориальных единиц была основана на следующих условиях. Краем может считаться территория, на которой постоянно проживают не меньшей, чем 4 тыс. человек, а в *краеобразующем городе* или поселке – не меньше 2 тыс. Расстояние от администрации края до любого населенного пункта в нем не должно превышать 50 км [15].

Ряд муниципалитетов категорически возражали против слияния в определенные края, отдавая предпочтения другим вариантам или сохранению прежнего статуса. Ре-

форма, несмотря на свое официальное завершение к 1 июля 2009 г., все же является незавершенной. На практике возникло расхождение с законодательной регламентацией. Около трети образованных единиц не подходят под законодательно закрепленные условия, а значит, край подлежит укрупнению [15].

Возникшая раздробленность системы АТУ в Латвии усиливает территориальные различия и негативные социально-экономические тенденции. Проблема неравномерного экономического развития регионов не нова и повторяет ситуацию до 2009 г. Во многом проблему краев можно объяснить функционированием системы, при которой через общий фонд происходит перераспределение денежных средств от одного самоуправления края в другой для финансового выравнивания. Края в зависимости от экономического развития делятся на «доноров» и «реципиентов» [16].

Таким образом, экономически стабильные края не справлялись с нагрузкой при объединении с бедными районами. Это сравнительно небольшое число независимых муниципалитетов значительно сократилось после реформы, что в целом негативно повлияло на экономическое развитие страны. Данные обстоятельства вынудили правительство вновь обратиться к вопросу реформирования административно-территориального деления. Одним из решений данной ситуации заключается в запланированной реформе на 2021 г. В соответствии с Законом «Об административных территориях и жилых местах» предлагается значительное укрупнение краевых единиц. Предполагается создание 39 административных единиц: 5 городов национального значения (Даугавпилс, Юрмала, Лиепая, Резекне и Рига) и 34 края. В тоже время высока вероятность, что такие крупные финансово самостоятельные города, как Елгава и Вентспилс, после реформы они потеряют статус краев-доноров и будут зависеть от дотаций из Фонда выравнивания. Ожидается, что в результате реформы количество дотационных краев возрастет, как это произошло после реформы 2009 г. Это увеличит нагрузку на оставшихся малочисленных доноров и приведет еще к большему неравенству.

В настоящее время АТЕ в Латвии представлены 110 округами и 9 республи-

канскими городами на первом уровне и 494 приходами и 67 городами на втором [16].

Заключение

Из-за различий в структурах государственного управления и общественно-политических систем, а также традиций, реформы в Польше, Литве, Молдове и Латвии проходили по-разному. Для Польши было характерно возвращение к историческому трехуровневому устройству, в Литве корректировались унаследованные уровни, для Молдовы были характерны оба названных выше тренда. Латвия пошла иным путем, отдав предпочтение организационным реформам органов местного управления и самоуправления и лишь незначительным территориальным изменениям.

Количество управленческих уровней определяется масштабами страны. В странах с относительно большой территорией и численностью населения (Польша) государство имеет соответствующие большее число административно-территориальных уровней. Выбор между двумя и более уровнями административно-территориального устройства зависит от размеров страны, численности населения и неоднородности государственной территории, а также исторических традиций.

На основании рассмотрения процессов реформирования в Польше, Литве, Молдове и Латвии можно выделить первую волну реформ в этих странах – *постсоциалистическую (с 1989 по 2009 г.)*. Ее основная характеристика – акцент на демократизации и децентрализации государственной власти и управления, а также повышении роли населения в управлении на местном уровне. Общей тенденцией *постсоциалистических* реформ АТУ стало то, что в городах, лишенных статуса центра, шел отток жителей, финансов, и, наоборот, придание такого статуса давало толчок развитию города. Изменения АТУ, образование новых его единиц способствовали формированию сети ведущих центров. Став административным центром, город получал дополнительный стимул развития, становился приоритетной «точкой роста». Мы считаем, что выявленные тенденции показывают, что укрупнение ведет к ослаблению территорий, центры которых потеряли свой статус. Разукрупнение при реформировании спо-

собствовало развитию все большего числа регионов и городов, но недостаточная финансовая самостоятельность вела к неудовлетворительным последствиям.

Сходные проблемы постсоциалистической волны реформ: депопуляция в сельской местности и внутристрановая миграция, недостаточное наделение полномочий регионов для решения местных вопросов, в том числе финансов, способных быть притягательными для населения, сосредоточение большой численности в столице, образование АТЕ со значительными диспропорциями в численности и по площади, неравномерная доступность/удаленность от центра АТЕ.

Вторая волна – «современные» реформы АД (с 2009 по настоящее время). Она характеризуется увеличением полномочий региональных и муниципальных ад-

министраций, стимулированием их экономического развития, повышением самостоятельности АТЕ путем укрупнения единиц или полного расформирования уровней АТУ. Успешность построения территориальной организации государства, которая работает в одной стране, не обязательно приносит аналогичные эффекты в другой. При реформировании должны учитываться все условия, лежащие в основе эволюции конкретной страны. Несовершенство АТУ приводит к углублению диспропорций между территориями в экономических и социальных аспектах, к невозможности выработки эффективной системы регионального развития. Административно-территориальное деление должно корректироваться, решая проблемы и отвечая на вызовы современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 154-З : в ред. от 31 дек. 2014 г., № 229-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Местное самоуправление в Беларуси / В. Н. Кивель [и др.] ; под науч. ред. И. П. Сидорчук. – Минск : Тонпик, 2007. – 416 с.
3. Кулеша, М. Реформа публичной администрации в Польше (1989–1999 гг.). Идеи и люди [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yabloko.ru/Themes/SG/poland8999.html>. – Дата доступа: 30.06.2021.
4. Документ Сената Республики Польша об оценке нового территориального деления государства от 11 января 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ww2.senat.pl/k4/DOK/DR/500/538.htm>. – Дата доступа: 30.06.2021.
5. Społeczeństwa obywatelskie w państwach regionu Europy Środkowej i Wschodniej [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/eastern/article/view/3458>. – Дата доступа: 30.06.2021.
6. Główny Urząd Statystyczny [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.pl/statystyka-regionalna/jednostki-terytorialne/podzial-administracyjny-polski>. – Дата доступа: 30.06.2021.
7. Podział administracyjny Polski [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.pl/statystyka-regionalna/jednostki-terytorialne/podzial-administracyjny-polski>. – Дата доступа: 30.06.2021.
8. Lietuvos regioninės politikos BALTOJI KNYGA darniai ir tvariai plėtrai 2017–2030 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nrp.vrm.lt/data/public/uplo=ads/2018/01/baltoji_knyga_galutinis-2018-01-15.pdf. – Дата доступа: 30.06.2021.
9. Бекста, А. Местное самоуправление в Литве / А. Бекста, А. Петкевичус // Местное самоуправление в Центральной и Восточной Европе. – 248 с.
10. Mazyliis, L. Lietuvos teritorijos administracinė reforma: pirmojo etapo patirties įvertinimas [Электронный ресурс] / L. Mazyliis, L. Rabinovic. – Режим доступа: <https://www.vdu.lt/cris/-handle/20.500.12259/36561>. – Дата доступа: 30.06.2021.

11. Law on the Territorial Administrative Units and Their Boundaries [Электронный ресурс] / Lietuvos Respublikos Seimas. Parliamentary record. – 1996-01-01. – Nr 1. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.24729>. – Дата доступа: 30.06.2021.
12. Герцен, А. А. Административно-территориальное деление Молдавии в контексте историко-географических исследований Карпато-Днестровья / А. А. Герцен // Изв. Рос. акад. наук. Сер. геогр. – 2010. – № 2. – С. 25–39.
13. Макухин, А. Реформа административно-территориального деления и местного самоуправления в Республике Молдова: между институциональной теорией и политической практикой / А. Макухин // Eastern Review. – 2017. – Т. 6. – С. 129–142.
14. Варианты реформы в Молдове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/428685-evrosoyuz-moldaviya-dengi-reformu> – Дата доступа: 30.06.2021.
15. Law On Administrative Territories and Populated Areas Latvijas Vēstnesis, 202, 30.12.2008 [Электронный ресурс] // Latvijas Republikas Saeimas un Ministru Kabineta Ziņotājs. – 12.02.2009. – № 3. – Режим доступа: <https://likumi.lv/ta/en/id/185993-law-on-administrative-territories-and-populated-areas>. – Дата доступа: 30.06.2021.
16. Территориальная реформа в Латвии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lv.sputniknews.ru/politics/20200125/13115394/Territorialnaya-reforma-pod-Rigoy-ne-sпокоюно.html> – Дата доступа: 30.06.2021.

REFERENCES

1. Ob administrativno-territorial'nom ustrojstvie Rjespubliki Bielarus' [Eliكتروнный ресурс] : Zakon Rjesp. Bielarus', 5 maja 1998 g., № 154-Z.; v ried. ot 31 diek. 2014 g., № 229-Z // ETALON. Zakonodatiel'stvo Rjespubliki Bielarus' / Nac. centr pravovoj inform. Rjesp. Bielarus'. – Minsk, 2021.
2. Miestnoje samoupravlienije v Belarusi / V. N. Kivel' [i dr.] ; pod nauch. ried. I. P. Sidorchuk. – Minsk : Tonpik, 2007. – 416 s.
3. Kuliesha, M. Rieforma publicnoj administracii v Pol'she (1989–1999 gg.). Idiei i liudi [Eliكتروнный ресурс]. – Riezhim dostupa: <https://www.yabloko.ru/Themes/SG/poland89-99.html>. – Data dostupa: 30.06.2021.
4. Dokument Sienata Rjespubliki Pol'sha ob ocenkie novogo tierritorial'nogo dielienija gosudarstva ot 11 janvaria 2001 [Eliكتروнный ресурс]. – Riezhim dostupa: <http://ww2.senat.pl/k4/-DOK/DR/500/538.htm>. – Data dostupa: 30.06.2021.
5. Społeczeństwa obywatelskie w państwach region Europy Środkowej i Wschodniej [Электронный ресурс]. – Riezhim dostupa: <https://czasopisma.uni.lodz.pl/eastern/article/view/3458>. – Data dostupa: 30.06.2021.
6. Główny Urząd Statystyczny [Eliكتروнный ресурс]. – Riezhim dostupa: <https://stat.gov.pl/statystyka-regionalna/jednostki-terytorialne/podzial-administracyjny-polski>. – Data dostupa: 30.06.2021.
7. Podział administracyjny Polski [Eliكتروнный ресурс]. – Riezhim dostupa: <https://stat.gov.pl/statystyka-regionalna/jednostki-terytorialne/podzial-administracyjny-polski>. – Data dostupa: 30.06.2021.
8. Lietuvos regioninės politikos BALTOJI KNYGA darniai ir tvariai plėtrai 2017–2030 [Eliكتروнный ресурс]. – Riezhim dostupa: https://www.nrp.vrm.lt/data/public/uplo=ads/2018/01/baltoji_knyga_galutinis-2018-01-15.pdf. – Data dostupa: 30.06.2021.
9. Bieksta, A. Miestnoje samoupravlienije v Litvie / A. Bieksta, A. Pietkievichus // Miestnoje samoupravlienije v Central'noj i Vostochnoj Jevropie. – 248 s.
10. Mazylis, L. Lietuvos teritorijos administracinė reforma: pirmojo etapo patirties įvertinimas [Eliكتروнный ресурс] / L. Mazylis, L. Rabinovic. – Riezhim dostupa: <https://www.vdu.lt/cris/-handle/20.500.12259/36561>. – Data dostupa: 30.06.2021.
11. Law on the Territorial Administrative Units and Their Boundaries [Eliكتروнный ресурс] / Lietuvos Respublikos Seimas. Parliamentary record. – 1996-01-01. – Nr 1. – Riezhim dostupa: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.24729>. – Data dostupa: 30.06.2021.

12. Giercen, A. A. Administrativno-tierritorial'noje dielienije Moldavii v kontieksie istoriko-geografichieskikh issliedovanij Karpato-Dniestrov'ja / A. A. Giercen // *Izv. Ros. akad. nauk. Sier. geogr.* – 2010. – № 2. – S. 25–39.

13. Makukhin, A. Rieforma administrativno-tierritorial'nogo dielienija i miestnogo samoupravlienija v Riespublike Moldova: mezhdru institucional'noj teorijej i politichieskoj praktikoje / A. Makukhin // *Eastern Review.* – 2017. – T. 6. – S. 129–142.

14. Varianty rieformy v Moldovie [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://russian.rt.com/world/article/-428685-evrosoyuz-moldaviya-dengi-reformy>. – Data dostupa: 30.06.2021.

15. Law On Administrative Territories and Populated Areas Latvijas Vēstnesis, 202, 30.12.2008 [Elektronnyj riesurs] // Latvijas Republikas Saeimas un Ministru Kabineta Ziņotājs. – 12.02.2009. – № 3. – Режим доступа: <https://likumi.lv/ta/en/id/185993-law-on-administrative-territories-and-populated-areas>. – Дата доступа: 30.06.2021.

16. Tierritorial'naja rieforma v Latvii [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://lv.sputniknews.ru/politics/20200125/13115394/Territorialnaya-reforma-pod-Rigoy-ne-spokoyno.-html>. – Data dostupa: 30.06.2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 08.09.2021

УДК 327

Чжан Юйліньаспірант 2-го года обучения каф. международных отношений
Белорусского государственного университета**Zhang Yulin**2-nd Year Post-Graduate Student of the Department of International Relations
at the Belarusian State University
e-mail: xz936958658@sina.com**ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА МЕЖДУ КНР И ИНДИЕЙ**

В статье анализируется эволюция двусторонних дипломатических связей между Китаем и Индией с начала 1950-х гг. Выделено четыре этапа формирования политического диалога между странами. Анализируются факторы, которые способствовали расширению политического диалога Китая и Индии. Описаны препятствия, в частности политико-стратегические, на пути дальнейшего расширения двустороннего сотрудничества стран. Китай и Индия развиваются как экономически, так и стратегически, и у них сложились прочные отношения. В статье обосновывается, что как две соседние державы Китай и Индия нуждаются в мирной и стабильной периферии для развития своих экономик. Руководство обеих стран осознают, что развитие – их основная задача и что для развития необходимы стабильные условия. У Китая и Индии есть общая задача – поддерживать стабильность в регионе. Повышение уровня китайско-индийских встреч, посвященных стратегическому и экономическому диалогу, осуществлялось посредством выверенной дипломатии Китая.

Ключевые слова: международные отношения, Китай; Индия, политический диалог, региональная политика, «мягкая дипломатия», концепция безопасности, китайско-индийская война.

Stages of the Formation of a Political Dialogue between China and India

The article analyzes the evolution of bilateral diplomatic relations between China and India since the early 1950s. There are four stages of the formation of a political dialogue between the countries. The specifics are described and the factors that contributed to the expansion of this important aspect of their relations are analyzed. There are also obstacles, in particular political and strategic variables, on the way to further expand bilateral cooperation. China and India are developing both economically and strategically, and they have developed a symbiotic relationship. The article substantiates that as two neighboring powers in Asia, China and India need a peaceful and stable periphery for the development of their economies. Heads of both countries clearly know that development is their main task, and that stable conditions are necessary for development. China and India have a common task – to maintain stability in the region. This is the determining factor that encourages China and India to maintain the stability of their border territories for at least 10 years. Raising the level of the current Sino-Indian meetings on strategic and economic dialogue was carried out through China's verified diplomacy by holding bilateral high-level meetings with the participation of politicians in the diplomatic, economic and military spheres.

Key words: international relations, China, India, political dialogue, regional policy, «soft diplomacy», security concept, Sino-Indian war.

Введение

Китайско-индийские отношения чрезвычайно важны, но они осложняются рядом вопросов, особенно продолжающимся пограничным спором, который был активирован в 2017 г. противостоянием между китайскими и индийскими пограничниками. Несмотря на некоторые взаимные

претензии, экономики двух стран дополняют друг друга. Несомненно, существуют широкие возможности для сотрудничества в таких сферах, как финансы и строительство инфраструктуры.

Связь между экономикой и безопасностью является определяющим фактором китайско-индийских отношений. По сути, часто возникают два общих вопроса: во-первых, в какой мере снижает уровень межгосударственных противоречий растущая двусторонняя экономическая взаимозависимость, и, во-вторых, насколько соображения безопасности замедляют расширение

Научный руководитель – Ю. И. Малевич, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международных отношений Белорусского государственного университета

потенциально экономически выгодных связей между странами.

Цель исследования – проанализировать этапы формирования политического диалога между Китаем и Индией.

Хронологические рамки исследования охватывают 1950–2020 гг. Нижний хронологический предел определяется официальным началом дипломатических отношений. Верхняя граница определена актуальностью проблемы изучения динамики китайско-индийских отношений на современном этапе из-за существенной трансформации структуры международных отношений и усиления противостояния КНР и США.

Основная часть

Процесс формирования политического диалога между Китаем и Индией можно разделить на четыре этапа.

1 этап. Установление и развитие дипломатических отношений (1950–1962 гг.).

Дипломатические отношения между Китаем и Индией берут свое начало 1 апреля 1950 г. Индия была первой несоциалистической страной, установившей отношения с Китайской Народной Республикой. Именно тогда родился девиз «Хинди Чини Бхай Бхай» («Индия и Китай – братья»), определивший вектор двусторонних отношений [12].

В 1954 г. премьер-министр Китая Чжоу Эньлай посетил Индию. Китай и Индия подписали Панчшильское соглашение – совместное заявление, в котором впервые были задекларированы пять принципов мирного сосуществования и стремление следовать им. Панчшильское соглашение не только кодифицировало процесс взаимодействия в развивающемся мире, но и стало символом дружбы между двумя самыми густонаселенными странами мира и предвестником актов регионального взаимодействия, таких, например, как Договор о дружбе и сотрудничестве Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Подписание этого соглашения ознаменовало собой вершину отношений между странами. В том же году премьер-министр Индии Неру посетил Китай. Он был первым главой правительства несоциалистической страны, посетившим Китай с момента основания Китайской Народной Республики [12].

В 1955 г. премьер-министр КНР Чжоу Эньлай и премьер-министр Индии Джавхарлал Неру приняли участие в Азиатско-Африканской конференции (Бандунге, Индонезия), в которой участвовали 29 стран, на которой был декларирован дух солидарности, дружбы и сотрудничества [12]. Однако в следующем десятилетии китайско-индийские двусторонние отношения опустились до своей нижней точки, произошло из-за короткой пограничной войны в 1962 г.

2 этап. Период военного противостояния (1962–1976 гг.).

Корни китайско-индийского пограничного спора уходят в 1950 г., и связан он с проблемой Тибета: и у Китая, и у Индии там были свои стратегические интересы. В 1953 г. индийские войска осуществили экспансию на север и захватили около 90 тыс. кв. км территории к югу от линии Макмагона. Идеалистическая трактовка премьер-министром Индии Джавхархарлалом Неру «Хинди Чини Бхай Бхай» было заменена в 1961 г более агрессивной политикой продвижения вооруженных сил этой страны вперед и созданием аванпостов позади китайских войск, которые отрезали их линии снабжения. В том же году были обнаружены 43 поста, созданные индийскими войсками [1, с. 234]. Китай неоднократно предлагал провести переговоры по пограничному вопросу, однако Индия отказалась [4].

В соответствии с проводимой политикой индийские войска установили пост Дхола к северу от линии Макмагона на южных склонах хребта Тхагла в июне 1962 г., что еще больше усилило противоречия с Китаем. По словам историка Невилла Максвелла, пост Дхола стал «таким же бесспорным индийцем, как и сам Нью-Дели» [8, с. 907]. Эти взаимно бескомпромиссные позиции переросли в стычки 20 сентября 1962 г. (официальное начало войны). Далее китайские и индийские наступательные операции проводились с 20 октября по 21 ноября 1962 г. После одержанной победы премьер-министр Китая Чжоу Эньлай объявил об одностороннем прекращении огня.

Последствия вооруженного конфликта значительно повлияли на китайско-индийские отношения и внешнюю политику обеих стран. В Индии это привело к переоценке своей внешней политики в отношении Китая, проявившейся главным образом

в отмене тактики продвижения вперед. Кроме того, в индийских вооруженных силах началась масштабная реформа.

Что касается Китая, то он проводил более дружественную внешнюю политику по отношению к Индии в ответ на неблагоприятное международное восприятие. В целом война 1962 г. продемонстрировала обеим сторонам непрактичность и бесперспективность эскалации относительно незначительного пограничного спора на фоне других проблем национальных экономик и безопасности.

3 этап. Период двустороннего сближения (1976–2006 гг.).

В 1976 г. Китай и Индия восстановили взаимодействие назначением послов, и двусторонние отношения связи постепенно стали улучшаться. В 1978 г. руководство Китаем принял Дэн Сяопин и решил реализовать внешнюю политику, основанную на принципе Тао Гуан Ян Хуэй («Скрывай яркость, питай безвестность»), которая определила программу наращивания внутренней экономической мощи и выведение страны из международных конфликтов. Тем не менее китайско-индийское сближение шло непросто, часто было подвержено влиянию изменений в международном и двустороннем климате, а также во внутренней политике стран.

В декабре 1988 г. Китай с официальным визитом посетил премьер-министр Индии Раджив Ганди. В ходе этого визита он заявил об изменении сложившейся на протяжении десятилетий позиции Индии о том, что разрешение пограничного спора является предварительным условием для нормализации отношений, и признал, что некоторые члены тибетской общины, проживающие в Индии, занимались антикитайской деятельностью. Это привело к активизации двусторонних контактов и подписанию новых соглашений о сотрудничестве в пограничном вопросе и в других областях.

Взаимные визиты на уровне высших руководителей Китая и Индии стали регулярными. В 1991 г. председатель Госсовета КНР Ли Пэн посетил Индию. В 1992 г. президент Индии Р. Венкатараман посетил Китай. Он был первым президентом, посетившим Китай после обретения Индией независимости. В 1993 г. Китай посетил премьер-министр Индии Нарасимха Рао. В результа-

те визита было подписано Соглашение между правительствами Китая и Индии о поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля в приграничных районах [2].

В 1996 г. Индию посетил Председатель КНР Цзян Цзэминь. Он был первым главой китайского государства, посетившим Индию с момента установления двусторонних связей. Обе стороны договорились строить конструктивное партнерство, ориентированное на XXI в. Было также подтверждено стремление двух стран к принятию мер по укреплению доверия в военной области и контролю ситуации в приграничных районах Китая и Индии [3]. Эти соглашения заложили основу для расширения экономического сотрудничества, которое, однако, было омрачено ядерными испытаниями Индии в мае 1998 г.

В новом тысячелетии возобновились дипломатические обмены на высоком уровне, несмотря на периодически возникающие обострения в отношениях. Так, одним из них считается побег из Тибета в Индию в конце декабря 1999 г. семнадцатого Кармапа, которого многие буддисты считают третьим по старшинству священнослужителем, хотя китайское правительство активно пыталось воспрепятствовать этому. Несмотря на что контакты на высоком уровне продолжались.

В 2000 г. президент Индии К. Р. Нараянан посетил Китай по случаю 50-летия установления дипломатических отношений между странами, а в 2002 г. премьер Госсовета Чжу Жунци посетил Индию. Обе стороны договорились укреплять взаимопонимание и доверие, а также содействовать сотрудничеству в различных областях.

В 2003 г. во время посещения Китая премьер-министром Индии Ваджапай КНР и Индия подписали Декларацию о принципах и всестороннем сотрудничестве в китайско-индийских отношениях и договорились создать механизм встречи специальных представителей по вопросу о границе между Индией и Китаем.

В 2005 г. премьер Госсовета Вэнь Цзябао посетил Индию с историческим визитом, в ходе которого Китай и Индия подписали Совместное заявление и объявили об установлении стратегического партнерства на основе сотрудничества во имя мира

и процветания. Стороны приветствовали подписание Соглашения о политических руководящих принципах урегулирования вопроса о границе между Индией и Китаем [12].

4 этап. Углубление стратегического партнерства и сотрудничества (2006 – настоящее время).

2006 г. был объявлен «Годом индо-китайской дружбы» и отмечился обменом визитами высокопоставленных лиц и годовой программой культурных мероприятий. В 2006 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао посетил Индию. Обе стороны подписали Совместную декларацию, в которой была сформулирована десятиэтапная стратегия углубления стратегического партнерства и сотрудничества [12].

После многолетнего перерыва на китайско-индийской границе в Сиккиме был вновь открыт торговый перевал Нату-ла. Китайско-индийская торговля в 2007 г. составила почти 38 млрд долл. США и по оценкам должна была достичь 50 млрд долл. США в 2009 г. [13].

В декабре 2007 г. Индия и Китай провели свои первые в истории совместные военные учения, а в январе 2008 г. премьер-министр Индии Манмохан Сингх, Председатель КНР Ху Цзиньтао и премьер-министр Китая Вэнь Цзябао подтвердили, что их страны имеют «общее видение XXI века».

В документе «Общее видение XXI века Республики Индия и Китайской Народной Республике» были изложены общие позиции по ряду международных и некоторых двусторонних вопросов. Премьер-министр Индии также выступил на деловом мероприятии высокого уровня с речью в Китайской академии социальных наук.

Премьер-министр Индии вновь посетил Китай 2008 г. и принял участие в седьмом Азиатско-Европейском саммите, состоявшемся в Пекине 24–25 октября. Президент Индии Пратибха Девисингх Патил посетила Китай с государственным визитом 26–31 мая 2010 г. В Пекине она провела переговоры с Председателем КНР Ху Цзиньтао и встретила с председателем Постоянного комитета ВСНП У Банго, премьером Госсовета Вэнь Цзябао и председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая Цзя Цинлинь. Президент Индии вместе с заместителем председателя Китая

Си Цзиньпином приняла участие в приеме по случаю 60-летия установления дипломатических отношений. Она посетила Лоян, чтобы открыть буддийский храм в индийском стиле, который был преподнесен в качестве подарка Индии народу Китая. В Шанхае она посетила индийский и китайский павильоны на выставке Shanghai EXPO, а также встретила с секретарем парткома Шанхая Ю Чжэншеном. Также президентом Индии был торжественно открыт бюст Рабиндраната Тагора.

2011 г. был объявлен Годом китайско-индийского обмена. Обе стороны провели ряд культурных мероприятий, а также подписали меморандум о совместной подготовке «Энциклопедии индийско-китайских культурных контактов» [13].

Премьер-министр Индии Шри Манмохан Сингх 13–14 апреля 2011 г. принял участие в саммите БРИКС в Сянью (Китай). В кулуарах саммита прошла его встреча с Председателем КНР Ху Цзиньтао. Главные министры Бихара, Мадхья-Прадеша и Гуджарата посетили Китай в июне, сентябре и ноябре соответственно. Аналогичным образом Председатель Синьцзянского автономного района и секретарь парткома Ганьсу также посетили Индию в рамках Программы МЕА по обмену посетителям. Одним из самых ярких моментов «Года обменов» стал визит индийской молодежной делегации в составе около 500 человек в Китай. С приветственным словом к индийской молодежи обратился премьер Госсовета Вэнь Цзябао [12].

2012 г. был объявлен годом китайско-индийской дружбы и сотрудничества. Председатель Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао встретились с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом в рамках четвертого саммита БРИКС и Конференции Организации Объединенных Наций, посвященной устойчивому развитию.

Китай и Индия продолжили сотрудничество по вопросам безопасности, особенно по вопросам пограничной безопасности. В январе 2012 г. член Государственного совета Дай Бинго и советник по национальной безопасности Индии Шившанкар Менон встретились, чтобы обсудить пограничные вопросы; это была пятнадцатая встреча подобного рода. Стороны договорились о создании механизма консультаций

и координации по пограничным вопросам. Первое заседание китайско-индийской комиссии состоялось в марте 2012 г. Китай и Индия также достигли базового консенсуса по укреплению сотрудничества в области безопасности на море [12].

В марте 2013 г. председатель Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом на полях пятого саммита БРИКС в Дурбане. Премьер Ли Кэцян посетил Индию в мае, и стороны опубликовали Совместное заявление. Премьер-министр Индии Манмохан Сингх посетил Китай в октябре [12].

2014 г. объявлен годом дружественного обмена между Китаем и Индией. В сентябре председатель Си Цзиньпин совершил государственный визит в Индию и посетил штат Гуджарат – родину индийского премьер-министра Нарендры Моди. По итогам визита было опубликовано Совместное заявление о построении более тесного партнерства в области развития. Премьер-министр Н. Моди официально объявил о политике «Соседство прежде всего». Это широкое понятие и охватывает страны Южной Азии, с которыми Индия имеет сухопутные или морские границы, а также отдельные прибрежные и островные государства Индийского океана.

В том же году председатель Си Цзиньпин и премьер Ли Кэцян встречались с премьер-министром Н. Моди в ходе шестого саммита БРИКС (Бразилия) и саммита лидеров стран по сотрудничеству в Восточной Азии (Мьянма) соответственно. Индия и Китай также стали странами-основателями Нового банка развития, созданного государствами – членами БРИКС в июле 2014 г.

В 2015 г. премьер-министр Индии Н. Моди, посещая Китай, наведясь в Сиань – родной город председателя Си Цзиньпина. В том же году председатель Си Цзиньпин и премьер-министр Н. Моди встретились на полях седьмого саммита БРИКС в Уфе, а премьер Ли Кэцян контактировал с Н. Моди во время встречи лидеров азиатских стран по сотрудничеству в Восточной Азии (Малайзия). Китай решил открыть перевал Нату-Ла для индийских официальных паломников в Тибетский автономный район. Индия отметила Год туризма Индии в Китае [12].

Н. Моди стал первым премьер-министром Индии, который представил новую

концепцию освоения Индийского океана «Безопасность и рост для всех в регионе», которая включает пять направлений деятельности:

1) защита материковой части и островов Индии, ее интересов, обеспечение безопасного и стабильного передвижения через Индийский океан;

2) углубление экономического сотрудничества со странами-соседями и островными государствами в области безопасности, укрепление их потенциала и экономической мощи;

3) коллективные действия и сотрудничество по укреплению мира и безопасности, совместное реагирование на чрезвычайные ситуации;

4) стремление к устойчивому развитию региона, основанному на экономической интеграции;

5) установление климата доверия и прозрачности, уважение международных морских правил, мирное решение морских проблем [6].

Несмотря на то что 2016 г. был объявлен в Китае Годом индийского туризма, отношения между Индией и Китаем в течение года были осложнены разногласиями, которые имели фундаментальные причины. Политические позиции Китая по включению известного лидера боевиков Масуда Азхара в список террористов ООН, вступление Индии в группу ядерных государств, а также пограничные и торговые различия были истолкованы в Индии как примеры недостаточного учета Китаем стратегических интересов Индии.

Председатель Си Цзиньпин посетил Индию для участия в восьмом саммите БРИКС на Гоа и встретился с премьер-министром Н. Моди на фоне заметного охлаждения китайско-индийских отношений.

В июне 2017 г. впервые после десятилетия затишья началось напряженное военное противостояние между индийскими и китайскими войсками, когда индийские солдаты вошли на высокогорное плато Доклам, на которое претендовали еще и Китай, и Бутан. Вмешательство Индии случилось после консультаций с властями Бутана в связи с опасениями, что китайская дорога расширялась в направлении стратегически расположенного хребта Джамфери, с которого открывается вид на индийский кори-

дор Силигури, тонкую полоску земли, соединяющую семь северо-восточных штатов с остальной частью страны. Сообщалось, что в конфликте участвовало до 3 000 военнослужащих с обеих сторон [9].

Военное противостояние в Докламе итоге закончилось 28 августа 2017 г. после нескольких раундов двусторонних переговоров и дискуссий за закрытыми дверями, в ходе которых Индия и Китай согласились на «оперативное разъединение пограничного персонала» [7]. Примечательно, что 29 августа МИД Индии официально заявило о визите Н. Моди на саммит БРИКС в Китай.

В 2018 г. Председатель Си Цзиньпин и Нарендра Моди провели неформальную встречу в Ухане. Они обсудили долгосрочные стратегические двусторонние глобальные вопросы и достигли консенсуса по решению проблем, соответствующему видению национального развития, а также внутренней и внешней политике стран. Эта встреча заложила новую модель обменов между двумя лидерами и стала важной вехой в истории двусторонних отношений. В том же году премьер-министр Н. Моди посетил Китай для участия в саммите ШОС в Циндао и во время саммита встретился с Председателем Си Цзиньпином. Позднее лидеры стран снова встретились на полях десятого саммита БРИКС и саммита G20 в Буэнос-Айресе.

В 2019 г. Председатель Си Цзиньпин и премьер-министр Н. Моди провели вторую неформальную встречу в Ченнаи, подтвердили Уханьский консенсус и договорились строить более тесное партнерство в целях развития и укрепления углубленного стратегического общения, а также продвижения взаимовыгодного сотрудничества в разных областях. В том же году Председатель Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Н. Моди на полях саммита ШОС в Бишкеке и одиннадцатого саммита БРИКС [12].

В 2020 г. исполнилось 70 лет со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Индией. Это также Китайско-индийский год культурных и межличностных обменов. Обе стороны договорились провести 70 праздничных мероприятий, чтобы продемонстрировать историческую связь между двумя цивилизациями, а также их растущие двусторонние отношения на протяжении многих лет, дальнейшее

углубление межличностных обменов между двумя странами на всех уровнях, в том числе между соответствующими законодательными органами, предприятиями, учеными, культурными и молодежными организациями, а также силами обороны [12].

Позиционирование Китая и Индии как крупных держав имеют последствия, выходящие за рамки их двусторонних отношений, повышают их потенциал как для конкуренции, так и для сотрудничества.

В последние годы набирает обороты обсуждение китайско-индийского военно-морского соревнования. Военно-морской аналитик Тоши Есихара, например, отмечает, что, «поскольку Нью-Дели и Пекин смотрят в сторону моря, обе державы будут бороться за влияние и преимущества на всем Индо-Тихоокеанском морском театре» [14]. Индийский исследователь Раджа Мохан добавляет, что «рост военно-морских возможностей Китая и Индии и расширение их морских горизонтов в последние годы расширят дилемму безопасности, которая до сих пор проявлялась на территории внутренней Азии до вод Индийского и Тихого океанов». При этом двусторонние отношения между державами «начали генерировать конкурентную динамику, охватывающую все индо-тихоокеанское побережье» [10]. Джордж Перкович соглашается с этой позицией, отмечая появление «растущей дилеммы китайско-индийской безопасности в Индийском и Тихом океанах» на фоне роста обеих стран и появления возможности «создать потенциал для проецирования силы и обеспечить их линии коммуникации в более отдаленных водах. Китай будет стремиться давить на сферу влияния Индии в Бенгальском заливе и Индийском океане, в то время как Индия будет стараться присутствовать в Южно-Китайском море и проливе Малакка» [10].

Раджа Мохани отмечает, что «и Нью-Дели, и Пекин определяют свои морские подходы в условия американской доктрины Монро, два государства, казалось бы, обречены наступать друг другу на пятки» [10]. В частности, все более жесткая позиция Китая из-за территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях рассматривается некоторыми аналитиками как предвестник его возможного поведения в Индийском океане. Это произойдет в том

случае, если Китай повысит защиту морских линий связи до «основного интереса» наравне со своей безопасностью и суверенными интересами возвращения «потерянных территорий». С другой стороны, морская доктрина Индии также стала более четкой: «контроль над морем является центральной концепцией, вокруг которой строится индийский военно-морской флот» [10].

Заклучение

Хотя китайско-индийские отношения в последние годы улучшились, продолжают чередования периодов потепления и соперничества. Это усугубляется ключевым несоответствием представлений обоих государств об угрозах, коренящихся в меняющемся балансе сил и противоречивых двусторонних отношениях. Более того, рост

обеих стран как крупных держав предоставил им новые инструменты и платформы для взаимодействия, способствуя развитию китайско-индийских отношений как на двустороннем, так и на региональном уровнях.

Тот факт, что Китай и Индия признаны континентальными и формирующимися морскими акторами, усложняет их отношения и создает потенциал для «горизонтальной эскалации», поскольку напряженность вдоль их спорной сухопутной границы распространяется и на морскую область. Нигде этот побочный эффект, или «вложенная дилемма безопасности», не проявляется так явно, как в морской сфере, особенно в контексте позиционирования обеих стран как крупных торговых и ресурсоемких держав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коммюнике Государственного совета Китайской Народной Республики // Секретариат Гос. совета Китайской Народной Республики. – 1962. – № 12. – 328 с. (на кит. яз.).
2. Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Индия о поддержании мира и спокойствия вдоль линии практического контроля в приграничных районах Китая и Индии [Электронный ресурс] : [заключено в г. Пекине 07.09.1993 г.] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/t6052.shtml. – Дата доступа: 12.09.2021 (на кит. яз.).
3. Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Индия о мерах укрепления доверия в военной области вдоль линии фактического контроля в приграничных районах Китая и Индии [Электронный ресурс] : [заключено в г. Нью-Дели 29.11.1996 г.] // МИД КНР. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/t4962.shtml. – Дата доступа: 12.09.2021 (на кит. яз.).
4. Garver, W. J. The Indian Factor in Recent Sino-Soviet Relations / W. J. Garver // The China Quarterly. – 1991. – Nr 125. – P. 55–85.
5. Ghosh, A. Before 1962: The Case for 1950s China-India History / A. Ghosh // Journal of Asian Studies. – 2017. – Nr 76 (3). – P. 697–727.
6. Government of India, Ministry of Commerce and Industry (2015) [Electronic resource] // Department of commerce, export import data bank, total trade: Top countries, Year: 2014–2015. – Mode of access: <http://commerce.gov.in/EIDB.aspx>. – Date of access: 21.09.2021.
7. Government of India, Ministry of External Affairs (MEA) [Electronic resource] // Press statement on Doklam disengagement understanding. – Mode of access: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/28893/Press_Statement_on_Doklam_disengagement_understanding. – Date of access: 21.09.2021.
8. Maxwell, N. Sino-Indian Border Dispute Reconsidered / N. Maxwell // Economic and Political Weekly. – 1999. – Nr 34. – P. 905–918.
9. Pandit, R. Border face-off: China and India each deploy 3,000 troops [Electronic resource] / R. Pandit // The Times of India. – 30.07.2017. – Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/border-face-off-china-india-eachdeploy-3000-troops/articleshow/59377716.cms>. – Date of access: 19.09.2021.
10. Raja Mohan, C. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific / C. Raja Mohan. – Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2012. – 329 p.
11. Satu, L. India-East Asia Relations: Robust but not Riveting / L. Satu // Comparative Connections. – 2016. – Vol. 18, nr 3. – P. 117–125.

12. Sun Weidong, H. E. 70 Years of Diplomatic Relations between China and India (1950–2020) [Electronic resource] / H. E. Sun Weidong // *The Hindu*. – 31.03.2020. – Mode of access: <https://www.thehindu.com/brandhub/70-years-of-diplomatic-relations-between-china-and-india-1950-2020/article31219737.ece>. – Date of access: 19.09.2021.
13. The first figure is from Sidhu and Yuan, *China and India*, p. 25; the second from the Export Import Data Bank of the Department of Commerce, Government of India [Electronic resource]. – Mode of access: <http://commerce.nic.in/eidb/iecntq.asp>. – Date of access: 21.09.2021.
14. Yoshihara, T. *The US Navy's Indo-Pacific Challenge* / T. Yoshihara // *Journal of the Indian Ocean*. – 2013. – Nr 1. – P. 90–103.

REFERENCES

1. Kommiunike Gosudarstviennogo sovieta Kitajskoj Narodnoj Riespubliki // *Siekrietariat Gos. sovieta Kitajskoj Narodnoj Riespubliki*. – 1962. – № 12. – 328 c. (na kit. jaz.).
2. Soglashenije miezhdu Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Riespubliki i Pravitel'stvom Riespubliki Indija o poddierzhanii mira i spokojstvija vdol' linii praktichieskogo kontrolia v prigranichnykh rajonah Kitaja i Indii [Eliكتروnnij riesurs] : [zakliuchieno v g. Piekinie 07.09.1993 g.] // *MID KNR – Riezhim dostupa*: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/t6052.shtml. – Data dostupa: 12.09.2021 (na kit. jaz.).
3. Soglashenije miezhdu Pravitel'stvom Kitajskoj Narodnoj Riespubliki i Pravitel'stvom Riespubliki Indija o mierakh ukriepienija doverija v vojennoj oblasti vdol' linii faktichieskogo kontrolia v prigranichnykh rajonakh Kitaja i Indii [Eliكتروnnij riesurs] : [zakliuchieno v g. N'ju-Deli 29.11.1996 g.] // *MID KNR*. – Riezhim dostupa: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/tytj_674911/tyfg_674913/t4962.shtml. – Data dostupa: 12.09.2021 (na kit. jaz.).
4. Garver, W. J. *The Indian Factor in Recent Sino-Soviet Relations* / W. J. Garver // *The China Quarterly*. – 1991. – Nr 125. – P. 55–85.
5. Ghosh, A. *Before 1962: The Case for 1950s China-India History* / A. Ghosh // *Journal of Asian Studies*. – 2017. – Nr 76 (3). – P. 697–727.
6. Government of India, Ministry of Commerce and Industry (2015) [Electronic resource] // Department of commerce, export import data bank, total trade: Top countries, Year: 2014–2015. – Mode of access: <http://commerce.gov.in/EIDB.aspx>. – Date of access: 21.09.2021.
7. Government of India, Ministry of External Affairs (MEA) [Electronic resource] // Press statement on Doklam disengagement understanding. – Mode of access: http://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/28893/Press_Statement_on_Doklam_disengagement_understanding. – Date of access: 21.09.2021.
8. Maxwell, N. *Sino-Indian Border Dispute Reconsidered* / N. Maxwell // *Economic and Political Weekly*. – 1999. – Nr 34. – P. 905–918.
9. Pandit, R. *Border face-off: China and India each deploy 3,000 troops* [Electronic resource] / R. Pandit // *The Times of India*. – 30.07.2017. – Mode of access: <http://timesofindia.indiatimes.com/india/border-face-off-china-india-eachdeploy-3000-troops/articleshow/59377716.cms>. – Date of access: 19.09.2021.
10. Raja Mohan, C. *Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific* / C. Raja Mohan. – Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 2012. – 329 p.
11. Satu, L. *India-East Asia Relations: Robust but not Riveting* / L. Satu // *Comparative Connections*. – 2016. – Vol. 18, nr 3. – P. 117–125.
12. Sun Weidong, H. E. 70 Years of Diplomatic Relations between China and India (1950–2020) [Electronic resource] / H. E. Sun Weidong // *The Hindu*. – 31. 03. 2020. – Mode of access: <https://www.thehindu.com/brandhub/70-years-of-diplomatic-relations-between-china-and-india-1950-2020/article31219737.ece>. – Date of access: 19.09.2021.
13. The first figure is from Sidhu and Yuan, *China and India*, p. 25; the second from the Export Import Data Bank of the Department of Commerce, Government of India [Electronic resource]. – Mode of access: <http://commerce.nic.in/eidb/iecntq.asp>. – Date of access: 21.09.2021.
14. Yoshihara, T. *The US Navy's Indo-Pacific Challenge* / T. Yoshihara // *Journal of the Indian Ocean*. – 2013. – Nr 1. – P. 90–103.

САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 316.658-054(476)+351.746.1(476)

Роман Александрович Волосников

ст. офицер Государственного пограничного комитета Республики Беларусь

Roman Volosnikov

Senior Officer of the State Border Committee of the Republic of Belarus

e-mail: Roman-Volosnikov@rambler.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОГРАНИЧНОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий изменяются скорость, направленность и сила влияния общественного мнения на различные социальные институты и организации. Органы пограничной службы Республики Беларусь как социальный институт удовлетворяют одну из фундаментальных общественных потребностей – потребность в безопасности. В этой связи определенный научный интерес представляет характер влияния общественного мнения на деятельность пограничного ведомства. На основе теоретического анализа проблемной ситуации и результатов эмпирических социологических исследований рассматриваются особенности влияния общественного мнения на деятельность органов пограничной службы как социально-политического института и субъекта обеспечения национальной безопасности. Определяются основные направления, формы и социальные механизмы влияния общественного мнения на повышение эффективности деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь.

Ключевые слова: общественное мнение, органы пограничной службы, эффективность деятельности органов пограничной службы, влияние общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы.

The Social Aspects of the Influence of Public Opinion on the Effectiveness of the Border Service of the Republic of Belarus Activity

Under the current conditions for the development of information and communication technologies, the speed, direction, and power of influence of public opinion on various social institutions and processes change. Border services as a social institution satisfy one of the fundamental social needs – the need for security. In this regard, a certain scientific interest is the nature of the influence of public opinion on the activities of the border agency. On the basis of a theoretical analysis of the problem situation and the empirical sociological research results the features of interaction between public opinion and border service bodies as social institutions and the subject of national security are considered. The main directions, forms and social mechanisms of the influence of public opinion on increasing the efficiency of the border service activities are investigated.

Key words: public opinion, the bodies of the Border Guard Service, the effectiveness of the activities of the Border Guard Service, the influence of public opinion on the effectiveness of the activities of the Border Guard Service.

Введение

В современном мире развитие информационно-коммуникационных технологий, формирование электронного сетевого пространства, активизация деятельности институтов гражданского общества способствуют возрастанию роли и значения общественного мнения как важного социального феномена, оказывающего влияние на деятельность различных социальных субъектов и институтов, что предопределяет необходимость конструктивного использования социального потенциала общественного

мнения для повышения эффективности деятельности различных социальных институтов, в т. ч. органов пограничной службы Республики Беларусь.

Теоретические и эмпирические основы влияния общественного мнения на различные государственные институты, процессы социального управления исследованы в научных трудах российских и белорусских социологов (Е. М. Бабосов [1], М. К. Горшков [2], Р. А. Сафаров [3], Л. Г. Титаренко [4], С. А. Шавель [5] и др.) Анализ социологической научной литерату-

ры позволяет констатировать, что вопросы влияния общественного мнения на деятельность такого специфического социального института как пограничная служба, до настоящего времени не получили должного внимания в научном сообществе, что обуславливает особую современную актуальность и социально практическую значимость разработки данной проблемы.

Цель статьи – выявить направления, формы и социальные механизмы влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы.

Задачи исследования:

1) определить особенности влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы;

2) разработать теоретико-методологические основания и методики социологического исследования влияния общественного мнения на повышение эффективности деятельности органов пограничной службы как социально-политического института и субъекта обеспечения пограничной безопасности;

3) осуществить социальную экспликацию влияния общественного мнения на деятельность органов пограничной службы.

Специфика влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы

В научном социально-гуманитарном дискурсе нет единого подхода к определению общественного мнения. В контексте решаемых задач общественное мнение – это форма массового сознания социальных групп, общностей и социума, проявляющаяся в совокупности социальных суждений, представлений и установок, выражающих субъективное отношение к актуальным и общественно значимым социальным явлениям и процессам, которые влияют на деятельность различных социальных субъектов и институтов, на развитие общества.

Общественное мнение, являясь сложным системным социальным образованием, отличается относительной целостностью, структурой, функционированием и способностью к саморазвитию, находится во взаимосвязи с другими системами и окружающей социальной микро- и макросредой, испытывает на себе их влияние и одновременно оказывает детерминирующее воздействие на них [2; 6]. Структурная архитекто-

ника общественного мнения представляет собой сложную, многоуровневую взаимосвязь рационального, эмоционального и волевого компонентов, содержанием которых являются знания, социальные представления, ощущения, чувства, эмоции, настроения, социальные установки, волевые решения. Рациональным ядром общественного мнения выступают социальные представления, благодаря которым оно приобретает сущностные (субстанциональные) признаки. Общественное мнение выполняет важные социальные функции: идеологические, информационные, коммуникативные, регулятивные и другие [1–5].

Особенности влияния общественного мнения на эффективность деятельности пограничной службы обусловлены ее специфическим характером функционирования как сложного социально-политического института. Социально-политическая природа пограничной службы связана с защитой и охраной государственной границы, которая определяет пределы территории и суверенитета государства. Наличие государственной границы обуславливает установление необходимого обществу режима ее функционирования, включая охрану государственной границы, пропуск через государственную границу физических лиц, транспортных средств, товаров. Обеспечивая защиту национальных интересов на государственной границе и в пограничном пространстве, пограничная служба выполняет широкий спектр функций, находящихся на пересечении различных сфер национальной безопасности: политической, экономической, социальной, военной, экологической и др., что определяет ее сущность и характер деятельности как социально-политического института. Пограничная служба реализует потребности в пограничной безопасности государства и общества, а также воспроизводство экономических, политических, социальных и иных отношений, связанных с функционированием государственной границы. Эффективность деятельности пограничной службы представляет собой соответствие результата деятельности пограничной службы целям и задачам государства и общества. Статистическими и социолого-эмпирическими показателями эффективности работы пограничной службы являются: количество задержанных нарушителей (го-

сударственной границы, пограничного режима; режима государственной границы), вскрытие каналов незаконной миграции, пресечение контрабандной деятельности, количественно-качественные характеристики пропуска через государственную границу лиц, транспортных средств и товаров; уровень правопорядка на приграничной территории.

Важной институциональной особенностью пограничной службы, определяющей ее социальную сущность, являются традиции партнерских взаимоотношений пограничников с населением приграничных районов, что обуславливает непосредственную зависимость эффективности деятельности пограничной службы от социальных связей с жителями приграничных районов. Роль социального партнерства и сотрудничества с местным населением не теряет своей актуальности и в современных условиях, особенно на тех участках государственной границы, где ранее пограничная служба не осуществлялась, не сформированы правила и традиции взаимоотношений пограничников и населения приграничных районов.

Для пограничной службы, как и для любого другого социального института, характерно четкое распределение социальных статусов и ролей, функций, прав и обязанностей, типичных только для данного института. В пограничной службе четко прослеживается социально-статусная стратификация (начальники и подчиненные, сотрудники различного пола, возраста, образования и уровня профессиональной подготовки).

Специфика взаимодействия пограничной службы с обществом обусловлена амбивалентным характером деятельности пограничной службы, связанным, с одной стороны, с ограничением законных прав и свобод социальных субъектов, а с другой – с обеспечением их безопасности, созданием условий в реализации гражданских прав в свободе передвижения (быстрое и комфортное пересечение границы, пропуск и нахождение в пограничной зоне). Следовательно, пограничная служба как социально-политический институт представляет собой специфическую систему, в которую входят:

а) социальные субъекты: военнослужащие органов пограничной службы, имеющие регулируемый законами и другими нормативными актами особый социально-

профессиональный статус и роли, правила, образцы поведения, нормы и ценности, связанные с обеспечением пограничной безопасности (субъектный, социально-статусный и ценностно-нормативный компоненты);

б) профессиональное и социокультурное взаимодействие военнослужащих внутри пограничного сообщества, а также с местным населением и обществом в целом (социально-коммуникационный компонент);

в) профессиональная деятельность по охране государственной границы (поведенческий компонент).

Оценка в общественном мнении статуса и престижности пограничной службы как значимого социального института является действенным регулятором поведения ее сотрудников. «Положительный в глазах общественного мнения имидж, – отмечает академик Е. М. Бабосов, – вселяет в людей гордость за принадлежность к организации. В этом случае легче привлекать и удерживать работников» [6, с. 125]. Высокие престиж и уровень доверия граждан к пограничной службе играют существенную роль в профессиональной мотивации пограничников. Опрос военнослужащих органов пограничной службы Республики Беларусь, проведенный в 2018 г. (N = 500), позволил выявить, что такие факторы, как социальная значимость и престиж профессии пограничника в общественном мнении занимают высокие места в системе факторов, оказывающих влияние на удовлетворение от воинского труда (вторая позиция в рейтинге).

Методологические подходы и методика исследования влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы

Анализ теоретико-методологических подходов по данной проблематике свидетельствует, что наибольшим эвристическим потенциалом в социологическом исследовании влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы имеют системный подход, принципы и положения социально-институционального и структурно-функционального анализа, позволяющие изучить особенности взаимодействия институционального функционирования общественного мнения и пограничной службы в обществе, выявить структуру и социальные функции общест-

венного мнения, установить вектор и степень его влияния на деятельность пограничной службы как социально-политического института и субъекта обеспечения национальной безопасности. В контексте системного подхода влияние общественного мнения на деятельность органов пограничной службы рассматривается на двух социальных уровнях: микроуровне (региональном и локальном) и макроуровне (государственном). На каждом из этих уровней общественное мнение выступает фактором, оказывающим прямое и косвенное влияние на эффективность деятельности органов пограничной службы. Это влияние может быть как положительным (повышать эффективность деятельности пограничной службы), так и отрицательным (снижать ее функциональность).

Методика социологического исследования влияния общественного мнения на эффективность деятельности пограничной службы представляет собой совокупность способов и средств выявления и оценки степени и направленности изменений (субъективных и объективных) в деятельности пограничного ведомства, происходящих под воздействием общественного мнения.

По степени и результатам влияния общественного мнения на эффективность деятельности пограничной службы выделяются три группы социальных факторов: оказывающих большое влияние, связанное с необходимостью создания (ликвидации) социального института; оказывающих влияние средней степени, заключающееся в изменении (утрате) некоторых системных свойств социального института (социальным институтом); оказывающих незначительное влияние, при котором общественное мнение воздействует на социальный институт, не изменяя его системных свойств.

В период обострения военно-политической обстановки, резкого роста контрабанды товаров, наркотиков и оружия, возникновения реальных угроз жизни и здоровью населения от активности субъектов трансграничных преступных групп, незаконных мигрантов, защита и охрана государственной границы как социальная потребность фокусируется в общественном

мнении, смещая из центра общественного внимания на его периферию вопросы реализации законных прав и свобод граждан. Общественное мнение в этом случае реализует свою директивную функцию, которая проявляется посредством вынесения обществом конкретного решения в отношении существующей проблемы: необходимости охраны (усиления охраны) государственной границы. Другой стороной критического функционирования общественного мнения в отношении социального института является ситуация, когда социальная потребность, удовлетворение которой осуществлялось конкретным социальным институтом, теряет общественную значимость, необходимость. В этом случае влияние общественного мнения проявляется посредством его контрольной и оценочной функций. Общество проявляет недоверие к действующему социальному институту.

Влияние средней функциональности заключается в трансформации некоторых системных свойств социального института и проявляется в первую очередь в изменении его структуры и функций. Влияние нормальной функциональности: общественное мнение воздействует на социальный институт, не изменяя его системных свойств. При этом следует выделить две основные формы влияния: прямую (негативную и позитивную) и косвенную (негативную и позитивную).

Экспликация влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы

Анализ результатов изучения общественного мнения свидетельствует, что уровень доверия населения к органам пограничной службы Республики Беларусь является высоким. Так, среднее значение показателя доверия к органам пограничной службы составляет 70,9 % (по результатам изучения общественного мнения Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь, 2011–2018 гг.). Это указывает на соответствие пограничного ведомства своему институциональному предназначению (рисунок)

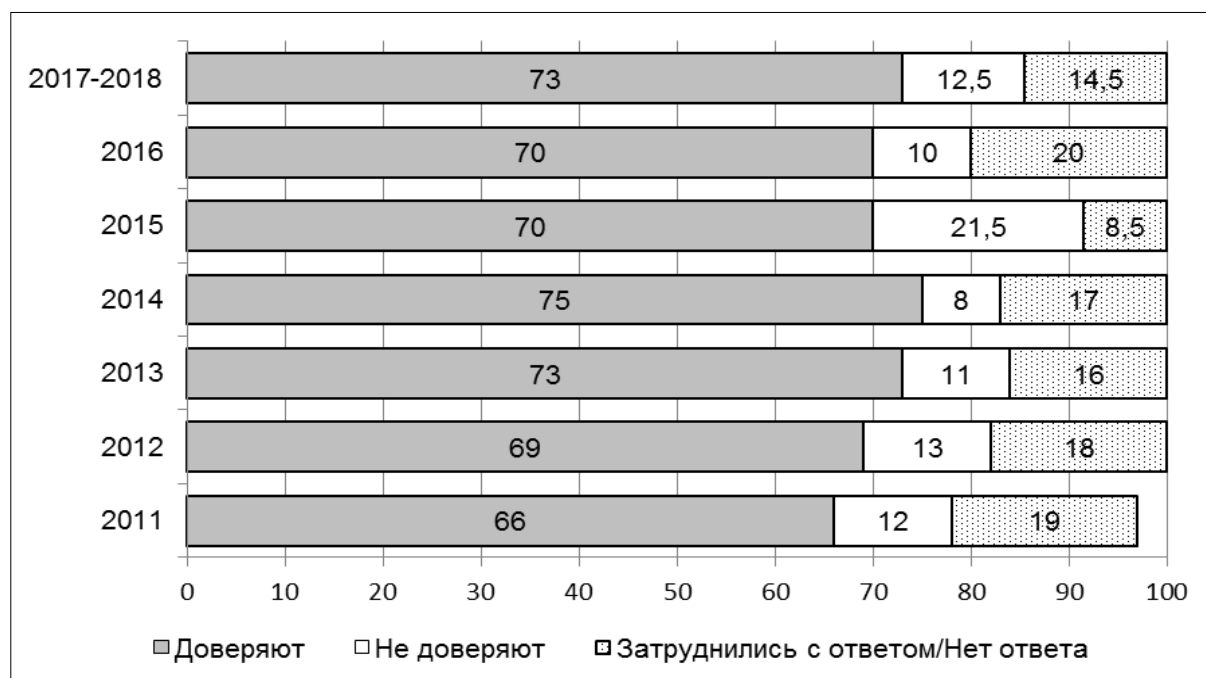

Рисунок. – Динамика уровня доверия населения органам пограничной службы Республики Беларусь (2011–2018 гг.)

Результаты контент-анализа обращений, поступивших в органы пограничной службы (2014–2021 гг.) свидетельствуют, что предметное поле общественного мнения определяется социально-ситуативными факторами. Так, рост количества поступающих обращений в органы пограничной службы связан с вопросами изменения порядка въезда, пребывания и передвижения в пограничной зоне (2016 г. – на 33,0 %) и ограничения пересечения государственной границы в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуации (2020 г. – на 33,4 %). Общественное мнение выражено в таких формах, как заявления (91,9 %), замечания (6,01 %) и предложения (2,09 %). Заявления в наибольшей степени связаны с пересечением государственной границы (72,1 %).

Предложения граждан как наиболее конструктивная форма общественного мнения в основном связаны с вопросами сотрудничества (35,1 %), улучшения работы официального сайта (21,2 %), улучшения службы (15,9 %), оказания помощи в охране государственной границы (10,6 %), совершенствования пропуска через границу (10,6 %), организации и проведения «горячей линии» (1,1 %).

Несколько иные стороны деятельности органов пограничной службы затронуты в интернет-сетевом общественном мнении.

Объектами «интернет-сетевого» общественного мнения выступают:

- 1) вопросы обеспечения пограничной безопасности (34,5 %);
- 2) специфика профессиональной деятельности (26,8 %);
- 3) борьба с контрабандой (23,2 %);
- 4) пересечение границы (15,5 %).

Следует отметить, что результаты анализа компетентности комментариев пользователей интернет-ресурсов о деятельности пограничной службы их свидетельствуют, что 66,7 % сообщений являются некомпетентными, из них 90,9 % сообщений носят негативный характер, что свидетельствует о недостаточном понимании отдельными социальными группами общественной значимости выполняемых пограничной службой функций, спецификой формирования «интернет-сетевого» общественного мнения.

Конструктивный потенциал влияния общественного мнения на повышение эффективности деятельности органов пограничной службы используется по следующим направлениям:

- 1) деятельность органов пограничной службы по обеспечению пограничной безопасности (охрана государственной границы в пунктах пропуска и вне их);

- 2) осуществление пропуска лиц, транспортных средств и товаров через государ-

ственную границу, выявление, пресечение и профилактика правонарушений на приграничной территории);

3) информационная деятельность (формирование положительного имиджа органов пограничной службы, благоприятного общественного мнения);

4) кадровая и идеологическая работа с военнослужащими.

Основными формами и социальными механизмами влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы являются:

1) *формальные* (система обращений граждан и юридических лиц; выражение мнения об эффективности работы ведомства на портале рейтинговой оценки качества оказания услуг организациями Республики Беларусь; оценка деятельности органов пограничной службы в ходе проведения социологических опросов; поддержка и участие населения в деятельности по охране государственной границы (добровольные дружины);

2) *неформальные* (оценка деятельности органов пограничной службы в СМИ, электронных социальных медиа, мессенджерах; массовые нарушения государственной границы; игнорирование (нарушение) установленных законом норм, добровольное содействие в оказании помощи в охране государственной границы).

Заключение

Влияние общественного мнения на деятельность пограничной службы обусло-

влено спецификой социальных контактов, связей и отношений, устанавливаемых и поддерживаемых между социумом и пограничной службой в процессе обеспечения пограничной безопасности государства и функционирования государственной границы. Общественное мнение позволяет формировать и закреплять нормы и традиции социального партнерства во взаимоотношениях населения приграничных районов и военнослужащих органов пограничной службы, что благоприятно отражается на уровне обеспечения пограничной безопасности. Наибольшее воздействие общественное мнение оказывает на социальное самочувствие военнослужащих пограничной службы, а также на их социальный имидж.

В целях повышения конструктивного влияния общественного мнения на эффективность деятельности органов пограничной службы целесообразно осуществлять мониторинг общественного мнения о деятельности органов пограничной службы Республики Беларусь, систематически предоставлять населению наиболее полную и достоверную информацию о деятельности органов пограничной службы, активизировать информационную работу по формированию и развитию позитивного общественного мнения о деятельности органов пограничной службы, внедрять в практику деятельности органов пограничной службы инновационные предложения, направленные на совершенствование работы по обеспечению пограничной безопасности страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабосов, Е. М. Возрастающая значимость социальных сетей в формировании общественного мнения / Е. М. Бабосов // Социол. альм. – 2018. – № 9. – С. 77–83.
2. Горшков, М. К. Общественное мнение: история и современность / М. К. Горшков. – М. : Политиздат, 1988. – 383 с.
3. Сафаров, Р. А. Общественное мнение и государственное управление / Р. А. Сафаров. – М. : Юрид. лит., 1975. – 255 с.
4. Титаренко, Л. Г. Социология общественного мнения : курс лекций / Л. Г. Титаренко. – Изд. 2-е, доп. – Минск : Асар, 2013. – 255 с.
5. Шавель, С. А. Общественная миссия социологии / С. А. Шавель. – Минск : Беларуская навука, 2010. – 404 с.
6. Бабосов, Е. М. Социология управления : пособие для студентов вузов / Е. М. Бабосов. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск : Тетра-Системс, 2010. – 272 с.

REFERENCES

1. Babosov, Ye. M. Vozrastajushchaja znachimost' social'nykh sietej v formirovanii obshchestviennogo mnienija / Ye. M. Babosov / Sociol. al'm. – 2018. – № 9. – S. 77–83.
2. Gorshkov, M. K. Obshchestvennoje mnienije: istorija i sovremennost' / M. K. Gorshkov. – M. : Politizdat, 1988. – 383 s.
3. Safarov, R. A. Obshchestvennoje mnienije i gosudarstvennoje upravlienije / R. A. Safarov. – M. : Jurid. lit., 1975. – 255 s.
4. Titarienko, L. G. Sociologija obshchestviennogo mnienija : kurs liekcij / L. G. Titarienko. – Izd. 2-e, dop. – Minsk : Asar, 2013. – 255 s.
5. Shaviel', S. A. Obshchestviennaja missija sociologii / S. A. Shaviel'. – Minsk : Bielarus. navuka, 2010. – 404 s.
6. Babosov, Ye. M. Sociologija upravlienija : posobije dlja studentov vuzov / Ye. M. Babosov. – 6-e izd., pierierab. i dop. – Minsk : Tetra-Sistems, 2010. – 272 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 16.10.2021

УДК 316.758

Святослав Тихонович Кавецкий*канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина***Sviatoslav Kavetski***PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science and Sociology
at the Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: kstbrest@mail.ru***АНОМИЯ В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И ПЕРЕХОД К СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ**

Исследуются теоретические конструкты и социальные практики аномии, введенные в научный оборот французским социологом Э. Дюркгеймом. Рассматриваются аномальные явления на постсоветском пространстве. Раскрывается трехуровневый характер аномического развития. Через призму современных аномалий (девиантное поведение, отчуждение, социальная травма и др.) исследуется современный белорусский социум. Анализируется Национальная стратегия устойчивого развития.

Ключевые слова: *аномия, отчуждение, мегааномалии, девиантное поведение, социальная травма, устойчивое развитие.*

Anomy in Post-Soviet Society and Transition to a Sustainable Development Strategy

The article studies the theoretical constructs and social practices of the anomy, introduced into scientific use by French sociologist E. Durkheim. It discusses the anomalous phenomena experienced in post-Soviet countries. The three-tier nature of the economic development is described. From the perspective of current anomalies, such as deviant behavior, alienation, social injury, etc., today's Belarusian society is analyzed. Анализируется Национальная стратегия устойчивого развития.

Key words: *anomy, alienation, megaanomalies, deviant behavior, social injury.*

Введение

Высокая степень аномичности постсоветского общества, в т. ч. белорусского социума, подтверждается научным анализом и конкретно-социологическими исследованиями, проведенными под руководством автора или при его участии [1; 2]. Автор исследовал трансформационный постсоветский социум через призму процессов, предшествующих этому состоянию. Поэтому важно искать выходы из аномического состояния общественных отношений или снижения степени влияния этого феномена.

Согласно ретроспективной реконструкции исторического и социофилософского материала проблема аномии в СССР поднималась фрагментарно, а феномен отчуждения подавался как атрибут капитализма в трактовке К. Маркса или просто замалчивался. Но реальность оказалась другой.

Отчуждение присуще индустриальному, постиндустриальному обществу так же, как и обществу «развитого социализма». Оно характерно и для трансформационного постсоветского общества.

Отчужденность современного постсоветского общества представляет собой некий симбиоз «социалистической отчужденности» и смешанной отчужденности (в большей части капиталистического) общества. Социум в настоящем своем качестве также ориентирован на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому другому обществу, травмированному как социализмом, так и псевдорыночными механизмами.

В конце 90-х гг. XX – начале XXI в. появилась концепция травмы в интерпретации П. Штомпки [3; 4], которая часто использовалась при анализе общественно-политических процессов в России. Тему социокультурной травмы анализировали не только социологи, но и экономисты, политологи и культурологи. Раскрывая новые явления в общественной жизни и социальной практике, Ж. Т. Тощенко на основе парадигмы травмы выстроил концепции парадоксального человека, «кентавризма», фантомов и имитации. По его мнению, постсоветский человек – прибежище многих па-

радоксов, свидетельствующих о его «переходной природе», и остается лишь гадать, как скоро этот «парадоксальный» человек, сформировавшийся на постсоветском пространстве, сможет стать «нормальным» [5, с. 55]. Этот феномен подтверждается в исследованиях белорусских социологов А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана, Л. Г. Титаренко. Общее моральное состояние белорусов, судя по опросам, остается весьма неопределенным. Отметим, что «кентавризмы», фантомы, имитация охватывают широкий спектр процессов в экономике, политике, культуре, образовании и присущи белорусскому социуму.

Важным следствием аномии стала трансформация постсоветского общества – создание новых независимых государств. На возникающий социокультурный феномен аномии различные страты социума реагируют по-разному. Первая из таких реакций – конформистская. Это приспособленчество, характерное для советского и постсоветского «молчаливого большинства»; это общество, где доминирующее положение занимает подданнический тип политической культуры.

Второй тип реакции – инновативное поведение. Российский социолог В. В. Кривошеев, отмечая специфику аномии и ее небывалую криминальную насыщенность, делает вывод, что для современной ситуации характерна «криминализация всего социума» [1, с. 13].

Третий тип реакции представляет группа, для которой главное не достижение целей, а ритуалы, «замешанные» на бюрократизме и формализме. Это подтверждают количественные и качественные постсоветские показатели, превзошедшие советский период.

Четвертый тип реакции проявляют индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретритизм). Сюда относят алкоголиков, наркоманов, токсикоманов, женщин легкого поведения, представителей нетрадиционных сексуальных ориентаций и т. д.

Пятый тип реакции – конфликт, бунт, мятеж и т. д., что характерно для радикальных молодежных группировок, субкультур, нетрадиционных профессиональных сект.

Аномическое состояние порождает риски в развитии современного социума.

О. Н. Яницкий отмечает, что аномические риски возникают как на объективной, так и на субъективной основе [6]. Рискогенность ситуации постсоветского пространства сложилась после распада СССР и продолжает провоцировать бывшие советские республики, в т. ч. Беларусь, на большие и малые аномалии. Развивая свою концепцию «нормальной аномии», С. А. Кравченко сделал вывод, что риски возникают в контексте формирования рискофобии и рискофилии, и их парадоксальное взаимопроникновение становятся нормой [7]. Упреждение рисков аномичности и их минимизацию необходимо рассматривать как программу комплексных мер по стабилизации во всех областях общественной жизни, направленных на переход общества к стратегии устойчивого развития.

Таким образом, наряду с классической аномией Э. Дюркгейма и ее структурированием в XX – начале XXI в., на постсоветском пространстве появились новые явления сложного социума, которые требуют тщательного изучения и измерения с точки зрения аномических процессов.

Распад СССР и его последствия наложили глубокий отпечаток на все сферы общественной жизни на постсоветском пространстве. После распада СССР все бывшие республики стали искать выход из кризиса сначала в экономическом, а в дальнейшем – в юридическом суверенитете.

Экономическое развитие Беларуси в 90-е гг. XX в. и в начале XXI в. происходило неравномерно. На переходном этапе осуществления экономических реформ в Республике Беларусь преобладало неэффективное государственное управление экономикой. После принятия в 1994 г. Конституции Республики Беларусь и проведения президентских выборов стало ясно, что переход к новым производственным отношениям будет длительным и потребует целенаправленных решений комплекса стратегических и тактических задач.

В поле постоянного социологического мониторинга находились экономические проблемы жителей, в частности, Брестского региона. Так, респондентам – жителям Брестчины – на протяжении ряда лет (1997, 2005, 2016, 2018, 2021) предлагалось ответить на вопрос: «Какие экономические проблемы больше всего волнуют население?».

Среди ответов повышение цен (79,7, 82,1, 85,6, 72,3 и 87 % соответственно), несвоевременная выплата заработной платы (23,4, 11,4, 15,4, 5,7, 10 %), полная или частичная безработица (22,3, 27,9, 32,7, 24,5, 14 %), «зарплаты хватает только на еду, на одежду – нет» (38,6, 42,8, 29,8, 26,5, 22 %), высокие налоги (–, 30,7, 23,1, 9,7, 21 %), высокая стоимость коммунальных услуг (–, 63,5, 55,8, 47, 52 %).

Экономика испытывала на себе влияние внешних катаклизмов: разрыв хозяйственных связей после распада СССР; дефолт в Российской Федерации в августе 1997 г.; нефтегазовое, информационное, товарно-сырьевое противостояние; недоразумения с союзным Российским государством в 2006–2017 гг.; всемирный экономический кризис, начавшийся в 2008 г.; валютный катаклизм 2011 г.; экономический кризис 2014–2016 гг., влияние Covid-19, санкции Евросоюза и других государств после президентских выборов 2020 г. Внутренняя экономическая политика при всех ее достижениях на суверенном этапе развития Беларуси испытывала на себе влияние как советской экономической модели, так и «дикого капитализма», а экономические проблемы часто решались методом проб и ошибок.

Отношение к политике жителей Бреста выяснялось в ходе опросов в 1997, 2005, 2016, 2018 и 2021 гг. Результаты опросов показали, что политикой в большей степени интересуются мужчины, чем женщины; респонденты с более высоким уровнем образования; по социальному статусу (по степени убывания): служащие с высшим образованием, пенсионеры, студенты, преподаватели, маргиналы (безработные), сельские жители.

В число субъектов современного политического процесса входят политические партии. В 2021 г. официально работали 15 политических партий. Среди проблем большинства политических партий выделяются следующие: отсутствие теоретической работы, параллелизм в их деятельности, отсутствие полноценной социальной базы, партии мало узнаваемы и часто ничем не отличаются друг от друга. Чтобы стать реальной политической силой, необходимо вместо разрешительного принципа образования политических партий законодательное введение заявительного принципа, а

также изменение мажоритарной избирательной системы на выборах в Палату представителей на пропорциональную или, как первый шаг, на смешанную. Об аномичности белорусской партийной системы говорит и тот факт, что, по данным конкретно-социологического исследования, проведенных в г. Бресте 2021 г. под руководством автора, более 80 % респондентов ответили, что не поддерживают ни одну из политических партий Беларуси.

Таким образом, анализ основных аспектов политической сферы суверенного белорусского общества показывает, что политическая система продолжает формироваться и носит переходный характер. Ей присущи черты, оставшиеся от советского режима, авторитарные факторы по-прежнему доминируют, но есть и нарастающие элементы смешанного демократического общества. Все это часто создает симбиоз аномических трансформаций современного белорусского общества.

Компьютерная революция, и особенно Интернет, продолжают победное шествие. По данным конкретно-социологических исследований, проведенных под руководством автора в 2005 г., 33,5 % респондентов имели персональный компьютер, 17,8 % использовали Интернет. К 2016 г. число людей, имеющих компьютер, удвоилось, а количество интернет-пользователей утроилось. В 2018 г. мобильный телефон имели 96,4 % респондентов, компьютер – 85,5 %, Интернет – 81,9 %.

Белорусский социум на протяжении последних более 25 лет в силу исторических условий и геополитического положения, трансформационных изменений во всех сферах общественной жизни находится в переходном состоянии. Аномическое состояние белорусского общества оказывает негативное влияние на современное развитие и порождает социальные девиации. По данным МВД Республики Беларусь, в 2020 г. было зарегистрировано 95,3 тыс. преступлений (в 2019 г. – 88,4 тыс.). На 100 000 населения приходилось 1 018 преступлений (в 2019 г. – 938). На 1 января 2017 г. в местах лишения свободы находились 35,2 тыс. человек, что на 5,5 % больше, чем на 1 января 2016 г.

Таким образом, в условиях сохраняющегося достаточно высокого уровня соци-

альных девиаций важным стабилизирующим фактором является эффективная государственная антидевиантная политика, направленная на минимизацию негативных последствий девиаций для социума. Республика Беларусь уже более 25 лет развивается как суверенное и независимое государство. Однако достигнутые успехи не могут скрыть проблем, связанных с высокой степенью аномичности в процессе развития современного белорусского общества.

Достижение устойчивого неаномического развития подразумевает необходимость действенных изменений государственной политики в целях обеспечения социально справедливого и экологически приемлемого экономического развития. В Беларуси согласно Закону «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Республики Беларусь» от 5 мая 1998 г. принята Национальная стратегия устойчивого развития (НСУР). Это программа, определяющая направления стабильного развития трех взаимосвязанных и взаимодополняющих компонентов:

- 1) человек как личность и генератор новых идей;
- 2) конкурентоспособная экономика;
- 3) качество окружающей среды.

В условиях внутренних и внешних угроз и вызовов НСУР выступает как системообразующий документ для разработки прогнозов и программ социально-экономического развития страны на кратко- и среднесрочную перспективу.

Структура и содержание НСУР-2030 основаны на принципе преемственности задач и приоритетов, определенных в НСУР-2020, в Программе развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 г. и иных программных документах на средне- и долгосрочную перспективы, а также принятых критериев экономической безопасности страны. Концептуальным ядром документа является модель устойчивого развития. Поставленная стратегическая цель предусматривает два этапа ее реализации. Первый этап – 2016–2020 гг., второй этап – 2021–2030 гг.

Одной из главных составляющих устойчивого социально-экономического развития страны является улучшение режима воспроизводства населения, определяющего возобновление и качество человеческого

капитала. В последние годы демографическая проблематика оказалась в эпицентре общественного внимания и обсуждения на различных уровнях государственного управления, в научных дискуссиях, в средствах массовой информации.

С середины 1990-х гг. проявились явные признаки демографической катастрофы, более растянутой по времени, но не менее разрушительной по своим социальным последствиям, чем предыдущие, перешедшей в XXI в. Численность населения в послевоенное время постоянно увеличивалась до 1994 г. Однако темпы прироста с начала 1970-х гг. начали постепенно снижаться. Резкое ухудшение демографической ситуации отмечается с начала 1993 г. В период между переписями населения 1989 и 2009 гг. численность населения уменьшилась на 653 тыс. человек, что было вызвано естественной убылью населения (превышением числа умерших над числом родившихся), объем которой увеличивался и не компенсировался его миграционным приростом. Если по переписи 1999 г. численность постоянного населения Республики Беларусь составила 10 млн 45 тыс. человек, то за десять лет она уменьшилась на 541 тыс. человек, или на 5,4 %. В период с 2009 по 2017 г. можно заметить признаки стабилизации численности населения Беларуси.

В 2003 г. средняя продолжительность жизни в Беларуси составила 68 лет для всего населения (62,3 года для мужчин, 74,1 года для женщин); разница между показателями по полу составляла 11,8 года. В 2016 г. средняя продолжительность жизни составила для женщин 78,9 года, для мужчин – 68,6 года; разница между полами составила 10,3 года. Это позволяет оценить современную демографическую ситуацию в Беларуси как кризисную, чрезвычайно опасную и представляющую угрозу национальной безопасности страны. Следует признать усиление внимания правительства Беларуси к демографической политике в контексте экономического роста и устойчивости развития. Так, Республика Беларусь – практически единственная среди республик бывшего СССР, где был принят Закон о демографической безопасности на 2006–2010 гг., который был продлен еще на 10 лет. Сегодня принципиально важна государственная поддержка семьи и семейных ценностей, кото-

рые являются тем фундаментом, на котором строится вся система мер демографической политики.

В соответствии с Национальной стратегией устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г., основной целью демографической политики Беларуси в среднесрочной перспективе (2016–2020) является стабилизация численности населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В последние годы благодаря принимаемым мерам удалось стабилизировать численность населения страны, и в 2017 г. оно составило около 9,5 млн человек. Следует подчеркнуть, что в состав населения Беларуси вошла и часть беженцев из Украины, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации. По переписи 2019 г. в Республике Беларусь проживало 9 млн 417 тыс. человек.

Одним из приоритетов социальной политики Белорусского государства является повышение реальных доходов как основного фактора улучшения качества жизни и формирования «среднего класса» в стране.

В 90-е гг. XX в. в Беларуси началось изучение «среднего класса». Проведенные в 2005, 2016, 2018 и 2021 гг. под руководством автора конкретно-социологические исследования показали, что в зависимости от самоидентификации, социального статуса, семейного положения, а главное, от доходов респонденты относят себя к среднеобеспеченным группам:

1) 2005 г. – 25,9 %; критерий дохода среднеобеспеченных брестчан следующий: от 250 до 150 долл. США в месяц «чистыми без налогов, социальных выплат и прочих обязательных платежей»;

2) 2016 г. – 28,4 %; доход от 400 до 300 долл. США;

3) 2018 г. – 33,9 %; доход от 400 до 300 долл. США;

4) 2021 – 28,4 %; доход от 400 до 300 долл. США.

Становление среднего класса в Беларуси – это длительный процесс, который не в последнюю очередь зависит от уровня доходов населения. Неравномерность экономического развития обуславливает приливы и отливы численности «среднего» слоя. Несмотря на различие подходов к определению среднего уровня населения, он постепенно увеличивается, и это должно спо-

собствовать интеграции социума в рамках национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь.

Нравственной проблемой является также доверие граждан к органам государственного управления и бизнеса, к результатам исследований ученых: экономистов, политологов и т. п. Современной экономической науке недостает проработанных механизмов и методик, направленных на опережение и прогнозирование внешних и внутренних рисков.

С учетом особенностей Беларуси как страны с экспортным потенциалом и углублением интеграционных процессов важнейшим условием развития Республики Беларусь является обеспечение устойчивости национальной валюты. Девальвация белорусского рубля на 20 % по отношению к американскому доллару в первый день 2009 г., хотя и была вынужденной мерой, снизила авторитет и подорвала доверие к ведущим государственным институтам.

В этой ситуации важна оценка основных структур вертикали власти. Наравне с позитивными тенденциями общественного развития, результаты мониторинговых социологических исследований свидетельствуют, что в современном белорусском обществе в деятельности органов государственной власти и управления в настоящее время имеется много недостатков: волокита (44,1 %), невнимание к гражданам (39,2 %), использование должности в личных целях (37,8 %), непрофессионализм (28,7 %), взяточничество, коррупция (27,4 %), принятие решений в обход закона (20,4 %).

Принято считать, что социальной основой гражданского общества являются «средние» социальные слои. Их удельный вес в развитых странах достигает 60 %. Устойчивое социальное положение и образ жизни данных категорий граждан создают предпосылки стабильного функционирования общества в целом.

Достигнутые успехи не могут скрыть проблем, связанных с высокой степенью аномичности в процессе развития современного белорусского общества. Еще в XIX в. Э. Дюркгейм видел выход из аномии в новой идеологии, в новых социально-профессиональных группах. Где искать белорусскому социуму выход из аномического со-

стояния? Е. М. Бабосов утверждает, что основная предпосылка формирования целостной неаномической личности – гармонизация стремлений, интересов и действий различных индивидов, социальных групп и общностей, достижение устойчивого и динамического развития общества.

Заклучение

Социологический анализ белорусского общества показывает, что в экономике, политической и социокультурной областях на рубеже XX и XXI вв. произошли и происходят изменения, несущие высокую степень аномичности. Этот процесс подтверждается конкретными фактами социологических исследований и статистическими материалами. В условиях сохраняющегося

достаточно высокого уровня социальных девиаций важным фактором поддержания национальной безопасности Республики Беларусь является эффективная государственная антидевиантная политика, направленная на минимизацию негативных последствий для личности, коллектива и общества.

Базовой основой устойчивого развития Беларуси как суверенного независимого государства является белорусская модель социально ориентированной экономики. При этом анализ кризисных явлений дает возможность выявить глубинные причины аномийного состояния современного общества, взаимосвязь с глобальными процессами, которые происходят во всех сферах общественной жизни и влияют на национальное развитие суверенной Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кавецкий, С. Т. Аномия: истоки и современность / С. Т. Кавецкий. – Брест : Изд-во БрГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – 235 с.
2. Кавецкий, С. Т. Аномия: теория и социальная практика / С. Т. Кавецкий ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Брест : БрГУ, 2019. – 245 с.
3. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
4. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3–12.
5. Тощенко, Ж. Т. Парадоксальный человек / Ж. Т. Тощенко. – М. : Гардарики, 2001. – 398 с.
6. Яницкий, О. Н. Социология риска / О. Н. Яницкий. – М. : LVS, 2003. – 107 с.
7. Кравченко, С. А. Сосуществование рискофобии и рискофилии – проявление «нормальной аномии» / С. А. Кравченко // Социс. – 2017. – № 2. – С. 3–13.

REFERENCES

1. Kavieckij, S. T. Anomija: istoki i sovriemiennost' / S. T. Kavieckij. – Brest : Izd-vo BrGU im. A. S. Pushkina, 2010. – 235 s.
2. Kavieckij, S. T. Anomija: teorija i social'naja praktika / S. T. Kavieckij ; Brest gos. un-t im. A. S. Pushkina. – 2-je izd., pierierab. i dop. – Brest : BrGU, 2019. – 245 s.
3. Shtompka, P. Social'noje izmienienije kak travma / P. Shtompka // Socis. – 2001. – № 1. – S. 6–16.
4. Shtompka, P. Kul'turnaja travma v postkommunistichieskom obshchiestvie / P. Shtompka // Socis. – 2001. – № 2. – S. 3–12.
5. Toshchienko, Zh. T. Paradoksal'nyj chieloviek / Zh. T. Toshchienko. – M. : Gardariki, 2001. – 398 s.
6. Yanickij, O. N. Sociologija riska / O. N. Yanickij. – M. : LVS, 2003. – 107 s.
7. Kravchienko, S. A. Sosushchiestvovaniije riskofobii i riskofilii – projavlienije «normal'noj anomii» / S. A. Kravchienko // Socis. – 2017. – № 2. – S. 3–13.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 29.09.2021

УДК 316.33

Анатолій Іванович Лысюк¹, Марія Григорьевна Соколовская²¹д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., доц. каф. политологии и социологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²ст. преподаватель каф. политологии и социологии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Anatolij Lysiuk¹, Maria Sokolovskaja²¹Doctor in Political Science, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of Department for Political Science and Sociology

at the Brest State A. S. Pushkin University

²Senior Lecturer of Department for Political Science and Sociology

at the Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: ¹ailysiuk@list.ru; ²llogos@list.ru**ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ТРУДАХ ФРИДРИХА НИЦШЕ**

Отмечается, что при анализе гендерной проблематики Ницше использует широкий спектр символических (художественных) средств, афористическую манеру мышления и письма, что затрудняет понимание его произведений. Восприятие философом женщин существенным образом определяется его личными с ними отношениями: в его жизни они играли огромную и позитивную роль. Указывается, что в его понимании основополагающее различие между мужчиной и женщиной выражается в ее ориентации на «любовь к ближнему», т. е. на мир близких отношений с окружающими ее людьми, в то время как для мужчины приоритетом является «любовь к дальнему» – к гражданам страны, грядущим поколениям, человечеству в целом, высшим ценностям. Констатируется различное прочтение мужчинами и женщинами их миссий в семейных отношениях. Подчеркивается, что в сфере личностных качеств эмпирической женщины обнаруживается противоречивость ее характера с преобладанием позитивных свойств: а) высокий ум (отличный от мужского); б) собственная логика, обусловленная ее социальной хрупкостью и уязвимостью; в) высокая степень субъективного восприятия мира; г) страстность натуры, высокий накал чувств и эмоций; д) владение относительно мужчин искусством манипуляций и искушений; е) «природный» характер (образ «кошки»), обуславливающий ее грациозность, своеволие, инстинкт хищника, сладость, коварство; ж) мудрость в формировании гармоничных отношений с членами семьи; з) парадоксальность мышления; и) способность не только на любовь, но и дружбу с мужчинами.

Ключевые слова: мужчина, женщина, высшие ценности, низшие ценности, мудрость, инстинкт матери, эмансипация.

The Image of Woman in Works of Friedrich Nietzsche

It is noted that analyzing gender issues, Nietzsche uses a wide range of symbolic (artistic) means, aphoristic manner of thinking and writing, which makes it difficult to understand his works. Philosopher's perception of women is essentially determined by his personal relations with them – they played a huge and positive role in his life. It is pointed out that, in his understanding, the fundamental difference between man and woman is expressed in her orientation towards «love for one's neighbor», i. e. to the world of close relationships with people around her, while for a man the priority is «love for the distant» – for the citizens of the country, future generations, humanity in general, and the highest values. It is emphasised that in the area of personal qualities of an empirical woman, is revealed the contradictory of her character with a predominance of positive features: a) noble mind (different from male); b) own logic, stipulated by her social fragility and vulnerability; c) high degree of subjectivity in terms of the world perception; d) passion of nature, high level of feelings and emotions; e) in comparison with the men more efficient usage of manipulation and temptation; f) «natural» character (image of a «cat»), which determines her gracefulness, free-will, predatory instinct, sweetness, guile; g) wisdom in forming harmonious relationships with family members; h) paradoxicalness of thinking; i) ability not only to love, but also to make friends with men.

Key words: man, woman, higher values, inferior values, wisdom, mother's instinct, emancipation.

Введение

Труды выдающегося немецкого философа Ф. Ницше вызывали и вызывают не-

однозначную трактовку, связанную с примитивизацией (иногда и непониманием) его творчества, что обусловлено афористиче-

ской манерой его мышления и письма. А. Игнатов отмечал «Ницше... эссеист и мастер афоризмов, у него аргументация сведена к минимуму и фрагментарна, но именно поэтому он придает ей очень выразительную форму... Он к тому же величайший субъективный писатель, и потоку его видений, символов, чувств недостает философской обязательности... Расплывчатые символы Ницше редко допускают однозначную интерпретацию его взглядов» [1, с. 36]. Действительно, он является не просто философом, но и поэтом, эссеистом, «лириком познания». Сам Ф. Ницше сравнивает свой стиль с танцем. Уникальность творческого, художественного гения требуют обязательного понимания используемого им символического языка.

Учение немецкого мыслителя лишено не логической связи, но признаков ортодоксальной системы. Русский философ С. Франк писал: «Лучшее средство понять и оценить Ницше... не стараться воспринимать его учение как законченную догму точно определенного содержания... Поэтический склад учения Ницше, так ярко отразившийся в его учениях... делает совершенно невозможным догматическое усвоение его учения» [2, с. 16].

В творчестве Ф. Ницше присутствует и личностный жизненный опыт. Он был убежден: «Мы должны непрестанно рожать наши мысли из нашей боли и... придавать им все, что у нас есть: кровь, сердце, огонь, веселость, страсть, муку, совесть, судьбу, рок» [Цит. по: 3, с. 23].

Необходимо учитывать и такое обстоятельство: в разных культурах, например, западной и российской, существуют различные трактовки его идей. Следовательно, требуется бережное обращение с «женской тематикой», представленной в научном мышлении Ф. Ницше, избавление ее от поверхностного восприятия [4–6]. Действительно, Ф. Ницше утверждал, что в то время, как женщина завладевает все новыми правами, в реальности в своем развитии она движется назад по лестнице деградации. В своих трудах он периодически использует по отношению к ней пренебрежительное слово «бабёнка». Однако более детальный анализ этих утверждений показывает, что им присуща большая глубина и неоднозначность, позволяющая обнаружить

иное содержание. К примеру, нередко некоторые авторы упоминают слова Ф. Ницше о том, что «если ты идешь к женщине, то не забудь взять с собою кнут». Но сам философ указывает на подобную трактовку как заблуждение, неверное понимание. К тому же сами эти слова принадлежат не Заратустре, с которым он себя идентифицирует, а старой женщине, с которой тот беседует.

В текстах Ф. Ницше можно обнаружить не только противоположные, но и взаимоисключающие утверждения, вызванные как эволюцией его взглядов, так и изменившимися жизненными обстоятельствами. Так, в одной работе он рассматривает брак как социальный институт, уже потерявший в современных обстоятельствах смысл, в другой брак уже определяется как нечто полезное и необходимое, но только для определенного возраста, в третьей же этот социальный институт воспринимается в качестве позитивной воли «двух создать одного, который больше создавших его. Глубокое уважение друг перед другом я называю браком» [7, с. 50].

В этой ситуации для приближения к истине будут использоваться три метода. Во-первых, мы будем соотносить конкретные утверждения с большими посылками согласно методологии социального анализа П. Сорокина [8, с. 60]. Во-вторых, в случае столкновения аналитических позиций будем выбирать позицию доминирующую, т. е. наиболее часто упоминаемую мыслителем. В-третьих, высказанное утверждение будем соотносить с личным жизненным опытом немецкого мыслителя.

Целью работы является определение образа женщины, представленного в трудах Ф. Ницше, избавление его от поверхностного, одностороннего, а значит, ложного понимания.

Женщины в личной жизни Ф. Ницше

Изучение биографического материала позволяет утверждать, что в личной жизни Ф. Ницше женщины играли огромную и позитивную роль. В первую очередь необходимо указать на его близкие, любовные и доверительные отношения с мамой и сестрой (отец рано умер). Он писал: «Каждый носит в себе образ женщины, воспринятый от матери; этим определяется, будет ли человек почитать женщин вообще, или прези-

рать их, или в общем относиться к ним равнодушно» [9, с. 415].

На протяжении многих лет он поддерживал самую близкую и благородную дружбу с женой выдающегося немецкого композитора Рихарда Вагнера Козимой и аристократкой госпожой Майзенбух. Он восхищался их умом, преклонялся перед тонкостью понимания ими искусства, был благодарен за широту и искренность заботы о нем, сравнимой только с материнской любовью.

Ф. Ницше находил немалое удовольствие в общении с другими, не столь в интеллектуальном плане развитыми женщинами, будучи для них интересным и искусным собеседником. В этих отношениях он был целомудренен, как молодая девушка. Тем не менее в его письмах редко, но можно встретить восхищение их внешней грацией и очарованием.

Сердце Ф. Ницше знало чувство любви к двум конкретным женщинам. Самая большая его любовь – романтические отношения с дочерью российского генерала 20-летней Лу Саломэ, на которой он хотел жениться, но которая отказала ему, предложив взамен верную дружбу и моральную поддержку. Эта любовь была для него только разновидностью духовной и душевной любви. В своих письмах Ф. Ницше называет ее самой умной женщиной в мире, а современники указывают на ее чрезвычайную интеллектуальную восприимчивость и глубину души.

Что же касается второй любимой женщины – Козимы Вагнер, которая была в его философском творчестве прообразом Ариадны (Души), то здесь, скорее, проявилась ревность к ее мужу, чем уверенное любовное чувство.

Ф. Ницше неоднократно в своих письмах заявлял о своей готовности и даже необходимости вступить в брак. Известен только один факт его брачного предложения, о чем мы уже выше говорили. Причиной этого является его неготовность создать свою семью. Не столько по экономическим причинам (он был небогат), сколько по осознаваемой им неспособности дать женщине то, к чему она в браке стремится. Кроме того, он был убежден в невозможности совмещения в жизни функций философа и достойного мужа. Он, в частности, писал:

«Нелепым представляется, когда человек, который избрал своей задачей общее познание и расценку совокупности бытия, обрекает себя личными заботами о семье, о прокормлении, обеспечении и репутации жены и детей» [9, с. 435].

Легко обнаружить, что близкие немецкому философу женщины воплощали лучшие человеческие качества. Они не только восхищали его интеллектуально и вдохновляли на творчество, но на протяжении всей его жизни согревали заботой, признанием, надежностью и пониманием, будучи для него прекрасными собеседниками и вызывая ответную признательность. У него никогда не появлялось чувство пренебрежения ими. Об этом свидетельствует и дошедшая до нас фотография, композицию которой создал сам философ, на которой изображена Лу Саломэ, погоняющая плеткой идущих впереди и страстно влюбленных в нее Ф. Ницше и известного немецкого философа Пауля Рэ; на ней она ясно чувствует всю полноту власти над ними, осознает огромную силу их любви к ней. Поэтому трудно согласиться с утверждением английского философа Бертрана Рассела о присутствии Ф. Ницше отращении к женщинам.

Женщина между «любовью к близкому» и «любовью к дальнему»

Одной из наиболее распространенных ошибок является буквальное прочтение высказываний немецкого философа в той ситуации, когда он использует символические средства для передачи иного, более широкого и абстрактного смысла. В полной мере подобное искажение касается «концептуальных персонажей» мужчин и женщин.

Первоначально обратимся к метафизическому измерению мужского и женского начала, который, в частности, проявляется в соотношении в земном и духовном мирах «вечно-женственного» и «вечно-мужского». Опираясь на античную традицию, Ф. Ницше рассматривает историю как нечто «вечно-мужественное». Такая позиция основана на восприятии греческой культуры классической эпохи как культуры мужчин. Древнегреческий культурный код определяется им по своему содержанию как тотально маскулинный. Философ убежден, что «человек, обладающий умственной глубиной... может думать о женщине всегда только по-

восточному... видеть в женщине предмет обладания, собственность... нечто предназначенное для служения... Греки от Гомера до Перикла вместе с *возрастающей* культурой и расширением власти шаг за шагом делали *строже* к женщине» [10, с. 356].

В этом подходе содержится ее противопоставление христианской традиции, для которой имманентно присущи производные от Христа Вечная женственность и образ Софии, что логически предполагает позитивную трактовку образа женщины. Как известно, немецкий мыслитель исповедовал антихристианские убеждения.

Контroversия между мужским и женским отчетливо наблюдается в этической сфере, выступая в качестве взаимоположения двух моральных принципов – «любви к ближнему» и «любви к дальнему».

Под «любовью к ближнему» понимается широкий спектр позитивных чувств и чувствований, которые индивид испытывает по отношению к тем, кто рядом («ближним»), с кем вступает в непосредственные коммуникации, общение и к кому он естественным образом испытывает чувства любви, сострадания, сопереживания и т. п. Этот «ближний круг» составляют, как правило, члены семьи, а также друзья и отчасти коллеги. У Ф. Ницше ключевым элементом «мира ближнего», семейного и дружеского круга выступает именно женщина.

«Любовь к дальнему» – иное чувство, холодное либо отстраненное к тем, кто непосредственно индивида окружает, но чрезвычайно горячее к «дальним» для него людям (гражданам страны, грядущим поколениям, человечеству как таковому), а также к высшим ценностям («призракам») – жизненным идеалам, истине, добру, справедливости, красоте, гармонии, чести. Их безусловная и абсолютная значимость зиждется на ценности социальной миссии двигать, совершенствовать и преобразовывать человечество. Немецкий философ убежден, что субъектами этой миссии могут быть по своему призванию, умению и образу жизни преимущественно мужчины. В силу же погруженности женщин в мир обыденности, наполненный повседневными материальными интересами людей, они большей частью не способны участвовать в реализации высших целей и ценностей. Более того, в некоторых ситуациях они могут препятст-

вовать тем, «кто возлюбил дальнее». Русский философ С. Франк полагает, что «оба моральных принципа сходятся в резкое и часто непримиримое столкновение друг с другом... Сам Ницше – убежденный и восторженный апостол “любви к дальнему”» [2, с. 15]. Речь идет не о том, что личности женщин являются недостойными и заслуживающими порицания; они просто по своей внутренней природе либо не могут быть носителями высоких смыслов, либо тормозят их реализацию.

Человеческим олицетворением и художественно-образным воплощением «любви к дальнему» выступает в концепции Ф. Ницше «сверхчеловек» – носитель высших моральных качеств, призванный к тому, чтобы изменить систему ценностей общества. Как подчеркивает украинский философ А. Мельник, «философема Сверхчеловека, которую можно считать центральной в антропологических взглядах Ницше, акцентирует внимание именно на противостоянии всему утилитарно-жизненному и утверждает этику творчества [11, с. 100]. Может ли женщина быть таким существом? В принципе нет, но некоторые из них, особенные, – да. Ф. Ницше в связи с этим пишет: «Некоторые женщины достигают высокой стадии развития: «Совершенная женщина есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина, но и нечто гораздо более редкое» [9, с. 415].

Немецкий философ обнаруживает женские начала также в некоторых ключевых феноменах бытия и ценностных системах общества и человека. Например, женщинами он именуется и мудрость, и счастье, и жизнь, и душу.

Однако внимательно взглядевшись в определение им этих феноменов, мы замечаем противоречивость представленных в них женских содержаний. Очевидным образом каждый из них обладает непреходящей ценностью. Например, жизнь прекрасна и являет собой «златотканый покров прекрасных возможностей», но одновременно ей свойственен ряд характеристик, присущих эмпирической женщине, не имеющих отношения к высоким ценностям: сопротивление, стыдливость, насмешливость, сострадательность, соблазн [12, с. 659].

Заратустра радостно именуется счастьем женщиной. Но при этом подчеркивает до-

минантную позицию мужчины, поскольку «счастье бегает за мной», а не я «бегаю за счастьем».

Ф. Ницше определяет и мудрость как женщину. Но одновременно он видит в ней маскулинный компонент, т. к. кроме глубины ума, от мудрости требуется мужество, твердость и умение быть воином.

Вечность у него мыслителя также ассоциируется с женщиной, которую он и любит и от которой «хотел бы иметь я детей... ибо я люблю тебя, о Вечность!» [7, с. 166]. Подобное высказывание необходимо воспринимать в его символической форме как соотношение высших и низших ценностей. Например, когда Ф. Ницше утверждает, что маленькая женщина не может быть красивой, то речь идет не о ее биологических параметрах, а размерах ее души.

Женщина может быть и воплощением души, которой в философии Ф. Ницше является Ариадна. Ее ключевая задача – через союз с Тесеем родить «сверхчеловека», а также обеспечивать через участие в этом акте утверждения Вечного Возвращения. И еще: держать «в своих руках нить в лабиринте, нить моральности» [13, с. 50].

Заратустра провозглашает: «Я хочу видеть мужчину и женщину: одного способным к войне, другую способную к деторождению, но обоих способными к пляске головой и ногами» [7, с. 152]. Настоящий мужчина должен стремиться брать в руки оружие и трансформировать, возвышая, мир ценностей, а женщина, в свою очередь, рождать сверхчеловека, т. е. духовно поддерживать тех немногих людей, которые выбрали этот трудный путь. Она должна при этом пребывать в виде персоны «легкой, изящной, возносящейся к небу», похожей на «танцующую звезду». Такие же подлинно человеческие чувства, как обида, ревность, озлобленность и досада, должны отодвигаться на периферию ее личности.

Характер женщины в представлении Ф. Ницше

Помимо метафизических в трудах Ф. Ницше определяются эмпирические характеристики женщины. По его убеждению, по своему характеру женщина далеко не идеальна и «в самой сладкой женщине есть еще горькое» [7, с. 47]. Но не патологична и не является болезненной натурой, на что

периодически указывают любители ницшеанской публицистики. На каждую ее прекрасную грань приходится своя противоположность.

Начнем с того, что женское прекрасное своеобразие, в представлении мыслителя, выражается в том, что женщины, безусловно, умны, но этот ум совершенно не похож на мужской. Интеллект женщин характеризуется полнейшим самообладанием, присутствием духа и силой духа. Но он же нацелен на использование женщиной «всех выгод», что побуждает их к использованию искусства воздействия на мужчин, манипуляции ими. В частности, женщины склонны к притворству, преувеличению своих несовершенств, «они даже изобретают себе слабости, чтобы выглядеть совершенно хрупкими украшениями, которым в тягость и пылинки» [12, с. 554]. Некоторые из них предпочитают жить «за счет мужчины» и через подчинение обеспечивать себе гораздо большую выгоду «и даже господство». В этом женском лукавстве существует своя логика, обусловленная их социальной хрупкостью – необходимостью в защите от сильных, «всякого кулачного права» и драматических внешних обстоятельств. Вообще, ничего дурного в этом нет, если подобный образ жизни является результатом свободного выбора двоих. Проблемы начинаются тогда, когда у женщины рождается тайное озлобление против того, от кого она зависит. Кроме этого, «у многих женщин, как медиумических натур, интеллект проявляется лишь внезапно и толчками, притом с неожиданной силой» [14, с. 757].

Ф. Ницше исходит из того, что в житейском, семейном плане (не в творческом, социальном) женщины умнее мужчины и в этом контексте отношения мужчины и женщины он рассматривает как «отношение воли и интеллекта», «головы» (женщина) и «сердца» (мужчина). Интеллект женщин чрезвычайно значим для семьи и общества и по той причине, что именно они передают своим детям важные свойства и социальные ценности.

В силу интеллектуальной грациозности и духовной гибкости женщин исторически, по убеждению Ф. Ницше, мужчины склонны к обогащающему их общению с самыми умными из них, как это было, например, в Афинах во времена Перикла, об-

щению, которое расширяет их ум и сердце. Поэтому если умный мужчина и выбирает себе спутницу жизни, то он должен ответить на вопрос: «Полагаешь ли ты, что ты до старости сможешь хорошо беседовать с этой женщиной», что предполагает возможность быть интересными друг другу. Этот пассаж в полной мере относится и к жизни самого Ф. Ницше.

Если же выйти за пределы семьи, то, по убеждению немецкого философа, душа женщины менее глубока, чем мужчины: «Поверхность – душа женщины, подвижная, бурная пленка на мелкой воде. Но душа мужчины глубока... женщина чувствует его силу, но не понимает ее» [7, с. 48]. Ф. Ницше подчеркивает, что если в какой-либо женщине обнаруживаются научные способности, то весьма вероятно это свидетельствует о болезни ее половой системы, формирующей мужественность вкуса.

Согласно Ф. Ницше, в восприятии мира женщинам присуща высокая степень субъективного чувства, личного отношения, что сказывается на специфике их мышления, допускающего сосуществование в сознании идей, логически противоречащих друг другу.

В личных отношениях с мужчинами женщины часто демонстрируют известную мягкость, терпение, пугливость, смиренность, что объясняется их зависимым положением в семье и социуме. Как отмечает Ф. Ницше, «свойство мужчины – воля, свойство женщины – уступчивость: таков закон полов, поистине суровый закон для женщины!» [12, с. 554]. Такое распределение социальных ролей в своей самой глубокой сути обусловлено, образно говоря, ее «беременностью», «инстинктом матери». В этом заключается ее ключевая и всепоглощающая миссия, но этим она не исчерпывается.

Часто декларируемое внешнее смирение женщины может скрывать внутреннее море ее чувств и эмоций. Мыслитель убежден, что склад ее души отражает «более темный фон» ее воли, более страстную натуру. Женщина может приобретать черты даже «оргастического и дионисического существа», что проявляется в ее стремлении к мщению; она способна быть по-варварски несдержанной в своей ненависти, злой и лукавой, проявляя свое природное, не схва-

щенное разумом начало. Ф. Ницше полагает, что «мужчина хочет от женщины миролюбия, – а между тем женщина по *существу своему* как раз неуживчива, подобно кошке» [10, с. 299].

Действительно, наиболее часто упоминаемый образ женщины у Ф. Ницше – это образ кошки, указывающий на ее преимущественно «природный» характер: внешнюю грациозность, своеволие, сладость, инстинкт хищника, некоторое коварство и т. п. Особенно опасной и агрессивной женщина бывает тогда, когда теряет свою способность очаровывать других.

Расхождению и непониманию между гендерными половинками способствует также несовпадение динамики их жизненных и эмоциональных циклов.

В представлении Ф. Ницше, в отношениях мужчины и женщины возможна не только любовь, но и дружба. Такая дружба возникает только тогда, когда между ними невозможны романтические отношения и существует небольшая доля физической антипатии, призванная «гасить» чувственную сторону. Возможен и вариант смирения одного из партнеров в ситуации, когда он либо она «не в состоянии добиться большего», как это происходило в жизни самого философа.

Заключение

На основании вышеизложенного аналитического материала можно сделать следующие выводы.

1. Необходимо чрезвычайно осторожно подходить к изучению гендерной проблематики в трудах Ф. Ницше, поскольку он использует широкий спектр символических и художественных средств.

2. При изучении его творчества следует учитывать эмпирическое измерение женской проблематики, произрастающее из его личного жизненного опыта, осознавая, что лично близкие ему женщины обладали широким спектром высоких и благородных качеств.

3. Основополагающее различие между мужчиной и женщиной, по мнению философа, выражается в ее ориентации на «любовь к ближнему», т. е. на мир близких отношений с окружающими ее людьми, в то время как для мужчины безусловным приоритетом является «любовь к дальнему» –

ориентация на внесение в мир высших ценностей и творческое преобразование этого мира.

4. В сфере личностных характеристик эмпирической женщины обнаруживается ее противоречивость с преобладанием позитивных качеств: а) высокий ум (отличный от мужского); б) собственная логика, обусловленная социальной хрупкостью и уязви-

мостью; в) высокая степень субъективного восприятия мира; г) страстность, чувственность и эмоциональность природной натуры; д) обладание искусством манипуляций и искушений, умение быть интересной мужчинам; е) «природный» характер, формирующий ее грациозность, своеволие, инстинкт хищника и коварство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатов, А. Черт и сверхчеловек / А. Игнатов // *Вопр. философии.* – 1993. – № 4. – С. 35–46.
2. Франк, С. А. Фр. Ницше и этика «Любви к дальнему» / С. А. Франк // *Сочинения / С. А. Франк.* – М. : Правда, 1990. – С. 6–64.
3. Свасьян, К. А. Фридрих Ницше: мученик познания / К. А. Свасьян // *Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 5–46.
4. Розанов, В. В. О символистах и декадентах кумиров / В. В. Розанов // *Сочинения : в 2 т. / В. В. Розанов.* – М. : Правда, 1990. – Т. 1. – С. 163–176.
5. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2004. – 588 с.
6. Рассел, Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней / Б. Рассел. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2001. – 992 с.
7. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше // *Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 5–237.
8. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.
9. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / Ф. Ницше // *Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 231–490.
10. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего / Ф. Ницше // *Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 238–406.
11. Мельник, А. Про проблему любові до далекого у філософських поглядах Ф. Ніцше та С. Франка / А. Мельник // *Людинознавчі студії. Сер. «Філософія».* – 2020. – Вип. 40. – С. 95–106.
12. Ницше, Ф. Веселая наука (*la gaya scienza*) / Ф. Ницше // *Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 491–719.
13. Делёз, Ж. Тайна Ариадны / Ж. Делёз // *Вопр. философии.* – 1993. – № 4. – С. 48–53.
14. Ницше, Ф. Злая мудрость. Афоризмы и изречения / Ф. Ницше // *Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше.* – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 491–719.

REFERENCES

1. Ignatov, A. Chiort i svierekhchieloviek / A. Ignatov // *Vopr. filosofii.* – 1993. – № 4. – S. 35–46.
2. Frank, S. A. Fr. Nische i etika «Liubvi k dal'niemu» / S. A. Frank // *Sochinienija / S. A. Frank.* – M. : Pravda, 1990. – S. 6–64.
3. Svas'jan, K. A. Fridrich Nische: muchienik poznaniija / K. A. Svas'jan // *Sochinienija : v 2 t. / F. Nische.* – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 5–46.
4. Rozanov, V. V. O simvolistakh i dekadentakh kumirov / V. V. Rozanov // *Sochinienija : v 2 t. / V. V. Rozanov.* – M. : Pravda, 1990. – T. 1. – S. 163–176.
5. Fukujama, F. Koniec istorii i poslednij chieloviek / F. Fukujama. – M. : AST, 2004. – 558 s.
6. Rassel, B. Istorija zapadnoj filosofii i jejo sviazi s politichieskimi i social'nymi uslovijami ot antichnosti do nashikh dneij / B. Rassel. – Novosibirsk : Sib. univ. iz-vo, 2001. – 992 s.
7. Nische, F. Tak govoril Zaratustra. Kniga dlia vsiekh i ni dlia kogo / F. Nische // *Sochinienija : v 2 t. / F. Nische.* – M. : Mysl'. – T. 2. – S. 5–237.

-
8. Sorokin, P. A. Social'naja i kil'turnaja dimamika / P. A. Sorokin. – M. : Astrel', 2006. – 1176 s.
  9. Nicshe, F. Chieloviechieskoje, slishkom chieloviechieskoje. Kniga dlja svobodnykh umov / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. / F. Nicshe. – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 231–406.
  10. Nicshe, F. Po tu storonu dobra i zla. Prieliudija k filosofii budushchiego / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. / F. Nicshe. – M. : Mysl', 1990. – T. 2. – S. 238–406.
  11. Mel'nyk, A. Pro problemu liubovi do dalekogo u filosofs'kykh pogliadakh F. Nicshe ta S. Franka / A. Mel'nyk // Liudoznavchi studiji. Ser. «Filosofija». – 2020. – Vyp. 40. – S. 95–106.
  12. Nicshe, F. Viesiolaja nauka (la gaya scienza) / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. / F. Nicshe. – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 491–719.
  13. Delioz, Zh. Tajna Ariadny / Zh. Delioz // Vopr. filosofii. – 1993. – № 4. – S. 48–53.
  14. Nicshe, F. Zlaja mudrost'. Aforizmy i izriechienija / F. Nicshe // Sochinienija : v 2 t. / F. Nicshe. – M. : Mysl', 1990. – T. 1. – S. 491–719.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 16.10.2021

УДК 316.347(=161.3)(438+474.5)(043.3)

Александр Владимирович Посталовский
 канд. социол. наук, ведущий науч. сотрудник
 Центра социологических и политических исследований
 Белорусского государственного университета
Aleksandr Postalovsky
 PhD of Sociological Sciences, Leading Researcher
 of the Center for Sociological and Political Researches
 of the Belarusian State University
 e-mail: postalnio@tut.by

МЕТОДИКА DAY AFTER RECALL В МЕДИАИЗМЕРЕНИИ РАДИОВЕЩАНИЯ

Статья посвящена анализу практики применения методики DAY AFTER RECALL (DAR) в измерении рейтинговых показателей радиостанций. Дается развернутое описание методологического инструментария DAR, описывается потенциал и возможности описываемого метода измерения, раскрывается содержание основных медиапоказателей (результатов измерения), которые получают аналитики рынка радио. Описывается механизм формирования выборочной совокупности, применяемой в таких исследованиях. На основании проведенных тестовых пилотажных радиозамеров формулируются аргументированные выводы о достоинствах и недостатках указанной методики замеров рейтинговых показателей радиостанций.

Ключевые слова: радио, медиаизмерения, DAY AFTER RECALL, радиостанции, рейтинг.

DAY AFTER RECALL Method in Media Measurement of Radio Broadcasting

The presented article is devoted to the analysis of the practice of applying the DAY AFTER RECALL (DAR) methodology in measuring the rating indicators of radio stations. The article provides a detailed description of the DAR methodological toolkit, describes the potential and capabilities of the described measurement method, reveals the content of the main media indicators (measurement results) that are received by analysts of the radio market. The mechanism of formation of the sample used in such studies is described. In the conclusion of the article, on the basis of the conducted test flight radio measurements, reasoned conclusions are formulated about the advantages and disadvantages of this method of measuring the rating indicators of radio stations.

Key words: radio, media measurements, DAY AFTER RECALL, radio stations, rating.

Введение

В современных условиях развития общества измерение рейтинга средств массовой информации выступает объективным индикатором востребованности и популярности среди аудитории. Рейтинговый замер позволяет выявить степень информационного воздействия и сформировать прогнозную аналитику в отношении развития и дальнейшего функционирования различных сегментов национального информационного поля. В данном случае приобретает актуальность применение эффективных методик реализации рейтинговых замеров для получения валидных и репрезентативных данных, отражающих уровень влияния конкретного источника воспроизводства информационного контента.

В указанных контекстах представляется необходимым рассмотрение эвристического потенциала методики DAY AFTER RECALL, используемой национальным ме-

диаизмерителем ЗАО «МедиаИзмеритель» при исследовании динамики радиовещания. Во исполнение Указа Президента Республики Беларусь № 122 «О создании системы медиаизмерений» от 9.04.2020 и Постановления Министерства информации Республики Беларусь от 13.08.2020 «О реализации Указа Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2020 г.» ЗАО «МедиаИзмеритель» определен как единый национальный измеритель, осуществляющий организацию и проведение медиаизмерений телевидения и радио. ЗАО «МедиаИзмеритель» имеет лицензию на проведение медиаизмерений от исследовательской компании KANTAR, включая необходимый инструментарий (медиаметры – приборы фиксации линейного телесмотрения, программный пакет первичной обработки аудиторных данных ATRIA PRO, программный пакет статистического анализа INSTAR ANALITICS, а также систему мониторинга телевидения – M7).

ЗАО «МедиаИзмеритель» является единственной в Республике Беларусь исследовательской компанией, специализирующейся на изучении аудитории аудиовизуальных СМИ, деятельность которой лицензирована в соответствии с международными стандартами и требованиями телеиндустрии к проведению медиаизмерений.

Статья посвящена рассмотрению методики DAY AFTER RECALL, которая применяется для осуществления рейтинговых замеров радиовещания. Целью статьи выступает анализ практики использования указанной методики при реализации национального проекта радиоизмерения.

Основная часть

Особенности и специфика проведения медиаизмерений радиовещания выступают, как правило, предметной сферой маркетинговых исследований. Получение верифицированных результатов требует соблюдения методологических требований, предъявляемых к реализации измерения аудитории. В данном случае исследовательский интерес вызывает практика применения методики DAY AFTER RECALL (DAR) в контексте фиксации национальным медиаизмерителем рейтинговых показателей радиовещания.

Теоретические основания социологического изучения радиовещания как сегмента национального информационного поля нашли отражения в работах Е. А. Барановой [1], В. Ю. Карева [2], А. Л. Лебедевой [3], О. В. Терещенко [4], М. С. Терещенко [4], А. В. Шарикова [5] и др. Результаты эмпирических исследований радиовещания в разное время проводились Информационно-аналитическим центром (ИАЦ) при Администрации Президента Республики Беларусь [6], ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» [7], Центром социологических и политических исследований БГУ [8], АМГ-Консалт, являющимся в 2018–2019 гг. единственным заказчиком измерений аудитории телевидения и радио в Республике Беларусь [9], ЧУП «ГЕВС МЕДИА» [10]. Анализируя актуальную научную литературу в рамках заявленного проблемного поля, необходимо выделить два направления исследовательского поиска:

1) анализ сущностных характеристик и эвристического потенциала радио в услови-

ях трансформации информационного поля и общих процессов цифровизации общества;

2) непосредственно социологическая рефлексия эмпирических результатов исследований радио либо маркетинговая аналитика основных медиапоказателей радиостанций (Reach, AQH, Share и др.).

В настоящее время фиксируется недостаточное количество исследовательских работ, посвященных практике реализации конкретных методик, применяемых при измерении рейтинговых показателей радиовещания, в связи с чем актуализируется необходимость комплексного рассмотрения инструментария, посредством которого осуществляются медиаизмерения радиовещания. Методика DAR – методологический инструмент радиоизмерения, в рамках которого измеряется содержание радиопрослушивания на основании воспоминания респондентом вчерашнего дня прослушивания с обязательной фиксацией 15-минутных интервалов (AQH).

Система радиоизмерения аудитории предполагает получение ежедневной репрезентативной эмпирической информации, позволяющей сформировать рейтинговые показатели востребованности отечественных радиостанций, определить основные социально-демографические характеристики радиослушателей, выявить ключевые тренды радиопрослушивания. На первоначальном этапе запуска системы национальных радиоизмерений предполагается осуществлять замер предпочтений радиослушателей посредством телефонного опроса (Computer Assisted Telephone Interviewing – CATI) по методике *Day After Recall (DAR)*. Методика *Day After Recall* ориентирована на фиксацию предпочтений респондентов в отношении контента отечественных радиостанций на основании воспоминания вчерашнего дня прослушивания. Указанная методика рассматривается как переходный этап к формированию панельной выборки, предполагающей образование постоянной группы участников исследования. Ориентировочный срок перехода к панельной выборке составляет от шести месяцев до года. В указанный временной период ЗАО «МедиаИзмеритель» будет проводить измерение аудитории радио посредством ежедневных телефонных опросов, одновременно рекрутируя при этом участников панельно-

го исследования на основании получаемых данных о социально-демографическом профиле радиослушателей (установочное исследование).

Содержание методологического инструментария (анкета) телефонного опроса сформировано на основании методики *Day After Recall (DAR)*, в рамках которой респонденту предлагается детально вспомнить вчерашний день прослушивания. Оператор (интервьюер) фиксирует 15-минутные временные интервалы AQH (Average Quarter Hour) индивидуального слушания в отношении каждой прослушанной в течение вчерашнего дня радиостанции. На основании полученных эмпирических данных формируются рейтинговые показатели радиостанций.

Объем выборочной совокупности составляет 3 750 респондентов в месяц. «Скользкая выборка» (необходимый объем для опубликования данных) составляет 7 500 интервью в двухмесячный период. Общее количество интервью, проводимых в течение календарного года, составляет 45 000.

Выгрузка данных осуществляется по истечении двух месяцев радиоизмерения. Формирование базы данных осуществляется по роллинговому принципу, при котором происходит ежемесячное обновление данных с учетом результатов, полученных в месяце, предыдущем до выгрузки (например, 1-я выгрузка – данные за май – июнь, вторая выгрузка через месяц – данные за июнь – июль, третья выгрузка через месяц – данные за июль – август).

Репрезентативность выборочной совокупности обеспечивается за счет соответствия фактических распределений по полу и возрастным группам эталонным значениям этих характеристик в рамках каждой генеральной совокупности. По данному двумерному параметру выборка проходит процедуру взвешивания. В качестве эталонных значений используются данные Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Структура инструментария (анкеты) включает в себя четыре группировки вопросов. Первая группировка вопросов выступает условным скрининговым этапом, в рамках которого оператор должен понять, подходит ли случайным образом отобран-

ный методом дозвола по случайным комбинациям цифр (*Random Digit Dialing – RDD*) респондент для участия в исследовании (город, возраст).

Вторая группировка вопросов ориентирована на получение информации о прослушивании радио в течение недельного периода (последних семи дней): «Какие радиостанции Вы слушали в течение недели?»).

Третий этап предполагает фиксацию воспоминаний о вчерашнем дне прослушивания с точным фиксированием 15-минутных интервалов (оператор уточняет у респондента время прослушивания названной радиостанции, например, станция «Х»: время прослушивания – 9:00–10:30, 6 временных интервалов AQH: 9:00–9:15, 9:15–9:30, 9:30–9:45, 9:45–10:00, 10:00–10:15, 10:15–10:30) и условную разбивку на 4 временных промежутка: 06:00–12:00 (утро), 12:00–18:00 (день), 18:00–00:00 (вечер), 00:00–06:00 (ночь) («Какие радиостанции Вы слушали вчера утром?», «Какие радиостанции Вы слушали вчера днем?» и т. д.). Четвертый этап предполагает фиксацию таких показателей, как уровень образования, тип занятости, материальное положение и готовность участия в проекте радиоизмерений в дальнейшем (условный рекрут предполагаемой панели постоянных участников исследования радио).

Построение выборочной совокупности методики *Day After Recall (DAR)* включает в себя следующие этапы:

1-й этап – определение генеральной совокупности. *Генеральная совокупность* – городское население (Минск, Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилев) в возрасте (15–64 лет) – 2 764 580 человек;

2-й этап – определение процентных квотных долей в генеральной совокупности по каждому городу в зависимости от численности населения (Минск – 1 414 420 человек, или 51,2 % генеральной совокупности, Брест – 237 790, или 8,6 %, Витебск – 255 360, или 9,2 %, Гомель – 357 210, или 13 %, Гродно – 249 830, или 9 %, Могилев – 249 970, или 9 %);

3-й этап – расчет необходимого числа респондентов по каждому городскому населенному пункту в соответствии с долей (%) в выборочной совокупности.

Города 250 тыс +	Численность населения	15–64 (корректировка = 70 %)	% доли в выборке	ИТОГ
Брест	339 700	237 790	8,6	645
Витебск	364 800	255 360	9,2	690
Гомель	510 300	357 210	13	975
Гродно	356 900	249 830	9	675
Могилев	357 100	249 970	9	675
Минск	2 020 600	1 414 420	51,2	3 840
ИТОГ	3 949 400	2 764 580	100	7 500

7 500 респондентов – необходимое количество респондентов, которое опрашивается в двухмесячный период (125–135 телефонных звонков в сутки).

Основные медиапоказатели, используемые аналитическими структурами и рекламными компаниями в медиапланировании в отношении радиовещания:

AQH (Average Quarter Hour) – среднее количество слушателей в усредненном 15-минутном интервале, выраженное в тысячах человек либо процентах.

Reach Daily – накопленное суточное количество слушателей радиостанции, выраженное в тысячах человек либо процентах.

Reach Weekly – накопленное количество слушателей в течение недели, выраженное в тысячах человек либо процентах.

Reach Monthly – накопленное количество слушателей в течение месяца, выраженное в тысячах человек либо процентах.

Time Spent Listening Daily – суточная продолжительность прослушивания – это среднее время (в минутах), которое респондент из целевой аудитории тратит на прослушивание радиостанций в заданном интервале.

TSL Wly (Time Spent Listening Weekly) – продолжительность прослушивания в течение недели, выраженная в минутах.

Affinity Index (индекс профильности) – показатель выраженности рейтинга среди слушателей в целевой аудитории относительно слушателей в целевой базе.

AQH Share – доля слушателей определенной станции среди всех слушателей радио.

Заключение

Проведенный ЗАО «МедиаИзмеритель» пилотажный замер рейтинговых показателей радиовещания по методике Day After Recall (DAR) позволил выявить следующие особенности реализации указанного метода медиаизмерения. Основными не-

достатками методики DAR являются ориентация на память респондента (субъективный фактор), которая не во всех случаях способна воспроизвести точную картину радиопрослушивания и невозможность рассчитать показатели накопленного эксклюзивного охвата прослушивания, в частности, показатели *Reach Weekly* (накопленное количество слушателей в течение недели, выраженное в тысячах человек либо процентах) и *Reach Cumulative Total Belarus* (накопленный охват белорусских радиостанций – это сумма слушателей любой из белорусских радиостанций, которые слушали хотя бы в один из анализируемых интервалов в рамках заданной целевой аудитории). Рассчитать данные показатели не представляется возможным, поскольку их можно получить только при условии функционирования панельной выборочной совокупности, постоянные участники которой каждый день представляют информацию о прослушивании.

В свою очередь, методика *Day After Recall (DAR)* предполагает исключительно однократный контакт с респондентом в течение роллингового периода (временной период выгрузки данных – два месяца). Кроме того, выборочной совокупностью настоящего проекта радиоизмерения является городское население (Минск, Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилев), которое может как слушать, так и не слушать радио (учитываются респонденты, которые не слушают радио с обязательной фиксацией их социально-демографических характеристик). Выборочной совокупностью панельной выборки являются исключительно слушатели радио, что в значительной степени расширяет возможности для развернутого фундаментального анализа аудиторных данных.

Вместе с тем методика *Day After Recall (DAR)* позволяет проводить замеры рейтинговых показателей без обращения к панель-

ной выборочной совокупности, формирование которой предполагает обязательное проведение установочного исследования (УИ) с целью выявления контрольных параметров, влияющих на радиослушание, что, в свою очередь, приводит к увеличению стоимости исследовательских работ. Кроме того, при использовании DAR исследовательская компания в период сбора эмпирической информации (телефонный опрос) находится во взаимодействии с респондентом посредством прямого контакта. В свою очередь, при использовании дневникового метода радиоизмерения (DIARY) получение информации (заполненный не-

дельный дневник прослушивания) не предполагает ежедневного взаимодействия измерителя с участником исследования, вследствие чего дневник, как правило, заполняется не каждый день семидневного периода, а в заключительный день, при этом измеритель вспоминает при этом первые дни прослушивания. В данном случае степень воздействия субъективного фактора человеческой памяти повышается, поскольку участник исследования вспоминает не вчерашний день прослушивания, как в Day After Recall, а практически весь недельный период, что приводит к искажению эмпирических данных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова, Е. А. Влияние процесса медиаконвергенции на сокращение хронометража радиопередач и появление мини-рубрик / Е. А. Баранова // Вестн. РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 96–101.
2. Карев, В. Ю. Современные тенденции развития радио в России / В. Ю. Карев, И. Н. Сахарова // Петерб. экон. журн. – 2021. – № 3. – С. 74–84.
3. Лебедева, А. Л. Тенденции информационного радиовещания Беларуси в 1990-е гг. XX в. и на современном этапе / А. Л. Лебедева // Тр. БГТУ. – 2019. – Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. – № 2. – С. 45–50.
4. Терещенко, О. В. Измерения аудитории СМИ: история становления / О. В. Терещенко, М. С. Терещенко // Социол. альм. – 2020. – Вып. 11. – С. 163–175.
5. Шариков, А. В. Государственное радиовещание в России: тренд на потерю влияния / А. В. Шариков // Мониторинг обществ. мнения. Экон. и соц. перемены. – 2019. – № 2. – С. 439–458.
6. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2018. – 180 с.
7. Предпочтения белорусских радиослушателей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/predpochtenie-belorusskih-radioslushatelej/>. – Дата доступа: 05.10.2021.
8. Посталовский, А. В. Национальное информационное поле в контексте вызовов и угроз современного мира: социологическое измерение : монография / А. В. Посталовский. – Минск : РИВШ, 2019. – 236 с.
9. Результаты исследования популярности радиостанций в Беларуси (январь – июнь 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://amg-consult.by/publication/ra-dio_research_2019/. – Дата доступа: 05.10.2021.
10. В «ГЕВС МЕДИА» назвали самые популярные радиостанции в Беларуси по результатам нового исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://marketing.by/analitika/v-gevs-media-nazvali-samye-populyarnye-radiostantsii-v-belarusi-po-re-zultatam-novogo-issledo-vaniya/>. – Дата доступа: 05.10.2021.

REFERENCES

1. Baranova, Ye. A. Vlijaniye processa mediakonviergencii na sokrashchienenije khronometriazha radiopieriedach i pojavlienije mini-rubrik / Ye. A. Baranova // Viestn. RUDN. Sier.: Litieraturovirdienije. Zhurnalistika. – 2016. – № 1. – S. 96–101.
2. Kariev, V. Yu. Sovriemiennyje tendencii razvitija radio v Rossii / V. Yu. Kariev, I. N. Sakharova // Pietierb. ekon. zhurn. – 2021. – № 3. – S. 74–84.

3. Liebiedieva, A. L. Tendencii informacionnogo vieshchanija Bielarusi v 1990-je gg. XX v. i na sovriemennom etapie / A. L. Liebiedieva // Tr. BGTU. – 2019. – Ser. 4, Print- i mediatiekhnologii. – № 2. – S. 45–50.
4. Teirieshchienko, O. V. Izmierenija auditorii: istorija stanovlienija / O. V. Tierieshchienko, M. S. Tierieshchienko // Sociol. al'm. – 2020. – Vyp. 11. – S. 163–175.
5. Sharikov, A. V. Gosudarstviennoje radiovieshchanije v Rossii: trend na potieriu vlijanija / A. V. Sharikov // Monitoring obshchiestv. mnienija. Ekon. i soc. pieriemieny. – 2019. – № 2. – S. 439–458.
6. Riepublika Belarus' v zierkalie sociologii : sb. matierialov social. isslied. / Inform.-analit. centr pri Administracii Priezidenta Riepubliki Belarus'. – Minsk, 2018. – 180 s.
7. Priedpochtienija bieloruskikh radioslushatielej [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://socio.bas-net.by/predpochtenie-beloruskikh-radioslushatelej/>. – Data dostupa: 05.10.2021.
8. Postalovskij, A. V. Nacional'noje informacionnoje polie v kontikstie vyzovov i ugroz sovriemennogo mira: sociologichieskoje izmierenije : monografija / A. V. Postalovskij. – Minsk : RIVSh, 2019. – 236 s.
9. Riezul'taty issliedovanija populiarnosti radiostancij v Bielarusi (janvar' – ijun' 2019 g.) [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: http://amg-consult.by/publication/radio_research_2019/. – Data dostupa: 05.10.2021.
10. V «GIEVS MIEDIA» nazvali samyje populiarnyje radiostancii v Bielarusi po riezul'tatam novogo issliedovanija [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://marketing.by/analitika/v-gevs-media-nazvali-samye-populyarnye-radiostantsii-v-belarusi-po-rezultatam-novogo-issledovaniya/>. – Data dostupa: 05.10.2021.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 30.10.2021

УДК 316.36(476-22)

Анжела Юрьевна Сакович*канд. социол. наук, доц. каф. социологии**Белорусского государственного университета***Anzhela Sakovich***PhD of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology
of the Belarusian State University**e-mail: sakovich05@mail.ru***СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

На основе данных исследования «Поколения и гендер», вторичного анализа социологических исследований белорусского села, проведенных автором глубинных интервью с молодыми специалистами, работающими в сельских населенных пунктах Мядельского района, а также статистической информации определены различия в семейно-брачном поведении городского и сельского населения. Установлено, что ценность брака для сельской молодежи более значима, чем для городской. Коэффициент разводимости в селе в два раза ниже, чем в городе. Сельские молодые люди испытывают трудности в поиске брачного партнера, поэтому с целью создания семьи переезжают в города. В сельской местности наблюдается тенденция сокращения количества детей в семье. В селе процесс изменения семейно-брачных отношений происходит медленнее, чем в городе.

Ключевые слова: *сельское население, брак, семья, сожительство, репродуктивное поведение.*

***Family and Marriage Relations and Reproductive Behavior
of the Rural Population of the Republic of Belarus***

Based on the data of the study «Generations and Gender», a secondary analysis of sociological studies of the Belarusian village, in-depth interviews with young specialists working in the rural settlements of the Myadzel district conducted by the author, statistical information, differences in the family and marriage behavior of the urban and rural population were determined. It is established that the value of marriage for rural youth is more significant than for urban youth. The divorce rate in the village is two times lower than in the city. Rural young people have difficulty finding a marriage partner, so they move to the cities in order to found a family. There is a tendency to reduce the number of children in the family in rural areas. In the village, the process of changing family and marriage relations is slower than in the city.

Key words: *rural population, marriage, family, cohabitation, reproductive behavior.*

Введение

На современном этапе общественного развития семейно-брачные отношения претерпели существенные преобразования, проявляющиеся в изменении гендерных ролей, появлении новых форм брака, росте количества разводов. Все чаще партнеры отказываются от регистрации брака, а предпочитают фактическое сожительство. Изменения в области семейно-брачных отношений влияют на репродуктивное поведение, в частности на снижение рождаемости. Это общемировая тенденция, которая характерна и для Республики Беларусь. Наблюдается она как в городах, так и в сельской местности.

Основная часть

Изучение брачно-партнерских отношений в Республике Беларусь осуществля-

лось в рамках исследовательского проекта «Поколения и гендер», проведенного Центром социологических и политических исследований БГУ в 2017 г. Выборочная совокупность исследования составила 10 000 человек в возрасте от 18 до 79 лет, проживающих в городах и сельских населенных пунктах [1]. Поскольку наиболее активной возрастной группой вступающих в брак является молодежь, которая закончила учебное заведение, то для анализа нами были отобраны респонденты в возрасте от 18 до 31 года, имеющие профессионально-техническое, среднее специальное, высшее образование, степень магистра, проживающие в городах (1 579 человек) и в сельских поселениях (329 человек). Результаты исследования показали, что 69,9 % городских и 70 % сельских молодых людей имеют партнера, с

которым состоят в отношениях как минимум три месяца.

Анализ партнерских отношений городской и сельской молодежи в разрезе возрастов показал, что молодые люди в городах вступают в отношения раньше, в чем в сельских населенных пунктах. Так, в возрасте 18–19 лет 42,4 % юношей и девушек, проживающих в городе, имеют партнера, в селе – 31,3 %. На современном этапе большинство сельского населения одобряет такую форму семейно-брачных отношений, как сожителство. В ходе исследования «Состояние и развитие социальной сферы сельских поселений Республики Беларусь», проведенного кафедрой политологии и социологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова под руководством Н. Е. Лихачева в период с 2016 по 2018 г., было установлено, что 31,1 % сельчан положительно и 29,7 % скорее положительно относятся к «гражданскому браку» [2]. Вместе с тем результаты исследования «Поколения и гендер» пока-

зали, что сельские молодые люди вступают в брак раньше, чем городские. В возрастной группе 20–24 лет 74,1 % опрошенных в сельской местности состояли в зарегистрированном браке, в городах – 48,7 %. Таким образом, несмотря на широкое распространение в сельской местности Беларуси сожителства, для сельской молодежи ценность брака более значима, чем для городской.

О более высокой ценности брака в селе свидетельствуют и данные статистики. Так, коэффициент разводимости в сельских поселениях вдвое ниже, чем в городах: в 2019 г. он составил 2,0 и 4,1 % соответственно [3, с. 44]. Уровень брачности в сельской местности также значительно ниже, чем в городской, однако это объясняется сокращением численности молодежи, которая, в т. ч. с целью заключения брака, устремляется в города. Более подробная динамика брачности и разводимости сельского и городского населения в период с 1950-х гг. по настоящее время представлена в таблице.

Таблица. – Динамика брачности и разводимости сельского и городского населения Республики Беларусь [3–5]

Год	Сельское население		Городское население	
	Число браков на 1 000 человек	Число разводов на 1 000 человек	Число браков на 1 000 человек	Число разводов на 1 000 человек
1950	7,4	0,0	17,7	0,8
1960	9,5	0,2	14,2	1,7
1970	7,8	0,8	11,1	3,3
1980	9,6	1,5	10,5	4,6
1990	8,1	1,7	10,6	4,3
1995	6,2	2,2	8,2	5,0
2000	4,3	2,6	7,1	5,1
2005	4,9	1,7	8,6	3,7
2010	5,5	2,1	9,0	4,5
2015	6,4	2,1	9,3	3,9
2016	5,1	2,0	7,3	3,8
2017	5,2	1,9	7,5	3,8
2018	4,6	1,9	6,9	3,9
2019	4,6	2,0	7,3	4,1

Данные, приведенные в таблице, показывают, что в сельской местности, так же как и в городах, происходит снижение количества регистрируемых браков и рост числа разводов. Однако если коэффициент брачности в селе в период с 1950-х гг. по 2019 г. снизился в 1,6 раза, то в городах – 2,4 раза. Коэффициент разводимости в городах растет в два раза быстрее, чем в сельских населенных пунктах. В целом приве-

денные статистические данные свидетельствуют, что институт семьи и брака в нашей стране переживает кризис, но его проявления в селе выражены слабее, чем в городе. По мнению И. С. Кона, меньшая устойчивость браков обусловлена изменением ценностных ориентаций, когда в центре находится не семейная группа, а отдельный индивид [6].

Результаты проведенных нами в 2019 г. глубинных интервью с молодыми специалистами, работающими в сельских населенных пунктах Мядельского района, показали, что индивидоцентризм у молодежи родом из городов выражен ярче, чем у юношей и девушек, которые родились и выросли в селе. Так, на вопрос «Ради чего вы живете?» молодые специалисты, которые были направлены работать в сельскую местность из городов, отвечали следующее: «ради себя», «просто живу и наслаждаюсь жизнью», «чтобы познать мир», «чтобы меня наполнили». Как видно, все перечисленные формулировки направлены на индивида. Сельские же молодые специалисты отмечали, что они живут «ради семьи», «для того чтобы создать семью и родить детей», «ради своей родительской семьи». Других формулировок в ответах не встречалось, что указывает на высокую значимость для сельских молодых людей семейных ценностей. Вместе с тем молодые специалисты отмечали, что в силу малой численности молодежи в селе они испытывают трудности в поиске брачного партнера. По этой причине многие из них планировали переехать в город.

Д. Г. Лин [7] и С. Д. Предыбайло [8], осуществляя системный анализ процессов рождаемости, смертности, миграции, брачности, разводимости в селе, считают, что происходящие изменения в половозрастной структуре сельского населения имеют негативные социальные последствия, важнейшими из которых является сужение брачного круга. На его формирование большое влияние оказывает возраст потенциальных супругов. Половая диспропорция численности лиц, готовых к заключению брака, приводит к сужению брачного круга, что вынуждает молодых людей искать брачного партнера в городах, где половозрастной баланс не нарушен.

Неустойчивость семейно-брачных отношений приводит к изменению репродуктивных установок и репродуктивного поведения сельского населения. Результаты социологических исследований, проведенные в период с 2006 г. по настоящее время на региональном и республиканском уровнях, свидетельствуют о том, что на современном этапе сельчане в большей степени ориентируются на одно- или двухдетную модель

семьи, а не на многодетную. Обратимся к результатам этих исследований.

Анализ репродуктивных установок сельского населения Могилевской области осуществлялся в ходе социологического исследования, проведенного МИРСПИ под руководством Н. Е. Лихачева в 2006 г. Так, было установлено, что 54,2 % сельчан считали, что в современной семье должно быть двое детей, 35,0 % – трое, 5,9 % – более трех, 3,6 % – один ребенок [9, с. 154–157]. Как видно, более половины сельчан Могилевской области были ориентированы на рождение двоих детей, что обеспечивало лишь простое воспроизводство сельского населения.

В ходе исследования, проведенного МИРСПИ в 2011 г., было установлено, что 62,8 % респондентов были ориентированы на рождение двоих детей, 25,8 % – на рождение троих. Основными причинами снижения рождаемости в селе крестьяне считали тяжелое материальное положение (69,1 %) и миграционный отток молодежи в города (38,4 %) [10, с. 58–82]. Сравнивая результаты данного исследования с результатами исследования 2006 г., можно увидеть, что в селе возросло число людей, ориентированных на двухдетную семью, и снизилось – на трехдетную.

Изучение репродуктивного поведения сельского населения осуществлялось в ходе социологического исследования, проведенного ЦСПИ БГУ в 2017 г. [1]. Для анализа нами было отобрано 2 214 респондентов. Результаты опроса показали, что 84,9 % сельчан имели детей. Среди них 46,0 % родили двоих детей, 21,6 % – одного ребенка, 13,9 % – троих. Родить ребенка в ближайшие три года намеревалось 18,5 % опрошенных. Таким образом, в современном белорусском селе наблюдается тенденция уменьшения количества детей в семье, что усугубляет наблюдаемый здесь демографический кризис.

Академик НАН Беларуси Е. М. Бабосов, анализируя процессы депопуляции в Республике Беларусь отмечает, что естественная убыль населения происходит по причине одновременного роста смертности и снижения рождаемости. Рассматривая процессы рождаемости, исследователь выявил четкую тенденцию к ее снижению. Так, в период с 1990 по 2005 г. число родивших-

ся детей уменьшилось на 51,9 тыс. Смертность же за этот период увеличилась в 1,3 раза. При этом коэффициент смертности в сельских регионах был в 2,2 раза выше, чем в городах. При исследовании процессов рождаемости была обнаружена тенденция увеличения числа детей, родившихся вне брака, особенно среди женщин, проживающих в сельской местности [11, с. 121–129]. Исследование основных демографических тенденций, характерных для Республики Беларусь, показало, что и городскому, и сельскому населению страны угрожает дальнейшая депопуляция населения, высокая смертность на фоне низкой рождаемости, старение населения и нерегулируемая миграция.

Изучением демографических процессов в сельских регионах Республики Беларусь занимался А. А. Раков. Рассматривая трансформацию воспроизводства сельского населения в исторической ретроспективе, он анализировал демографические преобразования в белорусском селе в период с 1863 по 2005 г. Исследователь установил, что после отмены крепостного права социальная структура населения стала постепенно изменяться. Число выживших детей стало возрастать. Многодетность начала вызывать экономические трудности, и это стало осознаваться не только среди дворянства, но и среди крестьян. На рубеже XX в. на территории Беларуси отмечался очень высокий, но малоэффективный уровень рождаемости. Важнейшим регулятором демовоспроизводства являлась высокая смертность. Во второй половине XIX в. в Российской империи более половины населения не доживало до 20 лет. Из 7 родившихся детей до года доживали в среднем 4–5, а до трудоспособного возраста – 3,5. Как следствие, несмотря на высокую рождаемость, в крестьянской семье не было большого числа детей. Первая мировая война, Гражданская война и сопутствующие им голод, эпидемии привели к демографическому кризису. А в 1920 г. компенсаторная рождаемость, успехи в сокращении детской смертности привели к демографическому взрыву в СССР. В 1930 г., несмотря на то, что смертность оставалась на прежнем уровне, снизилась рождаемость, что было связано с культурными преобразованиями, урбанизацией и коллективизацией. В годы Великой

Отечественной войны уровень рождаемости в среднем составлял 3,07 ребенка на одну женщину. В первые два десятилетия после войны существенно снизилась детская смертность, и это был настоящий прорыв в воспроизводстве населения. В 1960-х гг. в Советском Союзе резко снизилась женская смертность, в то же время начала снижаться и рождаемость. В 1960–1964 гг. среднее число детей, рожденных одной женщиной, составляло 2,41 ребенка. В дальнейшем уровень рождаемости устойчиво снижался. Только в 1980-х гг. было отмечено его увеличение, однако с 1990-х гг. наметилась устойчивая тенденция к снижению рождаемости. Согласно А. А. Ракову, в XX в. смертность как фактор, оказывающий влияние на репродуктивное поведение, исчерпал себя, к концу столетия установился новый тип домовоспроизводства, более устойчивый и экономичный [12, с. 144–154]. По его мнению, в условиях депопуляции сельского населения чрезвычайно важны государственные мероприятия, направленные на развитие сельских регионов. В частности, он отмечал высокую значимость Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 гг. и Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг. Вслед за ними была реализована Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 гг., Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 гг., Директива Президента от 4 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли». Указанные меры были направлены на экономическое и социальное развитие сельских регионов.

Государство в Беларуси осуществляет комплекс мероприятий, направленных на поддержку семьи. Это выплаты пособий в связи с рождением ребенка, социальное обслуживание семей с детьми, государственная поддержка при строительстве (реконструкции) жилья, гарантии в сфере образования, здравоохранения, пенсионного, трудового, налогового и жилищного законодательства. Особое внимание в стране уделяется многодетным семьям. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 г. № 572, действует программа семейного капитала, согласно которой на

рождение третьего и последующих детей предоставляется единовременная выплата в размере 10 тыс. долл. США. С 1 января 2020 г. программа семейного капитала продлена на новый пятилетний срок – по 31 декабря 2024 г. включительно [13].

Принятые меры были позитивно восприняты сельскими семьями. Так, в ходе исследования, проведенного кафедрой политологии и социологии Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова под руководством Н. Е. Лихачева в период с 2016 по 2018 г., было установлено, что 38,7 % сельчан считает, что в современной белорусской семье должно быть трое детей, 45 % – двое, 6,3 % – один ребенок [2, с. 123]. Следует отметить, что в 2011 г. количество респондентов, ориентированных на рождение троих детей, было меньше и составляло 25,8 % [10, с. 58–82].

Вместе с тем идеальное и реальное не всегда совпадают. Максимальный уровень рождаемости в сельских населенных пунктах наблюдался в 2013 и 2015 гг. (27 561 и 27 158 человек соответственно). В период с 2015 по 2019 г. в сельской местности рождаемость снизилась на 6 608 человек и составила 20 550 человек [14, с. 66]. Таким образом, материальное стимулирование рождаемости является важным, но не единственным фактором. На формирование репродуктивных установок и реальное репродуктивное поведение большое влияние оказывает пример в родительской семье, состояние здоровья супругов, стабильность семейно-брачных отношений. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что на современном этапе дети не удерживают семью от развода. Многие женщины, состоящие в браке, отмечают, что они не чувствуют уверенности в завтрашнем дне и испытывают страх пе-

ред будущем. В сложившейся ситуации они не решаются на рождение второго и тем более третьего ребенка. Поэтому необходимо принимать меры, направленные на укрепление института брака и семьи. Для этого необходимо духовно-нравственное воспитание детей и молодежи в семье, в школе, в высших и средних специальных учебных заведениях. Важнейшим агентом социализации являются СМИ. Создание для молодежи развлекательных телепередач, шоу, музыкальных клипов, фильмов, сериалов, направленных на формирование ценности семьи, брака, детей является важным фактором стабилизации семейно-брачных отношений.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что среди сельского населения происходит изменение традиционных представлений о семье и браке, что проявляется в снижении брачности, распространении «гражданских браков», росте количества разводов, падении рождаемости. Однако в сельской местности этот процесс происходит медленнее, чем в городах. Государство в Беларуси осуществляет комплекс мер, направленных как на развитие сельских регионов, так на поддержку семьи, создавая тем самым условия для ее жизнедеятельности и повышения уровня рождаемости. Вместе с тем многие семьи распадаются, все чаще молодые люди откладывают регистрацию брака, предпочитая фактическое сожительство, что отодвигает возраст рождения первого, второго и последующих детей. В связи с этим особую актуальность приобретает духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, его ориентация на большую и крепкую семью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение : в 2 т. / Беларус. гос. ун-т. ; ред.: О. Терещенко, Т. Кучера. – Минск : Белсэнт, 2018. – Т. 2 : Анализ результатов исследования «Поколения и гендер». – 189 с.
2. Лихачев, Н. Е. Социальная сфера белорусского села: социологический анализ состояния и перспектив развития / Н. Е. Лихачев, С. Н. Лихачева. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. – 173 с.
3. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 год : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2020. – 52 с.

4. Статистический ежегодник : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018. – 490 с.
5. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2018 год : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 43 с.
6. Кон, И. С. Ребенок и общество / И. С. Кон. – М. : Академия, 2003. – 336 с.
7. Лин, Д. Г. Сельское население Беларуси: демографический анализ / Д. Г. Лин, С. Д. Предыбайло. – Гомель : Барк, 2008. – 273 с.
8. Предыбайло, С. Д. Изменение половозрастного соотношения в городской и сельской группах населения / С. Д. Предыбайло // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2010. – № 2. – С. 54–58.
9. Лихачев, Н. Е. Социально-демографические проблемы белорусского села: региональный аспект (на материалах исследований в Могилевской области) / Н. Е. Лихачев // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2009. – № 2. – С. 154–158.
10. Лихачев, Н. Е. Социология белорусского села / Н. Е. Лихачев. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2014. – 176 с.
11. Бабосов, Е. М. Беларусь перед демографическими вызовами XXI в. / Е. М. Бабосов // Социология. – 2007. – № 3. – С. 121–129.
12. Раков, А. А. Трансформация дэмоўспроизводства села Беларуси в контексте урбанизации, НТР и перехода к постиндустриальному обществу / А. А. Раков // Социология. – 2007. – № 3. – С. 144–154.
13. Государственная поддержка семьи в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/bela-rus/social/zashhita-naselenija/podderzhka-semi>. – Дата доступа: 28.07.2021.
14. Регионы Республики Беларусь, 2019 = Regions of the Republic of Belarus, 2019 : стат. сб. : в 2 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2019. – Т. 1 : Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. – 808 с.

REFERENCES

1. Bielarus': struktura siem'i, siemiejnyje odnoszenija, rieproduktywnoje poviedienije : v 2 t. / Bielorus. gos. un-t. ; ried.: O. Tierieshchienko, T. Kuchiera. – Minsk : Bielsent, 2018. – Т. 2 : Analiz riezul'tatov issliedovaniya «Pokolienija i giender». – 189 s.
2. Likhachiov, N. Ye. Social'naja sfera bieloruskogo siela: sociologichieskij analiz sostojanija i pierspektiv razvitija / N. Ye. Likhachiov, S. N. Likhachiova. – Mogiliov : MGU im. A. A. Kulieshova, 2020. – 173 s.
3. Jestiestviennoje dvizhenije nasielienija po Riespublikie Bielarus' za 2019 god : stat. biul. / Nac. stat. kom. Riesp. Bielarus'. – Minsk : [b. i.], 2020. – 52 s.
4. Statistichieskij jezhegodnik : stat. sb. / Nac. stat. kom. Riesp. Bielarus' ; riedkol.: I. V. Miedviedieva (pried.) [i dr.]. – Minsk : Nac. stat. kom. Riesp. Bielarus', 2018. – 490 s.
5. Jestiestviennoje dvizhenije nasielienija po Riespublike Bielarus' za 2018 god : stat. biul. / Nac. stat. kom. Riesp. Bielarus'. – Minsk : [b.ii.], 2019. – 43 s.
6. Kon, I. S. Riebionok i obshchiestvo / I. S. Kon. – M. : Akadiemija, 2003. – 336 s.
7. Lin, D. G. Siel'skoje nasielienije Bielarusi: diemografichieskij analiz / D. G. Lin, S. D. Priedybajlo. – Gomiell': Bark, 2008. – 273 s.
8. Priedybajlo, S. D. Izmienienije polovozrastnogo sootnoshenija v gorodskoj i siel'skoj grupakh nasielienija / S. D. Priedybajlo // Viesn. BDU. Sier. 3, Historyja. Filasofija. Psichalohija. Palitalohija. Sacyjalohija. Ekanomika. Prava. – 2010. – № 2. – S. 54–58.
9. Likhachiov, N. Ye. Social'no-diemografichieskije probliemy bieloruskogo siela: riegional'nyj aspiekt (na materialakh issliedovaniy v Mogiliovskoj oblasti) / N. Ye. Likhachiov // Viesn. Grodzien. dziarzh. un-ta. Sier. 1, Historyja. Filasofija. Palitalohija. Sacyjalohija. – 2009. – № 2. – S. 154–158.

10. Likhachiov, N. Ye. Sociologija bielorussskogo siela / N. Ye. Likhachiov. – Mogiliov : Mogiliov. gos. un-t, 2014. – 176 s.

11. Babosov, Ye. M. Bielarus' pieried diemografichieskimi vyzovami XXI v. / Ye. M. Babosov // Sociologija. – 2007. – № 3. – S. 121–129.

12. Rakov, A. A. Transformacija diemvosproizvodstva siela Bielarusi v kontieksie urbanizacii, NTR i pieriekhoda k postindustrial'nomu obshchiestvu / A. A. Rakov // Sociologija. – 2007. – № 3. – S. 144–154.

13. Gosudarstviennaja poddierzhka siemji v Riespublikie Bielarus' [Elektronnyj riesurs]. – Riezhim dostupa: <https://president.gov.by/ru/bela-rus/social/zashhita-naselenija/podderzhka-semi>. – Data dostupa: 28.07.2021.

14. Riegiiony Riespubliki Bielarus', 2019 = Regions of the Republic of Belarus, 2019 : stat. sb. : v 2 t. / Nac. stat. kom. Riesp. Bielarus' ; riedkol.: I. V. Miedviedieva (pried.) [i dr.]. – Minsk : Nac. stat. kom. Riesp. Bielarus', 2019. – T. 1. : Social'no-ekonomichieskije pokazatieli = Socio-economic indicators. – 808 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 20.09.2021

УДК 316.728

Александра Вячеславовна Семёнова*мл. науч. сотрудник отдела региональной социологии, аспирант 3-го года обучения
Института социологии НАН Беларуси***Aliaksandra Siamionava***Junior Researcher of the Department of Regional Sociology, 3d Year Postgraduate Student
of Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus*e-mail: alexandrasemoma@gmail.com

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМУ ПОВЕДЕНИЮ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Представлены методологические основания типологического подхода к потребительскому поведению в социологии. Определены пробелы теоретической и эмпирической типологизации потребительского поведения российских и отечественных исследователей. Ввиду малочисленности публикаций белорусских социологов по рассматриваемой проблематике особое внимание уделено опыту построения эмпирических типологий современными российскими социологами с целью обоснования и применения в исследованиях потребительского поведения населения Беларуси. В результате было выявлено ключевое ограничение современных типологизаций, состоящее в трудности переноса полученных на выходе результатов на уровень массовых типологий, что обусловлено ограниченностью контекстуальных рамок исследований числом рассматриваемых факторов, составляющих типологическое ядро потребительского поведения. Кроме того, типы потребительского поведения меняются в соответствии с изменениями пространственно-временного континуума, в котором они реализуются.

Ключевые слова: *потребительское поведение, типологический подход, тип, типологизация, типология.*

Typological Approach to Consumer Behavior in Sociological Science

The article deals with the methodology of the typological approach to the study of consumer behavior in sociology. There are defined gaps in the theoretical and empirical typologisation of consumer behavior committed by Russian and domestic researchers. We found that there are not enough publications by Belarusian sociologists devoted to this problem. Therefore, special attention focuses on the experience of creating empirical typologies by modern Russian sociologists. As a result, the analysis of the typologies of scientists some of their shortcomings were found. The main disadvantage of the existing typologies of consumer behavior is the difficulty of transferring them to the level of mass typologies. This is because in the context of the study, the number of factors considered limits the creation of a typology.

Key words: *consumer behavior, typological approach, type, typologization, typology.*

Введение

Важным аспектом комплексного и системного изучения сферы потребления в социологии является типологический подход, применение которого позволяет выделить разнообразные типы потребительского поведения социальных субъектов на основании схожих и отличительных характеристик, обосновать возможные формы проявления потребительского поведения, тенденции и закономерности его формирования, устойчивости, трансформации и последствия. В этой связи актуализируется интерес к уточнению основных теоретико-методоло-

гических принципов типологического подхода, а также к опыту его применения современными российскими и отечественными учеными в контексте исследования потребительского поведения с целью выявления существующих ограничений в использовании данного метода, которые должны быть учтены в будущих разработках типологий.

Основная часть

В методологическом дискурсе типологический подход как междисциплинарный, применяемый в различных науках выступает в качестве обобщающей категории для всей сферы типологических предпосылок, понятий, процедур, частных и конечных результатов конкретного исследования и трактуется как «совокупность методоло-

---

Научный руководитель – Н. Л. Балич, кандидат социологических наук, доцент, заведующий отделом региональной социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси

гических процедур и соответствующих мыслительных операций, ориентированных на понимание сложных явлений в их структурной самодостаточности, в их становлении и обособлении по отношению к гетерогенной среде» [1]. Основные категории типологического подхода раскрываются через понятия типа, типологизации, типологии, типологического метода, типологического анализа, которые далее так или иначе будут затронуты.

Типологический подход латентно сопровождает генезис научного знания, в т. ч. и в социологии. Однако до второй половины XIX в., несмотря на выделение социологами классического этапа развития науки однородных групп в результате анализа социальных феноменов (О. Конт: закон трех стадий общественного развития [2], Г. Спенсер: теория социальных институтов [3], Э. Дюркгейм: теория самоубийства [4], К. Маркс: формационная теория [5] и др.), в их категориальном аппарате отсутствовали процедуры типологического подхода.

Основы типологического подхода заложены в концепции идеальных типов М. Вебера [6], которая до сих пор имеет широкое применение в методологической плоскости социогуманитарных наук. Так, «идеальный тип» представляется как некая абстрактная модель, сконструированная на основании существенных для данного социального явления признаков, но не существующая в чистом виде в реальности. Обращение к идеальным типам как теоретическим и концептуальным построениям упрощает исследовательскую задачу в результате абстрагирования и выделения наиболее важных определяющих факторов изучаемого социального явления при условии обладания высоким уровнем знаний о нем.

Важное значение в формировании теоретико-методологических оснований современного типологического подхода к осмыслению социальных явлений имеет понятие типа в контексте конструированного типа, введенного в научный оборот в 1934 г. Г. П. Беккером [7] вначале в качестве альтернативной категории для обозначения идеального типа М. Вебера. В 50–60-е гг. XX в. в подходе Г. П. Беккера устанавливается детализация конструированного типа с точки зрения его приближенности к существующим в действительности явлениям,

что нехарактерно идеальному типу, поэтому первому в соответствие приводится категория объективной вероятности, а второму – объективной возможности [8, с. 17]. Развернутое обоснование конструированного типа как «целенаправленного планового отбора, абстракции, комбинации и подчеркивания ряда критериев, имеющих эмпирические референты, которые служат основой для сравнения в эмпирических случаях» [9, с. 238], обнаруживается в методологии Дж. Ч. Маккинни. Но несмотря на учет при таком подходе специфических свойств исследуемой совокупности, выход за ее пределы на уровень всеобщности затруднителен.

Итак, категория «тип» представляется как конкретная единица типологического знания, поскольку используется для обозначения взаимозависимого набора признаков объекта [1]. Для обозначения процедуры установления устойчивого ядра признаков, обуславливающих существование исследуемого явления, наиболее уместным, на наш взгляд, является понятие типологизации. В социологической энциклопедии типологизация определяется В. А. Абушенко как «метод научного познания, направленный на разбивку некоторой изучаемой совокупности объектов на обладающие определенными свойствами упорядоченные и систематизированные группы с помощью идеализированной модели или типа (идеального или конструированного). Она проводится по выбранному и концептуально обоснованному критерию (критериям) или по эмпирически обнаруженному и теоретически интерпретированному основанию (основаниям)... Результатом типологизации выступает обоснованная внутри нее типология» [10, с. 1125]. Проще говоря, типологизация – это процесс создания типологии на основании группировки признаков познаваемых явлений и процессов по дедуктивному или индуктивному принципу.

Для более четкого понимания типологического анализа к потребительскому поведению следует привести определения теоретической и эмпирической типологизации В. А. Ядова: первая представляется как «обобщение признаков социальных явлений на основе идеальной теоретической модели и по теоретически обоснованным критериям» [11, с. 323]; вторая – как «поиск устойчивых сочетаний свойств социальных объектов

(или явлений), рассматриваемых в соответствии с описательными гипотезами в нескольких измерениях одновременно» [11, с. 329]. Теоретическая типологизация отличается применением относительно устойчивости свойств типа логического анализа, тогда как эмпирическая – анализом критериев устойчивости посредством многократного перебора вариантов [11, с. 329].

Нельзя не согласиться с замечанием Л. Н. Мазур и Л. И. Бродской по поводу применения в практике типологизации современных исследований смешанной типологии, основанной на теоретическом и эмпирическом уровнях социологического знания, которая позволяет умножить преимущества, а также сгладить неполноту и упрощение дедуктивного и индуктивного методов типологизации. Речь идет о корректировке теоретической типологии посредством эмпирической, а результатом такой стратегии анализа может стать получение нового знания [12].

Одним из принципиальных отличий установления социальных типов в социологической науке является их понимание как «всеобщих, существенных, повторяющихся, устойчивых (а не индивидуальных) проявлений социальных свойств и качеств субъектов и явлений» [13, с. 59]. В этой связи потребительское поведение рассматривается как типичное проявление реализации деятельности по удовлетворению потребностей социальных субъектов в рамках какой-либо типологии.

Что касается разработанности методики систематизированного описания типов потребительского поведения и реализующих их типов потребителей, то на современном этапе среди ученых, занимающихся анализом и построением подобных упорядоченных конструкций, вопрос об общепринятых дифференцирующих принципах остается открытым. Обращаясь к огромному пласту западных и восточноевропейских публикаций по проблематике социального феномена потребления, можно установить отсутствие единой идеально-типической модели потребительского поведения по теоретически обоснованным критериям, исходящим из логического анализа. Кроме того, проведенные в настоящее время социологические исследования особенностей потребительского поведения, в результате кото-

рых были проверены и подтверждены предложенные предшественниками, а также впервые выявлены и определены различные его типы, в большинстве своем не носят обобщающего характера и не переносятся на уровень массовых типологий [13, с. 59–60]. Данное обстоятельство прежде всего связано с тем, что выделение по различным основаниям типов в рамках типологического подхода обусловлено происходящими в данном конкретном пространственно-временном континууме социальными процессами, доминирующими в обществе типами личности, общемировыми тенденциями развития, поэтому они не являются статичными [14, с. 86].

На сегодняшний день в публикациях отечественных ученых обнаруживается недостаточная распространенность типологического подхода к потребительскому поведению. Поэтому наибольший интерес для нас представляют разработанные российскими учеными эмпирические типологии потребительского поведения с точки зрения целесообразности их применения к реалиям современного белорусского общества.

Прежде всего установим, кто нас интересует в качестве субъекта потребительского поведения в контексте применения типологического подхода. В целом на уровне макро- и микроанализа в этой роли рассматриваются индивид, домохозяйство, социальная группа, общество, а также юридические лица (предприятия, торговые посредники, учреждения и т. п.).

Совокупность субъектов потребления в типологии, как правило, характеризуется с точки зрения социально-демографических (пол, возраст, семейное положение, этап жизненного цикла семьи, уровень образования, профессия, сфера занятости, национальность, доход) и географических (административно-территориальные единицы проживания) характеристик потребителей. Обращаясь к опыту исследователей эмпирической типологизации потребительского поведения, становится возможным наглядно очертить методологические основания данной процедуры в виде субъектно-объектных, пространственных типо- и структурообразующих признаков и элементов. Речь идет о выделяемых внутренних качествах (установки, ценностные ориентации, мотивация деятельности, социальные роли и

ожидания, статусная принадлежность и т. п.), присущих человеку как субъекту потребления, а также о воздействующих на него внешних факторах среды и предметного пространства, типично проявляющихся, контекстуально задаваемых и анализируемых современными социологами. Отметим, что в рамках применения типологического подхода ученые рассматривают особенности реализации субъектами потребительских практик в свете глобальных рыночных тенденций с целью установления распространенности ценностей, характерных для общества потребления, порожденного капитализмом, а также рудиментарных – перенесенных из социалистического прошлого. Так, большинство авторов интерпретирует потребительское поведение на полюсах традиционности ценностных ориентаций для данной национальной культуры и ценностных ориентаций консьюмеризма, в более конкретном плане – с точки зрения критериев материализма и постматериализма, коллективизма и индивидуализма.

Далее непосредственно обратимся к подходам эмпирической типологизации потребительского поведения индивидов, которые позволят определить, на основании изучения и выявления каких факторов сегодня осуществляется социологическое обоснование типов потребительского поведения, а также типов потребителей, их реализующих.

Социолог Е. Е. Тумалева посредством сбора мнений студенческой молодежи, полученных методом написания ими эссе на заданную тему, стремилась изучить социально-культурную значимость их повседневных практик потребления в формировании образа и стиля жизни, ценностных ориентаций в конструировании будущего. В результате анализа полученных материалов при помощи качественных методов исследования ей удалось выявить специфические стратегии потребления, ключевыми из которых выступили ориентация на «жизнь здесь и сейчас» и ориентация на будущее [15, с. 152], которые легли в основу различения некоторых стилистических типов потребительского поведения студентов – рационального, максималистского, спонтанного (сиюминутного), – определяемых экономическим капиталом человека (экономический статус, финансовые возможности),

предоставляющим ему возможности для реализации потребления, рассматриваемого не только в отношении номинальной траты денег, но и в качестве символической практики [15, с. 151]. Особенности номинального и символического потребительского поведения, по оценке автора, детерминированы также влиянием социального окружения, ориентацией на референтные группы, иерархией ценностей, в целом возрастной и деятельностной спецификой стадии жизни студентов, смена или окончание которых ведет к изменению стиля потребления. Можно сказать, что Е. Е. Тумалева на практике подтвердила, что, несмотря на выделение и характеристику молодежи как группы населения с точки зрения возрастной специфики, «современная российская молодежь не может быть представлена как единая социальная группа по таким признакам, как ценностные ориентации, стиль жизни, духовные потребности, материальные возможности и ряд других» [15, с. 149]. Так, исследователь предложила некий типологический минимум типов потребительского поведения на базе анализа реальных потребительских практик представителей отдельной социальной группы молодежи – студентов.

Определив потребительское поведение (преимущественно с опорой на социально-психологический подход) как одну из значимых социальных практик, связанных не только с удовлетворением базовых потребностей, но и направленных на конструирование идентичности и личностную самоактуализацию, российский социолог Н. К. Самарбаева провела эмпирическое исследование с целью определения среди городской молодежи групп потребителей и характерных для них видов потребления [16, с. 511]. В результате применения в рамках массового опроса психологической шкалы терминальных (т. е. убеждений в достойности какой-то цели индивидуального существования стремления к ней) и инструментальных (т. е. убеждений в предпочтительности в любой ситуации какого-то определенного образа действий или свойства личности) ценностей по методике ценностных ориентаций М. Рокича и методики изучения «стиля жизни потребителя», разработанной на основе шкалы Р. Лайкерта [16, с. 512], автором было произведено

структурирование типов потребительского поведения не только на основании социально-демографических и экономических (специфика расходования средств) параметров, но и с помощью выявленных среди респондентов систем ценностей (ценностей-целей и ценностей-средств) личности, их оценок собственных интересов и потребностей, отношений к самому себе и к окружающим, жизненных целей и приоритетов (семья и семейное благополучие, статусность и карьера, отсутствие четких целей в жизни и т. д.) и некоторых других аспектов [16, с. 511]. Н. К. Самарбаева определила пять типов потребителей среди городской молодежи: «обыватели», «гедонисты», «интеллигенты» (осуществляющие плановое распределение доходов, ориентированные на внутренний мир; ценящие семейное благополучие, здоровье, познание, общение с друзьями), «карьеристы», «новаторы» [16, с. 516].

Согласно данному подходу к изучению потребительского поведения для целостного понимания общественных процессов существует возможность наряду с традиционными социологическими приемами ранжирования групп потребителей использовать более «тонкие» технологические приемы психографики, устанавливающие аспекты стиля жизни, а также ценностной структуры жизненного пространства личности. Следует отметить, что автором в качестве объекта исследования была избрана городская молодежь, поэтому выявленные ею стили потребления могут не быть в полной мере выражены среди молодых людей, проживающих в сельских регионах, что задает курс на проведение сравнительных исследований.

Российские социологи С. А. Сидорова и В. Я. Красниковский в рамках изучения потребительского поведения как элемента механизма социальной стратификации общества с учетом влияния социального и личностного факторов в данном процессе поставили вопрос о возможности рассмотрения закономерностей проявления стратегий потребительского поведения граждан как показателя их стратификационной амбициозности. Авторами был проведен массовый опрос молодежи, направленный на изучение тенденций в организации людьми своего потребительского поведения в конкретных типичных ситуациях приобретения

преимущественно материальных благ. Анализ данных исследования ими производился на основании теоретической классификации типов потребителей В. И. Ильина: «а) новаторы – при выпуске нового товара стараются как можно скорее приобрести его и опробовать; б) последователи, наблюдающие за новаторами, окружающими людьми и стремящиеся не отличаться от них при потребительском выборе; в) консерваторы, ориентированные на потребление или приобретение ранее апробированных товаров» [17, с. 61], каждому из которых в соответствие были поставлены следующие стратегии потребительского поведения: а) незамедлительная покупка нового, появившегося на рынке товара; б) ожидание освоения нового товара большинством потребителей; в) покупка привычных, давно апробированных товаров [17 с. 62]. В результате было установлено процентное соотношение в выборке исходных типов потребителей на основании их субъективного самоопределения своего типа и реализуемых стратегий потребительского поведения. Авторы выявили, что представителями каждого типа потребителей могут практиковаться несколько стратегий потребительского поведения в различных сочетаниях [17, с. 69], эмпирическим путем доказав идеализированный характер теоретической типологии потребителей В. И. Ильина. Кроме того, С. А. Сидорова и В. Я. Красниковский на основании анализа устойчивости жизненных планов молодого человека-потребителя на достижение или удержание какой-либо из возможных или желательных стратификационных позиций [17, с. 79] выделили стратификационно-амбициозный и стратификационно-неамбициозный типы потребителей. Осуществив корреляцию последних с типами потребителей по критерию реализации стратегий потребительского поведения, ученые заключили, что и среди стратификационно-амбициозных, и среди стратификационно-неамбициозных потребителей встречаются представители потребительских типов новаторов, последователей и консерваторов. Однако С. А. Сидоровой и В. Я. Красниковскому ввиду ограниченности рамок исследования не удалось выявить закономерности и структурные характеристики такой встречаемости и присутствия, на что они сами указывают и отмечают в

этой связи актуальные направления будущих исследований.

Следует рассмотреть типологию потребителей российского исследователя О. Ю. Гуровой, разработанную ею в результате изучения потребительского поведения горожан на рынке одежды на основе использования качественного метода интервью и проведения серии социологических опросов. Основным критерием построения данной типологии выступили предпочтения потребителями определенных торговых форматов (современных ТРК и ТРЦ, центров моды, брендовых магазинов, сетевых магазинов, магазинов отечественных фабричных производителей, «старых» торговых центров типа ГУМ, секонд-хендов, «блошиных рынков», онлайн-магазинов). Кроме того, автором была отмечена обусловленность индивидуального потребительского выбора социально-демографическими характеристиками, уровнем образования и дохода (т. е. объемом культурного и экономического капитала), значением шоппинга, степенью включенности в культуру потребления [18, с. 132]. Так, О. Ю. Гурова выделила следующие типы потребителей: «продвинутый», «транжира», «социалистический», «альтернативный» (или «креативный») и «традиционный» [18, с. 131–140]. Все они характеризуются с точки зрения сформировавшихся у опрошенных потребительских практик, реализуемых в конкретных условиях выбора и покупки на рынке одежды. При этом сама исследовательница отмечает, что каждый из представленных ею типов является идеальным, поскольку каждый отдельный индивид в различных потребительских ситуациях (в условиях приобретения другой категории товаров) может действовать не только в рамках какого-то одного из представленных типов: «Нередко в одном и том же нарративе встречаются практики более чем одного из перечисленных типов» [18, с. 140]. Привлекающий внимание недостаток типологии О. Ю. Гуровой состоит в том, что, делая упор на критерий возраста при типологизации, О. Ю. Гурова в представленной ею типологии не учла потребителей старших возрастных групп (пенсионный возраст).

Российский социолог Е. В. Немкова в рамках проведенного анкетного опроса изучила распространенность тех или иных

практик потребительского поведения среди различных групп потребителей в связи с особенностями принятия ими решений о покупке, факторами, воздействующими на их предпочтение и выбор определенных продовольственных магазинов, в контексте правомерности наложения концепции общества потребления на реалии современного российского общества. В основу методики исследования автором была положена классическая идеально-типическая структура социального действия М. Вебера, которая в несколько дополненном виде позволила предложить к изучению следующие типы потребительского поведения на рынке продуктов питания: «аналитический» (целерациональное действие), основывающийся на сборе информации о продукте в виде объектных (состав и другие данные на упаковке) и субъектных (мнение других людей о товаре) факторов; «прислушивающийся» (ценностно-рациональное действие), ориентирующийся в процессе приобретения в первую очередь на мнение других людей (доверяет советам друзей или знакомых, продавца в магазине); «эмоциональный» (аффективное действие), характерный для высокоэмоционального потребителя, осуществляющего выбор товара, например, для поднятия настроения; «традиционный» (традиционное действие), проявляющийся в приверженности покупателя уже опробованным ранее или привычным в его семье маркам товаров; «экономный», ориентированный не только на выбор, но и на поиск товара по относительно низкой цене [19, с. 81]. В результате анализа данных исследования Е. В. Немковой была выявлена и подтверждена реализация потребителями действий по выбору и приобретению продуктов питания в контексте предложенной типологии потребительского поведения. Но, по ее замечанию, выделенные типы потребительского поведения не являются универсальными, поскольку в реальной жизни отдельно взятый человек может действовать в ходе осуществления покупок соответственно нескольким из них в зависимости от обстоятельств. В этой связи автор представила четыре группы потребителей (кластеров): «консерваторы», «расточительные», «импульсивные» и «непоследовательные» [19, с. 82–84]. Так, произведенный типологический анализ Е. В. Немковой со-

четаает в себе обращение как к идеальным, так и конструированным типам, что можно обнаружить и в двух представленных выше подходах. Однако предложенная автором типология имеет отношение к поведению потребителей только на продуктовом рынке, поэтому ее правомерность относительно особенностей потребления гражданами других предложений рынка товаров и услуг требует дальнейшего изучения.

Заключение

В результате анализа научных трудов по применению типологического подхода в социологии нами было установлено, что на современном этапе среди ученых, занимающихся построением подобных упорядоченных конструкций, вопрос об общепринятых дифференцирующих характеристиках потребительского поведения на теоретическом и эмпирическом уровнях остается открытым. Кроме того, ввиду малочисленности современных публикаций отечественных социологов, в которых имела бы место любого рода типологизация потребительского поведения, мы обратились к эмпирическому опыту построения типологий российских коллег ввиду осознания нами потребности в осмыслении возможности их использования в процессе исследования по-

требительского поведения населения Беларуси. Было заключено, что в большинстве своем представленные типологические конструкции не носят обобщающего характера и не сводимы к уровню массовых типологий, что обусловлено ограниченностью контекстуальных рамок исследований различными факторами, составляющими типологическое ядро потребительского поведения. Кроме того, типы потребительского поведения меняются в соответствии с изменениями пространственно-временного континуума, в котором они реализуются.

В целом в практиках эмпирической типологизации потребительского поведения российских социологов учитывается детерминированность выделяемых типов уровнем субъекта (с выделением социально-демографических характеристик), зависящим от потребностей, интересов, ценностных ориентаций, мотивов и других внутренних личностных регуляторов; а также объектным уровнем в виде внешних факторов: экономических, политических, технологических, правовых, социокультурных. Взаимовлияние обеих групп факторов приводит к тому, что потребительское поведение характеризуется бесконечным воспроизводством множества потребностей, интересов, предпочтений, установок и реакций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плотников, В. И. Типологический подход [Электронный ресурс] / В. И. Плотников // Гуманитар. портал: Концепты. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7233>. – Дата доступа: 10.06.2021.
2. Конт, О. Дух позитивной философии / О. Конт. – М. : URSS, 2012. – 76 с.
3. Спенсер, Г. Основания социологии / Г. Спенсер. – М. : Либроком, 2013. – 432 с.
4. Дюркгейм, Э. Самоубийство / Э. Дюркгейм. – М. : АСТ, 2019. – 510 с.
5. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии / К. Маркс. – СПб. : Лениздат, 2019. – 511 с.
6. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
7. Becker, H. Constructive Typology in the Social Sciences / H. Becker // *American Sociological Review*. – 1940. – Vol. 5, nr 1. – P. 40–55.
8. Бабич, Н. С. Эволюция типологического метода в западной социологии XX века : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Н. С. Бабич. – М., 2010. – 28 с.
9. Маккинни, Д. Ч. Методология, процедуры и техника социологии / Д. Ч. Маккинни // Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении : монография. – М. : Изд-во иностр. лит., 1961. – С. 218–271.
10. Абушенко, В. Л. Типологизация / В. Л. Абушенко // Социология : Энциклопедия. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 1125.
11. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В. А. Ядов. – М. : Добросвет, 2000. – 596 с.

12. Мазур, Л. Н. Историко-типологический метод в изучении раннесоветской семьи [Электронный ресурс] / Л. Н. Мазур, Л. И. Бродская // *Ист. информатика*. – 2017. – № 3. – С. 43–77. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23752. – Дата доступа: 14.06.2021.
13. Суименко, Е. И. «Homo economicus» современной Украины. Поведенческий аспект / Е. И. Суименко, Т. О. Ефременко. – Киев : Изд-во Ин-та социологии НАН Украины, 2004. – 244 с.
14. Каташинских, А. С. Методология исследования тенденций российского высшего образования: типологический подход / В. С. Каташинских // *Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Соц.-экон. науки*. – 2017. – № 4. – С. 81–95.
15. Тумалева, Е. Е. Потребительское поведение студенчества как фактор формирования жизненных стратегий / Е. Е. Тумалева // *Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «Философия. Психология. Педагогика»*. – 2009. – Вып. 1. – С. 149–156.
16. Самарбаева, Н. К. Потребительское поведение городской молодежи: социально-психологический анализ / Н. К. Самарбаева // *Вестн. Башк. ун-та*. – 2010. – Т. 15, № 2. – С. 511–516.
17. Сидорова, С. А. Потребительское поведение в современном обществе: экономико-социологический анализ : монография / С. А. Сидорова, В. Я. Красниковский. – М. : Прометей, 2019. – 130 с.
18. Гурова, О. Ю. Шоппинг, одежда и типология потребителей в Санкт-Петербурге / О. Ю. Гурова // *Журн. социологии и соц. антропологии*. – 2011. – № 5. – С. 129–141.
19. Немкова, Е. В. Факторы и типы потребительского поведения на рынке продовольственных товаров / Е. В. Немкова // *Экон. социология*. – 2008. – Т. 9, № 5. – С. 68–85.

REFERENCES

1. Plotnikov, V. I. Tipologichieskij podkhod [Elektronnyj riesurs] / V. I. Plotnikov // *Gumanitar. portal: Koncepty*. – Riezhim dostupa: <https://gtmarket.ru/concepts/7233>. – Data dostupa: 10.06.2021.
2. Kont, O. Dukh pozitivnoj filosofii / O. Kont. – M. : URSS, 2012. – 76 s.
3. Spenser, G. Osnovaniya sociologii / G. Spenser. – M. : Librokom, 2013. – 432 s.
4. Diurkgejm, E. Samoubijstvo / E. Diurkgejm. – M. : AST, 2019. – 510 s.
5. Marks, K. Kapital: kritika politichieskoj ekonomii / K. Marks. – SPb. : Lenizdat, 2019. – 511 s.
6. Weber, M. Izbrannyje proizvedienija / M. Veber. – M. : Progress, 1990. – 808 p.
7. Becker, H. Constructive Typology in the Social Sciences / H. Becker // *American Sociological Review*. – 1940. – Vol. 5, nr 1. – P. 40–55.
8. Babich, N. S. Evoliucija tipologichieskogo mietoda v zapadnoj sociologii XX vieka : avtorief. dis. ... kand. sociol. nauk : 22.00.01 / N. S. Babich. – M., 2010. – 28 s.
9. Makkinni, D. Ch. Mietodologija, procedury i tiekhnika sociologii / D. Ch. Makkinni // *Sovriemiennaja sociologichieskaja tieorija v jejo prijemstviennosti i izmienienii : monografija*. – M. : Izd-vo inostr. lit., 1961. – S. 218–271.
10. Abushenko, V. L. Tipologizacija / V. L. Abushenko // *Sociologija : Enciklopedija*. – Minsk : Knizh. dom, 2003. – S. 1125.
11. Yadov, V. A. Strategija sociologichieskogo issliedovanija. Opisaniye, objasnienije, ponimaniye social'noj rieval'nosti / V. A. Yadov. – M. : Dobrosviet, 2000. – 596 s.
12. Mazur, L. N. Istoriko-tipologichieskij mietod v izuchienii ranniesovietskoj siem'ji [Elektronnyj riesurs] / L. N. Mazur, L. I. Brodskaja // *Ist. informatika*. – 2017. – № 3. – С. 43–77. – Riezhim dostupa: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23752. – Data dostupa: 14.06.2021.
13. Suimienko, Ye. I. «Homo economicus» sovriemiennoj Ukrainy. Poviedienchieskij aspiekt / Ye. I. Suimienko, T. O. Efriemienko. – Kijev : Izd-vo In-ta sociologii NAN Ukrainy, 2004. – 244 s.
14. Katashinskikh, A. S. Mietodologija issliedovanija tendencii rossijskogo vysshego obrazovanija: tipologichieskij podkhod / A. S. Katashinskikh // *Viestn. Pierms. nac. isslied. politiekh. un-ta. Soc.-ekon. nauki*. – 2017. – № 4. – S. 81–95.
15. Tumalieva, Ye. Ye. Potriebitel'skoje poviedienije studienchiestva kak faktor formirovanija zhizniennykh strategij / Ye. Ye. Tumalieva // *Viestn. Udmurt. un-ta. Sier. «Filosofija. Psikhologija. Piedagogika»*. – 2009. – Vyp. 1. – S. 149–156.

-
16. Samarbajeva, N. K. Potriebitel'skoje poviedienije gorodskoj molodiozhi: social'no-psikhologichieskij analiz / N. K. Samarbajeva // Viestn. Bashk. un-ta. – 2010. – T. 15, № 2. – S. 511–516.
17. Sidorova, S. A. Potriebitel'skoje poviedienije v sovriemennom obshchestvie: ekonomiko-sociologichieskij analiz : monografija / S. A. Sidorova, V. Ya. Krasnikovskij. – M. : Promietej, 2019. – 130 s.
18. Gurova, O. Yu. Shopping, odiezhda i tipologija potriebiteliej v Sankt-Pietierburgie / O. Yu. Gurova // Zhurn. sociologii i soc. antropologii. – 2011. – № 5. – S. 129–141.
19. Niemkova, Ye. V. Faktory i typy potriebitel'skogo poviedienija na rynkie prodovol'stviennykh tovarov / Ye. V. Niemkova // Ekon. sociologija. – 2008. – T. 9, № 5. – S. 68–85.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.10.2021

УДК 316.776.23

Игорь Николаевич Харитонов*науч. сотрудник отдела региональной социологии
Института социологии НАН Беларуси***Igor Haritonov***Researcher of the Department of Regional Sociology the Institute of Sociology
of the National Academy of Sciences of Belarus**e-mail: igor-igor@tut.by***ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЗАГРЯЗНЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ БЕЛАРУСИ
О НАКОПЛЕНИИ РАДИОНУКЛИДОВ В КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЯХ**

Рассматривается вопрос о реальном уровне информированности населения, проживающего на загрязненных территориях Брестской, Гомельской и Могилевской областей и ведущего личное подсобное хозяйство, о способностях овощных, садовых и зерновых культур к аккумуляции радионуклидов. На основе проведенного социологического опроса делается вывод о недостаточной осведомленности населения о разнице между сортами культурных растений одного вида в аккумуляции радионуклидов и об отдельных слабонакапливающих овощных, плодово-ягодных и зерновых культурах. Проводится анализ особенностей осведомленности сельских жителей об аккумуляционной способности семян в зависимости от места проживания, возраста, пола и образования. Выделяется ряд растительных культур, в отношении которых у населения не имеется уверенных знаний об их реальной накапливаемости радионуклидов. Предлагаются рекомендации по информированию жителей загрязненных территорий.

Ключевые слова: *осведомленность населения, радиационная безопасность, радиоактивное загрязнение, садоводство, огородничество, личные подсобные хозяйства.*

***Awareness of Rural Population about Abilities of Agricultural and Horticultural Crops
for Accumulation of Radionuclides when Managing Personal Subsidiary Plots***

The article discusses the question of the real level of awareness of the rural population living in the contaminated territories of the Brest, Gomel and Mogilev regions and farming personal subsidiary plots, about abilities of various vegetables, fruits and berries, grains to accumulate radionuclides. On the basis of a sociological survey, it has been concluded that this population is not sufficiently aware of the difference between cultivars of a plant for the accumulation of radionuclides, as well as of the vegetables, fruits and berries, which accumulate less than others. An analysis is made about the peculiarities of the villagers' awareness of the accumulative capacity of seeds, as well as of their behavior when acquiring seeds, by region, age, gender and education. A number of plant crops have been identified of which respondents do not have confident knowledge about their real little or, conversely, serious accumulation. A number of recommendations are given to optimize informing the population of contaminated areas.

Key words: *public awareness, radiation safety, radioactive contamination, gardening, horticulture, personal subsidiary farms.*

Введение

Важными факторами для радиационной безопасности жителей, проживающих на радиоактивно загрязненных территориях Республики Беларусь, являются потребление пищи, приготовленной из выращенной на этих территориях сельскохозяйственной или садоводческой продукции, а также знания об особенностях выращивания растительных культур в условиях радиоактивного загрязнения почв. Осведомленность населения загрязненных территорий о накопительной способности тех или иных сельскохозяйственных и садовых культур (овощ-

ных, плодово-ягодных, зерновых) базируется на определенной информации, которая распространяется в СМИ, в учреждениях образования и здравоохранения на местах. Вместе с тем возникает вопрос, каков реальный уровень осведомленности сельского населения, ведущего личные подсобные хозяйства и занимающегося выращиванием на своих участках растительных культур?

Директор Белорусского отделения Российско-белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (БО РБИЦ) Н. Я. Борисевич отмечает: «Один из основ-

ных факторов, влияющих на дозу внутреннего облучения человека, – радиоактивное загрязнение продуктов питания, полученных на ранее загрязненных территориях» [1]. При этом, например, в 2010–2015 гг. в ходе проверок Республиканского центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья Беларуси и его филиалов превышение допустимых уровней содержания цезия-137 и стронция-90 (РДУ-99) фиксировалось только в продуктах питания, полученных с личных подсобных хозяйств, а также из леса, в отличие от продукции сельхозпредприятий, которая была на 100 % чиста [1].

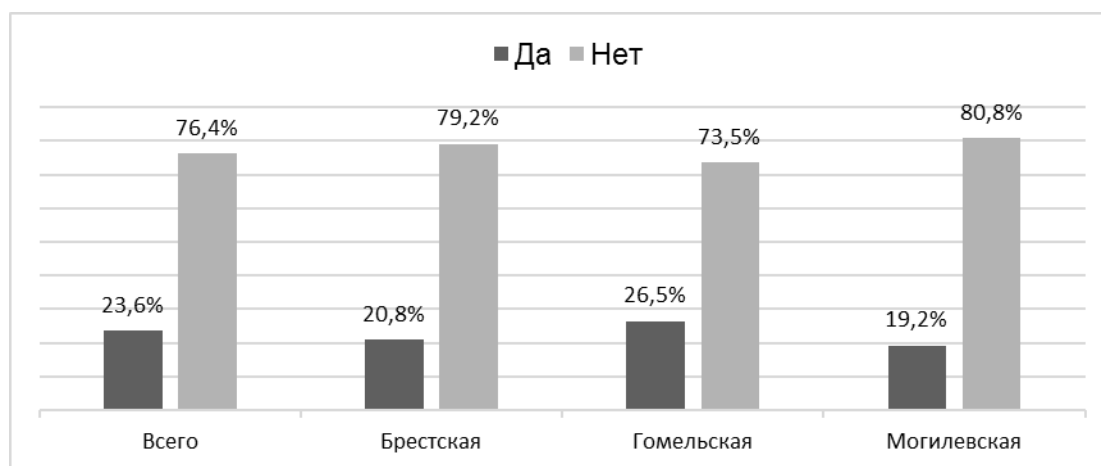
Основная часть

Уровень осведомленности сельского населения о накоплении радионуклидов растительными культурами рассматривался в рамках реализации НИР «Выявить реальный уровень информированности сельского населения о специфике употребления продуктов питания (собственного подворья, даров леса, водоемов, рек и т. п.) и возможностях выращивания чистой продукции в регионах, пострадавших от аварии на ЧАЭС» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2011–2015 гг. и на период до 2020 г., осуществляемой силами Института социологии НАН Беларуси, в ходе которой в 2019 г. был проведен социологиче-

ский репрезентативный опрос населения, проживающего в сельских населенных пунктах Брестской, Минской и Могилевской областей (выборка – 1 150 респондентов, научный руководитель – кандидат социологических наук Н. Л. Балич).

В рамках этого опроса данная осведомленность анализировалась на основе ответов респондентов, прежде всего ведущих личное подсобное хозяйство (ЛПХ), на вопросы о зависимости уровня накопления радионуклидов в овощных и плодово-ягодных культурах от принадлежности растений к определенным сортам, а также о том, какие овощные, плодово-ягодные, зерновые культуры обладают меньшей способностью накапливать радионуклиды. Отдельно задавали вопрос о значимости для населения низкой способности растительных культур накапливать радионуклиды при совершении их покупки и при выборе сортов и семян для использования в подсобном хозяйстве.

Большинство опрошенных (70 %) в целом по выборке (Брестская область – 66 %, Гомельская – 68 %, Могилевская – 81 %) указали, что имеют в своем пользовании личные подсобные хозяйства (ЛПХ). Из них только 23,6 % респондентов ответили, что знают о зависимости уровня накопления радионуклидов от выбора определенного сорта овощных и плодово-ягодных культур, 76,4 % этого не знают (рисунок 1).

Рисунок 1. – Распределение ответов респондентов, имеющих в своем пользовании ЛПХ, о своей осведомленности о зависимости содержания радионуклидов в растительных культурах от их сорта

Среди жителей различных областей лучше всего осведомлены о такой зависимости респонденты Гомельской области

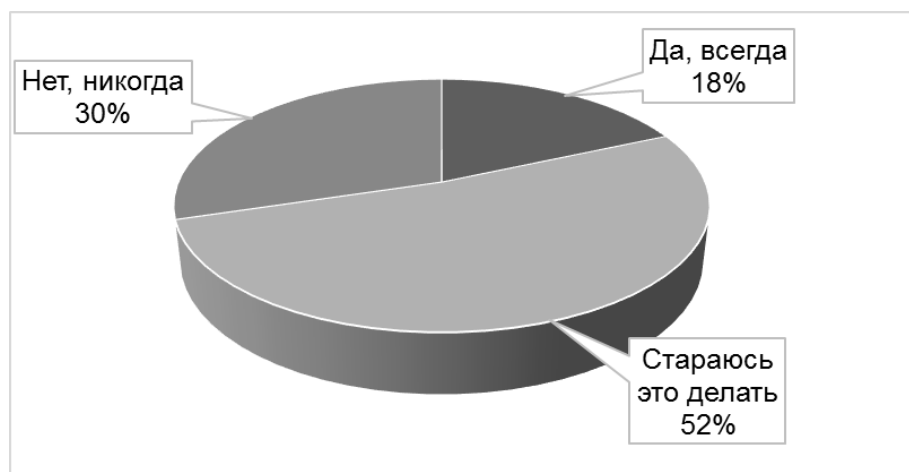
(26,5 %) (в Брестской области – 20,8 %, в Могилевской – 19,2 %), что, скорее всего, связано с более высокой степенью радиоак-

тивного загрязнения ее территорий и широкой работой по информированию. Мужчины и женщины не отличаются по уровню наличия такой осведомленности и знают об этом в равной степени (24,3 и 23,1 % соответственно). Различные возрастные группы респондентов, как учащаяся молодежь, так и взрослые и пожилые люди, занимающиеся ЛПХ, знают об этой зависимости практически в одинаковой степени: возраст 16–29 лет – 23,8 %, 30–44 года – 22,0 %, 45–59 лет – 23,7 %, 60 лет и старше – 24,4 %. Возможно, это связано с совместным ведением ЛПХ представителями различных поколений одной семьи и с обменом между ними знаниями по этой теме.

В результате анализа ответов респондентов, которые осведомлены о том, что различные сорта по-разному накапливают радионуклиды, возникает вопрос, насколько

они применяют на практике свои знания? А также учитывают ли они эти знания при покупке семян для рассады на своих участках? Обеспечивают ли они таким образом распространение на личных подсобных хозяйствах слабонакапливающих сортов плодово-ягодных и овощных растений?

Из числа тех, кто имеет в своем пользовании ЛПХ и осведомлен о неодинаковой способности различных сортов к аккумуляции радионуклидов, при покупке семян всегда обращают внимание на слабонакапливающие качества сорта 18,4 % респондентов, стараются это делать 51,9 %, никогда не обращают на это внимание 29,7 % (рисунок 2). Скорее всего, большое влияние оказывают стоимость семян и предпочтение определенных сортов по другим критериям (реальная урожайность, наличие в продаже, привычность, морозоустойчивость и т. д.).

Рисунок 2. – Распределение ответов респондентов, ведущих ЛПХ и осведомленных о зависимости между уровнем аккумуляции радионуклидов и сортовой принадлежности, об учете этих знаний при покупке семян для рассады на своем ЛПХ (24 % всех респондентов)

Степень применения этих знаний при покупке семян заметно отличается по областям. При их приобретении, согласно данным опроса, всегда учитывают нужные качества сорта в наибольшей степени жители Брестской области (24,9 %), чаще стараются так поступать в Гомельской области (62,2 % респондентов), преимущественно игнорируют эти свойства сортов в Могилевской области (56,5 %) (для респондентов Могилевской области проблема радиоактивного загрязнения менее актуальна).

При приобретении семян в большей степени всегда обращают внимание на спо-

собность сортов к малому накоплению или стараются так делать молодежь 16–29 лет, лица в возрасте 30–44 лет, 60 лет и старше (22,0, 19,5 и 19,3 % соответственно). Никогда не обращают на это внимания в большей степени респонденты из возрастных групп 45–59 лет, а также 60 и старше (34,1 и 32,9 % соответственно). Здесь, наверное, играют свою роль модные теперь среди более молодых поколений тенденции заботы о здоровом питании и здоровом образе жизни. У лиц от 60 лет и старше, возможно, внимание к накоплению радиации усиливается на фоне ухудшающегося здоровья и

опасений по поводу онкологических заболеваний, а другой части это становится важным в силу преклонного возраста.

Анализ по образовательным группам неожиданным образом указывает на то, что в большей степени склонны всегда учитывать слабоаккумулирующие свойства сортов растений, семена которых приобретаются, респонденты с базовым и средним образованием (23,2 %), в значительно меньшей (10,9 %) – лица с высшим образованием. Возможно, лица с высшим образованием более свободно стараются подходить к оценке потенциального негативного влияния на их здоровье радионуклидов в выращиваемых культурах.

Для выявления более конкретных знаний респондентам, ведущим ЛПХ, было предложено выбрать из предложенного списка, какие овощные, плодово-ягодные и зерновые культуры, по их мнению, меньше всего накапливают радиоактивные вещества. По всем культурам (овощным, плодово-ягодным, зерновым) в целом респонденты не имеют уверенных знаний в том, какие культуры накапливают меньше радионуклидов. Только по яблоне (41,7 % респондентов) и огурцам (39,7 %) присутствует некоторая общая правильная осведомленность о малой их аккумуляции радионуклидов. Доли выбора других культур преимущественно варьируются от 15 до 35 %, т. е. фактически носят несколько случайный характер со слабо выраженной тенденцией в сторону предпочтения действительно слабо накапливающих культур. При наличии реальных, уверенных и устойчивых знаний населения о слабонакапливающих свойствах были бы по некоторым культурам доли указавших их респондентов от 50 % и выше. Но такого

нет. И даже при выделении отдельной подгруппы респондентов, заявивших, что они полностью или скорее осведомлены о правилах безопасного проживания и получения в личном подсобном хозяйстве «чистой» продукции, там не встречаются культуры, указанные более чем 42,9 % респондентов (результат по яблокам). При этом некоторая тенденция правильно указывать слабонакапливающие растительные культуры чаще встречается для плодово-ягодных и овощных культур, чем для зерновых. Возможно, это связано с тем, что зерновые реже выращиваются гражданами на ЛПХ по сравнению с плодово-ягодными и овощными.

К слабонакапливающим культурам относятся кабачок, огурец, томат, лук репчатый, капуста белокочанная и краснокочанная; к средненакапливающим – капуста цветная, морковь, свекла столовая, чеснок, картофель; к сильнонакапливающим – петрушка, укроп, горох, щавель, редька, редис, фасоль, бобы.

Несмотря на неуверенные знания, респонденты показали некоторую тенденцию к верному предпочтению помидоров, огурцов, перцев, кабачков, но при этом недооценивали низкую аккумуляционную способность капусты белокочанной, лука репчатого (степень реального накопления радионуклидов растительными культурами определялась согласно «Рекомендациям по безопасному проживанию и ведению личного подсобного хозяйства в условиях радиоактивного загрязнения территории» [2, с. 18–21]). Они также проинформированы относительно высокой накапливаемости щавеля, редьки, редиса, при этом ошибочно относили укроп и петрушку, горох, фасоль, бобы к менее накапливающим культурам (таблица 1).

Таблица 1. – Распределение ответов на вопрос, «Какие овощные культуры меньше накапливают радионуклиды?», %

Овощные культуры	Всего	Область		
		Брестская	Гомельская	Могилевская
Огурцы	39,5	31,3	40,3	47,0
Помидоры	33,7	26,2	34,3	40,9
Перец	27,2	28,2	26,3	29,7
Кабачки	26,6	16,9	29,9	26,5
Укроп	25,6	31,9	24,0	23,8
Петрушка	25,6	27,0	26,0	22,6
Чеснок	25,2	34,1	20,9	30,1
Лук репчатый	24,7	24,4	21,8	35,8
Капуста белокочанная	24,2	24,7	22,4	30,1
Картофель	24,0	22,9	21,7	34,3

Продолжение таблицы 1

Морковь	22,1	25,2	17,7	34,8
Горох, бобы, фасоль	20,9	22,8	20,0	21,5
Баклажаны	17,7	14,4	19,5	15,3
Свекла	16,7	14,5	16,6	19,9
Редис	15,1	15,7	14,6	16,3
Щавель	15,0	21,8	12,6	15,5
Топинамбур	13,8	16,0	13,8	11,1

Если представить полученные в результате опроса данные в виде отредактированного убывающего ряда и сравнить его с предлагаемым рядом в рекомендациях Республиканского научно-исследовательского унитарного предприятия «Институт радиологии» [2, с. 87], то мы увидим, что респонденты совершенно не знают про слабоаккумуляционные свойства топинамбура, а также имеют тенденцию занижать эти свойства у капусты белокочанной. Кроме того, они

имеют тенденцию относить бобы и горох, морковь и чеснок к менее накапливающим культурам (таблица 2). Коэффициент, отражающий отличие мнения респондентов от рекомендаций, высчитывался как разница в ранге между первым и вторым рядами. Знак в данном случае отражает тот факт, что малая накапливаемость определенной овощной культуры либо преуменьшается (знак +), либо преувеличивается (знак –).

Таблица 2. – Сравнение убывающих по степени накопления радионуклидов рядов овощных культур, составленных согласно «Рекомендациям по безопасному проживанию и ведению личного подсобного хозяйства в условиях радиоактивного загрязнения территории» [2] и на основе данных проведенного исследования (2019 г.)

Убывающий по аккумуляции радионуклидов ряд овощных культур согласно рекомендациям [2]		Убывающий по аккумуляции радионуклидов ряд овощных культур по итогам опроса респондентов
1. Щавель	+1	1. Топинамбур
2. Бобы, горох	+3	2. Щавель
3. Редис	0	3. Редис
4. Морковь	+2	4. Свекла
5. Свекла	-1	5. Бобы, горох
6. Картофель	+1	6. Морковь
7. Чеснок	+3	7. Картофель
8. Лук репчатый	+1	8. Капуста белокочанная
9. Томаты	+3	9. Лук репчатый
10. Кабачки	+1	10. Чеснок
11. Огурцы	+2	11. Кабачки
12. Топинамбур	-11	12. Томаты
13. Капуста	-5	13. Огурцы

Тенденцию к более уверенным знаниям показали респонденты из Могилевской области, которые чаще по сравнению с другими указывали в качестве малонакапливающих культур огурцы, помидоры, капусту, лук и при этом не выбирали щавель, горох, бобы (таблица 1).

В случае выделения из респондентов подгруппы тех, кто заявил о знании правил безопасного проживания и получения «чистой» продукции в личном подсобном хозяйстве, уровень реальной осведомленности о слабоаккумулятивных овощных культурах становится несколько более высоким, но

при этом же увеличивается и погрешность в связи с более маленьким размером выборки, что позволяет говорить о реально незначительно большей осведомленности таких респондентов.

В зависимости от пола можно обнаружить тот факт, что у мужчин фиксируется более равномерный характер в распределении ответов. Различия в выборе овощных культур у них более сглажены, что позволяет утверждать о несколько лучшей осведомленности женщин о том, какие овощи относятся к слабоаккумулятивным. Женщины чаще указывали на слабоаккумуляцион-

ные свойства огурцов, помидоров, баклажанов, кабачков, чем мужчины.

По плодово-ягодным культурам респонденты имеют тенденцию знать про более низкую аккумуляцию радионуклидов яблоней, черной и красной смородиной, но склонны недооценивать крыжовник, грушу, которые по способности слабо накапливать радионуклиды не уступают смородине. Хотя респонденты и склонны понимать, что земляника садовая (клубника) меньше всех

относится к менее накапливающим садовым ягодным культурам, примечательным является тот факт, что 23,4 % все равно отнесли ее к таковым (таблица 3). Кроме того, респонденты ошибочно относили к менее аккумулирующим видам малину. У жителей Могилевской области больше, чем у респондентов из других областей, выражена тенденция считать вишню менее накапливающей культурой.

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос: «Какие плодово-ягодные культуры меньше накапливают радионуклиды?», %

	Всего	Область		
		Брестская	Гомельская	Могилевская
Яблоня	41,7	47,1	37,3	51,2
Смородина черная	35,1	37,1	33,7	37,7
Малина	33,8	29,3	34,8	35,5
Смородина красная	33,7	33,6	33,5	34,4
Груша	26,2	29,9	24,4	28,2
Крыжовник	26,1	18,9	28,3	26,7
Слива	24,6	25,1	24,3	25,1
Вишня	24,4	22,6	21,8	36,3
Клубника	23,4	27,0	23,3	19,3

Также представим полученные данные по плодово-ягодным культурам в виде отредактированного убывающего ряда и сравним его с предлагаемым аналогичным рядом в рекомендациях РНИУП «Институт радиологии» (с поправкой на очевидную ошибку с заголовком в их рисунке: указано

«убывающие ряды», хотя на самом деле они «возрастающие») [2, с. 88]. Видно, что респонденты имеют преувеличенную склонность относить малину и яблоню к менее накапливающим культурам и недооценивать крыжовник и сливу (таблица 4).

Таблица 4. – Сравнение убывающих по степени накопления радионуклидов рядов плодово-ягодных культур, составленных согласно «Рекомендациям по безопасному проживанию и ведению личного подсобного хозяйства в условиях радиоактивного загрязнения территории» [2] и на основе данных проведенного исследования (2019 г.)

Убывающий по аккумуляции радионуклидов ряд плодово-ягодных культур согласно рекомендациям [2]		Убывающий по аккумуляции радионуклидов ряд плодово-ягодных культур по итогам опроса респондентов
1. Клубника	0	1. Клубника
2. Малина	+5	2. Вишня
3. Вишня	-1	3. Слива
4. Яблоня	+5	4. Крыжовник
5. Груша	0	5. Груша
6. Слива	-3	6. Смородина красная
7. Смородина черная	+1	7. Малина
8. Смородина красная	-2	8. Смородина черная
9. Крыжовник	-5	9. Яблоня

По зерновым культурам в целом респонденты более склонны относить к менее

накапливающим растениям пшеницу, но существенно недооценивают просо (таблица 5).

Таблица 5. – Распределение ответов на вопрос: «Какие зерновые культуры меньше накапливают радионуклиды?», %

Зерновые культуры	Всего	Область		
		Брестская	Гомельская	Могилевская
Пшеница	32,7	38,4	30,4	34,3
Овес	31,6	26,2	33,4	32,1
Рожь	29,9	29,8	28,2	36,9
Ячмень	27,2	37,0	23,7	27,9
Просо	24,5	28,7	23,9	21,5

Заключение

Таким образом, можно сделать основной вывод, касающийся информированности сельского населения, проживающего на радиоактивно загрязненных территориях Брестской, Гомельской и Могилевской областей и ведущего личное подсобное хозяйство, о способностях растительных культур к накоплению радионуклидов: опрос, проведенный среди данного населения показывает, что его осведомленность о существенной разнице между сортами культурных растений одного вида к аккумуляции радионуклидов и об отдельных овощных, плодово-ягодных и зерновых культурах, которые их накапливают меньше других, остается на недостаточном уровне.

Только каждый четвертый респондент, имеющий в своем распоряжении ЛПХ, указал, что ему известно о зависимости уровня загрязненности растения и его плодов радионуклидами от выбора определенного сорта овощных и плодово-ягодных культур. Три четверти опрошенных (76,4 %) этого не знают. Лучше всего об этом осведомлены жители Гомельской области (26,5 %), хуже – Могилевской (19,2 %).

При этом из числа тех, кто имеет в своем пользовании ЛПХ и осведомлен о неодинаковой способности различных сортов к аккумуляции радионуклидов, высока доля тех, кто при покупке семян обращает или старается обращать внимание на слабонакапливающие качества сорта – 70,3 % респондентов. Никогда же не обращают на это внимание при приобретении семян только 29,7 %.

По большинству основных овощных, плодово-ягодных, зерновых культур опрошенные не имели уверенных знаний о том, какие культуры накапливают меньше радионуклидов. Только по яблоне (41,7 % респондентов) и огурцам (39,7 %) имелась общая относительная осведомленность о ма-

лой их способности к аккумуляции радионуклидов. В остальном же доли выбора других культур преимущественно варьировались от 15 до 35 %, что, на наш взгляд, недостаточно, т. к. логичным было бы ожидать при хорошей осведомленности процентные доли от 45 % и выше. Более того, обнаруженные в ответах респондентов слабо выраженные тенденции по определению тех или иных растительных культур как малонакапливающих не всегда соответствуют научным сведениям. Такие действительно слабонакапливающие культуры, как топинамбур, капуста белокочанная, просо, крыжовник, реже относили к менее накапливающим, чем это следовало бы. И, наоборот, в их число часто включали такие накапливающие культуры, как горох, бобы, малина.

В качестве практической рекомендации следует отметить сложный для запоминания характер информирования населения о менее накапливающих радионуклиды овощных, плодово-ягодных и зерновых культурах. Используемая на практике в виде графических схем и текстовой информации система убывающих по накоплению рядов сложна в запоминании и не раскрывает того факта, что многое зависит от сорта растения.

На наш взгляд, целесообразно акцентировать внимание населения прежде всего на выборе подходящего сорта растения. Также считаем нужным в рамках информирования населения выделить группы наиболее накапливающих овощных, плодово-ягодных и зерновых культур (горох, бобы, щавель, малина, земляника, овес) и отдельно оповещать о них население в форме графической и текстовой информации. Кроме того, можно обратить внимание на недооцениваемые слабонакапливающие растительные культуры (капусту белокочанную, кабачки, топинамбур, грушу, крыжовник, просо, сливу) и их популяризацию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тени Чернобыля. Как на загрязненных землях получают «чистый» урожай [Электронный ресурс] // Сайт Республиканского унитарного предприятия «Научно-практический центр гигиены». – Режим доступа: <https://www.rspch.by/node/137>. – Дата доступа: 05.05.2021.

2. Рекомендации по безопасному проживанию и ведению личного подсобного хозяйства в условиях радиоактивного загрязнения территории [Электронный ресурс] // РНИУП «Институт радиологии». – Режим доступа: https://chernobyl.mchs.gov.by/upload/iblock/bbb/rekomend_life.doc. – Дата доступа: 05.05.2021.

REFERENCES

1. Tieni Chiernobylija. Kak na zagriaznionnykh ziemiakh poluchajut «chistyj» urozhaj [Elektronnyj riesurs] // Sajt Riespublikanskogo unitarnogo priedprijatija «Nauchno-praktichieskij centr gigi-jeny». – Riezhim dostupa: <https://www.rspch.by/node/137>. – Data dostupa: 05.05.2021.

2. Riekomiendacii po biezopasnomu prozhivaniju i viedieniju lichnogo podsobnogo khoziajstva v uslovijakh radioaktivnogo zagriaznienija tierritorii [Elektronnyj riesurs] // RNIUP «Institut radiologii». – Riezhim dostupa: https://chernobyl.mchs.gov.by/upload/iblock/bbb/rekomend_life.doc. – Data dostupa: 05.05.2021.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 09.06.2021

РЭЦЭНЗІ

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Communicative Interaction of the State and Society in Information Reality

Перепелица, Е. В. Государство и общество: концептуальные основы сетевой коммуникации / Е. В. Перепелица. – Минск : Право и экономика, 2021. – 306 с.

Perepelitsa, E. V. State and Society: Conceptual Foundations of Network Communication / Ye. V. Perepelitsa. – Minsk : Law and Economics, 2021. – 306 p.

Сетевое коммуникативное пространство является ключевым трендом развития современного мирового сообщества. Технологические инновации, связанные с интернет-технологиями, открывают перед человечеством новые горизонты социальных возможностей. Средства коммуникации способствуют улучшению взаимопонимания между людьми, вносят значительный вклад в гармонизацию взаимоотношений государства и общества. Важно понимать, что технологии – это инструмент достижения различных целей как позитивного, так и негативного характера. В цифровую эпоху в разных странах мира появляются не только новые формы участия граждан в государственном и правовом строительстве, но и новые способы манипуляции общественным сознанием. Опыт многих IT-стран показывает, что цифровые технологии «пробуждают» общественную активность, а обратная связь со структурами гражданского общества в ходе разработки государственно-публичных решений создает дополнительные условия для расширения социальной базы эффективного социального управления.

Вопросы коммуникативного взаимодействия власти и граждан, привлечения общественных институтов к социальному управлению являются приоритетными и насущными для социально-политической и правовой системы Беларуси. Поэтому монография известного белорусского исследователя в области информационного права Е. В. Перепелицы «Государство и общество: концептуальные основы сетевой коммуникации» является своевременной и теоретически и практически востребованной.

Сетевая коммуникация как новый социальный феномен в настоящее время изучается различными социогуманитарными

науками: социальной философией, социологией, политологией, теорией и социологией права, информационным правом и др. Автор монографии не ограничивается какой-либо одной из этих научных дисциплин, а выходит на уровень междисциплинарного анализа сетевых коммуникаций в сфере правового регулирования взаимоотношений государства и общества. Е. В. Перепелица обоснованно полагает: «Выход из дисциплинарной изоляции, знакомство с универсально признанными научными достижениями, а также новейшими подходами к сетевой коммуникации в разных областях знания облегчает поиск корректных ответов на вызовы цивилизационного развития, стоящие перед правом. Междисциплинарный опыт категоризации искомого понятия, опирающийся на информационное право, данные отраслевых юридических, а также неюридических дисциплин показывают дихотомичность сетевых коммуникаций, их творческую и разрушительную силу... С одной стороны, сетевые коммуникации стимулируют появление возможностей социального сплочения, могут использоваться для сбалансирования и кооперации общественных, государственных и частных интересов, репрезентации и защиты общих ценностей, и, что самое важное, – создания климата доверия и согласия там, где в особой степени ощущается их дефицит. С другой стороны, они потенцируют существенные риски для различных сфер правовой жизни, угрожают потрясением основ демократии и прошлой солидарности, становятся критическим источником новых социальных и правовых проблем, расширяют возможности деструкции, скрытого продуцирования хаоса и конфронтации, разлада и социального распада» (с. 258).

В первой главе «Теоретико-методологические основания исследования сетевой коммуникации государства и общества» автор ищет методологию, которая бы учитывала обратное воздействие информационных технологий на интерессубъективность общества в пространстве сетевых структур. По мнению автора, в рамках неклассических подходов сетевая коммуникация предстает как сложная самоорганизованная система с присущими ей функциями и дисфункциями. «Постнеклассическая методология подходит к рассмотрению информационной реальности как источнику новой системной организации общества. Безбарьерное коммуникативное пространство обладает собственной онтологией, формирует принципиально новые способы бытия, показывает, что между этим пространством и правом возникают сложные синергетические связи» (с. 260). Относительно правовой сферы сделан вывод, что «правовые концепции и научные методы индустриальной эпохи сдают свои позиции и демонстрируют неготовность к критической оценке явлений, возникающих в безбарьерном коммуникативном пространстве – источнике новой системной организации жизни, а нужных концепций и научных методов, которые бы приносили немедленный результат, произведено еще недостаточно» (с. 11).

Осуществлен анализ сущностных и функциональных характеристик сетевых коммуникаций как социального феномена, а также выявлены особенности сетевой государственно-общественной коммуникации. По мнению автора, на базе цифровых технологий создается многообразие форм общественно-государственного взаимодействия, модифицируются практикующие и формируются новые принципы этого процесса. Взаимодействие государства и общества с использованием сетевых коммуникаций выступает в качестве важного фактора, снижающего социальную напряженность, способа формирования ценностных ориентаций граждан на законопослушное социальное поведение. Сетевые коммуникации выполняют интегративную функцию, предоставляя широким социальным слоям возможность участия в разработке законодательства и принятии политико-правовых решений, затрагивающих права, свободы и законные интересы граждан. Регулярный,

институализированный, прямой и открытый диалог с гражданами укрепляет общественное доверие к государству, повышает социальную обоснованность правотворческих, управленческих и других решений.

Теоретический анализ сетевых коммуникаций, который представлен во второй главе «Сетевая коммуникация в предметном поле современного гуманитарного знания», базируется на междисциплинарной социогуманитарной основе, интегрировании правовых, политологических, социологических и других знаний о природе, сущности и полифункциональных свойствах сетевой коммуникации как важного социального ресурса организации и развития взаимодействия органов государственной власти и институтов общества, укрепления их транспарентных связей.

Е. В. Перепелица исследует зарубежный опыт функционирования институтов гражданского общества и влияния граждан на политическую жизнь в рамках делиберативной демократии, для которой характерно широкое приобщение социальных акторов к процессу разработки и принятия публичных решений и мониторингу их реализации. В третьей главе «Сорешающее участие граждан в публичном дискурсе» сформулированы новые для информационного права научные выводы и положения, касающиеся использования возможностей сетевого взаимодействия для модернизации апробированных и формирования инновационных способов разработки, обсуждения и принятия законов и других нормативных правовых актов.

В четвертой главе «Сетевая коммуникация государства и общества как инструмент открытого правительства» представлена инновационная модель электронного взаимодействия государственных и общественных структур с участием коллективных и индивидуальных субъектов, имеющих различный правовой статус. Автор приходит к выводу, что интенсивное развитие и повсеместное распространение информационных технологий, возрастающие потребности в опоре на них как со стороны государства, так и стороны граждан – важный и необходимый шаг в организации общественно-государственного диалога и партнерского сотрудничества. На междисциплинарной теоретической и методологической

основе предложен комплекс мер по активизации участия граждан и институтов гражданского общества в управлении государством в условиях новой информационно-технологической социальной реальности. Все это свидетельствует о творческом подходе к постановке и решению исследовательских задач, которые имеют не только научную новизну, но и большое социально-практическое значение.

Представленная монография свидетельствует, что автор проделала значительную исследовательскую работу, изучила обширный круг вопросов, связанных с объектом, главной целью и задачами исследования. Профессионально построенная авторская междисциплинарная методология исследования, логика раскрытия предметной специфики рассматриваемых проблем позволили сформулировать новые для информационного и конституционного права научные положения, касающиеся модернизации практически действующих форм и механизмов непосредственного участия граждан в управлении государством и обществом, а также развития новых механизмов, генерируемых информационным медиапространством. Авторская концепция, разработанная в рамках информационного права, основана на опыте теоретического осмысления «коммуникации» и «сетевой коммуникации» в социологии, философии, политологии и других областях знания, в которых эти феномены начали рассматриваться задолго до дисциплинарного становления информационного права.

Монография структурирована логично и правильно: она включает разделы, посвященные методологическим, теоретическим и праксеологическим аспектам коммуникаций государства и общества в информационном медиапространстве.

Е. В. Перепелица последовательно проводит правовую категоризацию социального института коммуникации, аргументированный и взвешенный анализ институциональных характеристик и национальных стратегий открытого правительства, дает сущностную характеристику делиберативной демократии, с позиции гражданского участия в нормотворческом процессе раскрывает содержание института публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов.

В ходе анализа социальной практики применения сетевых общественно-государственных коммуникаций в правовой сфере Республики Беларусь автор отмечает наличие активной их поддержки на государственном уровне. Политическая элита осознает инновационный социальный факт, что использование сетевых коммуникаций позитивно сказывается на транспарентности нормотворческого процесса, содержании нормативных правовых актов и, как следствие, эффективности социального управления обществом. Сетевой формат в нашей стране используется в публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов при сохранении традиционной практики участия граждан в управлении делами общества и государства.

По мнению автора, перспективными формами взаимодействия государственных и общественных институтов в информационном пространстве являются общественные слушания, публичные консультации, различные формы общественного контроля, онлайн-референдумы, дискуссионные группы, фронт-офисы. Подобные практики призваны к общественной оценке положительных и отрицательных последствий и затрат на планируемое правовое регулирование. Использование сетевого коммуникативного взаимодействия общественных и государственных субъектов в национальной правовой системе, считает Е. В. Перепелица, обеспечит «переход от эпизодической вовлеченности граждан в процессы управления делами государства и общества к более системному участию в социальном управлении, что является формой проявления современной делиберативной демократии». Она обоснованно полагает, что «стратегически важно обеспечить не только правовую информированность граждан, но и широкое присутствие общества в публичном дискурсе, когда сетевые коммуникации приобретают иное достоинство и употребляются, в т. ч. в качестве дополнительного способа оптимизации общественно-государственного диалога» (с. 261). Реализация новых возможностей участия граждан в управлении делами государства и общества предполагает формирование инновационной нормативно-технической среды, благоприятного правового режима, разработки правил безопасной коммуникации для ее

участников, создания соответствующих юридических гарантий. Таким образом, «для эффективного использования сетевых средств коммуникации, электронной формы общественно-государственного взаимодействия необходимо обеспечить интеграцию информационных и правовых процессов, что требует нового взгляда на эпистемологические основания правоведения».

Предлагаемые инновации в сфере сетевых коммуникативных взаимоотношений с участием субъектов, представляющих государство и общество, обладают большим потенциалом для решения актуальных вопросов развития электронного правительства в Республике Беларусь в части демократизации социального управления.

Творческий замысел исследования удачно реализуется в выводах и обобщениях, которые базируются на знании научной литературы (монографий, диссертационных работ, статей), белорусского и российского информационного законодательства, зарубежной практики гражданского участия в публичном дискурсе.

Монография представляет собой интересный научный труд, посвященный актуальной теме. Вместе с тем автору следовало бы теснее связать рассматриваемый дискурс с экономическими, политическими, социальными и социокультурными реалиями современного белорусского общества, находящегося в историческом периоде трансформации всей системы общественных отношений – сложного, противоречивого и длительного перехода от социалистического общественного обустройства к социально ориентированной рыночной экономике, демократическому социальному правовому государству и развитому гражданскому обществу. Чрезвычайно важно

объективное рассмотрение обстоятельств, отражающих реальный уровень социально-экономического развития белорусского общества, специфику его социальной структуры, уровень развития демократии, правового государства и институтов гражданского общества в стране, существующую степень централизации и бюрократизации системы государственного управления, актуальное состояние политической культуры и социальной пассивности большинства граждан. Без учета данных факторов позитивные идеи делиберативной демократии и развития государственно-общественного партнерства с использованием современных социальных технологий сетевой коммуникации останутся футурологическими.

Подводя общие итоги, отметим, что монографическое исследование Елены Васильевны Перепелицы «Государство и общество: концептуальные основы сетевой коммуникации» выполнено на высоком теоретическом научном уровне, поставленные цель и задачи решены достаточно успешно и в полном объеме. Выводы автора важны с позиции научной рефлексии современного состояния и перспектив исследования системы коммуникаций в сети Интернет с участием общественных и государственных структур, они будут способствовать развитию методологии и научного аппарата информационного права.

Научные результаты монографии рекомендуется использовать в практической деятельности республиканских государственных органов и органов местного самоуправления для организации электронных платформ с участием представителей общественности при разработке управленческих решений, а также в нормотворческой деятельности и в образовательном процессе.

Николай Александрович Барановский

*доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник отдела социальной теории и методологии
Института социологии Национальной академии наук Беларуси*

Nikolai Baranovski

*Doctor of Sociology, Candidate of Legal Sciences, Professor,
Chief Researcher of the Department of Social Theory and Methodology
Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus*

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкаванага аркуша (не меней за 14 000 знакаў), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 08.09.2016 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. боб.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш, чым 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравецца ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.
- References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выліска з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў).

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.brest.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *С. М. Мініч, Г. Ю. Пархац*

Падпісана ў друку 30.12.2021. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 17,21. Ул.-выд. арк. 13,27. Тыраж 100 экз. Заказ № 396.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.